

СЛАВЯНСКИЕ МАТИЦЫ XIX ВЕК

Москва 1996

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения и балканистики
Научный центр общеславянских исследований
(ШЕСЛАВ)

СЛАВЯНСКИЕ МАТИЦЫ
XIX ВЕК

Часть вторая

Москва, 1996

Редакционная коллегия:

Т.М.Исламов, И.И. Лещиловская (отв. редактор),
З.С. Ненашева

Рецензенты:

доктор исторических наук *Л.В. Горина*,
кандидат исторических наук *А.В. Карасев*

ISBN 5-7576-0026-8

Институт славяноведения
и балканистики РАН, 1996

МОРАВСКАЯ МАТИЦА*

Маркграфство Моравия являлось частью Чешских земель, включавших также королевство Чехию и герцогство Силезию. Они вошли после битвы у Белой горы в 1526 г. в состав государства Габсбургов. Земли чешской короны св. Вацлава, не представляя единого целого, обладали земскими сословными учреждениями – сеймами. Их разнородность в административном, экономическом, политическом и культурном отношениях сохранялась и в XIX в.

Характеризуя общественно-политическое развитие Моравии в конце XVIII – начале XIX в., историки указывают на преимущественно немецкий облик массы городского мещанства и жизни горожан в целом при сильном влиянии идей клерикализма¹. Основная часть участников научно-культурных объединений, возникавших в этот период, отождествляла себя с немецкой культурной средой и родным языком считала немецкий. Своеобразие процессов, протекавших в Моравии, состояло в том, что "перелом к образованию современной нации в Моравии, общей с Чехией, т.е. чешской, связан с культурно-политическими отношениями XVII–XIX вв."²

Хотя численность чешского населения в Моравии в середине XIX в. составляла более 70% (в 1846 г. – 74,6%, во второй половине столетия – 70–71%)³, развитие здесь чешского национального движения было более затруднено, чем в Чехии. Моравская политическая элита выступала за сохранение политического и правового положения, неразрывно связанного, в ее восприятии,

*Автор выражает благодарность моравским коллегам, предоставившим материалы, широко использованные при подготовке данного очерка.

с земским самоуправлением, самобытностью маркграфства как одной из многочисленных самостоятельных в государственно-правовом отношении единиц монархии Габсбургов, объединяемых между собой лишь особой императора и некоторыми центральными органами. Земский патриотизм подкреплялся в Моравии местным регионализмом, противостоящим как универсализму обще-австрийской просветительской идеологии, так и объединительным тенденциям, идущим из богемской патриотически настроенной Праги.

Географическая близость к Вене, тесная экономическая связь с ней, ориентация всей коммуникационной инфраструктуры на этот крупнейший политический, экономический и культурный центр монархии, естественный для населения билингвизм и пр. вели к консервации патриотизма как земского понятия. Этому немало способствовала и позиция католической церкви, издавна с глубоким недоверием относившейся ко всем чешским акциям. Слабость системы чешского национального образования в Моравии, отсутствие признанного национального культурного центра, неразвитость институциональной базы моравских патриотических организаций и др. привели к тому, что долгое время оставалось незыблемым социально-культурное своеобразие маркграфства. Именно поэтому в первой половине XIX в. в Моравии все еще преобладало региональное "моравское" сознание как проявление самосознания, родственного чехам, но имеющего особенности этноса.

На начало XIX в. приходится основание первого музея в Брно. Он возник в рамках общего процесса создания подобных учреждений в Австрийской империи, у истоков которых стояли прогрессивно мыслящие представители местной аристократии. Идея учредить музей в Брно появилась среди членов Моравско-силезского общества, корни которого уходили во вторую половину XVIII в. Оно ориентировалось на поддержание земледелия, развитие естествознания и краеведения. Об организации Моравского земского музея, получившего название "Музей им. Франтишека"

(т.е. Франца I, с 1804 г. австрийского императора), было заявлено в марте 1818 г. графом М.А. Бедржихом. Причем особый акцент делался на содействие оломоуцкого архиепископа и согласие императора на эту акцию. В концепции музея, который включал несколько отделов, первоплановой оказалась история вместе с генеалогией, геральдикой, археологией и нумизматикой. Историческое собрание музея состояло главным образом из рукописей, имеющих историческую ценность, а также опубликованных источников по истории Моравии и Силезии. Традиционным для подобных учреждений было выделение и таких направлений деятельности, как статистика, география, физика, математика, химия, технология, земледелие, поскольку их роли в практической жизни населения придавалось исключительно важное значение⁴.

Моравский музей являлся долгие годы гордостью местной аристократии, открыто дистанцировавшейся от многих новаций и, в частности, рассматривавшей революцию 1848 г. как время "смутных политических грез"⁵. Причем название музея "земский" нельзя понимать в широком политическом смысле, оно говорило в первую очередь о границах той территории, на которой разворачивалась деятельность музея. На протяжении всего XIX в. Моравский земский музей фактически оставался частью немецкого по духу Моравско-силезского общества, он так и не сумел достичь масштаба крупного научного центра. Только одна историко-статистическая секция, основанная в 1849 г., вела активную издательскую работу⁶.

Оживление деятельности моравских патриотов относится к 30-м годам XIX в. и связано с именами Франтишека Матоуша Клацела (1808–1882), философа, стоявшего у истоков чешской философии, журналиста и публициста, издававшего с ноября 1848 г. газету "Моравске новины" ("Моравская газета"), и Алоиза Войтеха Шембера (1807–1882). Его имя значилось среди 11 чешских ученых, награжденных русскими орденами в связи с тысячелетием России.

А.В. Шембера родился в Чехии, жил преимущественно в Вене, но по своим устремлениям неразрывно был связан с Моравией. Он

интересовался филологией, в течение 10-ти лет преподавал чешский язык в Академии архитектуры в Оломоуце, а с 1850 г. — в Венском университете. Большинство его работ посвящены изучению прошлого Моравии⁷. Наиболее обширным трудом Шемберы в этой области была "История языка и литературы чешско-словацкой"⁸, в которой он, по мнению историографов, выступил последователем Юнгмана. Более высоко оценивается лингвистами сочинение ученого, посвященное "основам чешско-словацкой диалектологии"⁹, изданное в Вене.

В 1830 г. Шембера высказал мысль об основании в Моравии фонда, подобного Чешской матице. Издавая чешские книги, он мог оживить здесь литературную жизнь. Почитатели чешской литературы из среды моравских патриотов должны были объединиться в специальное общество, получившее название Матичка моравска (Моравская матичка). Его целью была публикация написанных в Моравии книг, к которым не проявили интереса ни моравские книготорговцы, ни Чешская матица. Учитывая неблагоприятную общеполитическую ситуацию в монархии, усиление реакционного режима Меттерниха, слабость учреждений образования, науки и культуры в Моравии, Шембера пришел к убеждению, что подобное общество в тот момент могло быть только частным¹⁰. Моравская матичка просуществовала всего несколько лет, издав в 1836 и 1837 гг. два сборника стихотворений Клацела¹¹ и популярную работу К.С. Амерлинга о значении селекции¹². После отъезда в 1840 г. Шемберы в Оломоуц деятельность фонда была приостановлена. В начале 40-х годов под эгидой Моравской матички вышел из печати труд Шемберы "Нашествие монголов на Моравию"¹³. На средства, собранные в результате его успешной реализации, было опубликовано еще несколько стихотворных сборников.

Нехватка денег для издания уже подготовленных книг заставила Шемберу в 1845 г. выступить с обращением к патриотам Моравии, в котором он просил о финансовой поддержке¹⁴. Однако только немногие увидели в этой акции стремление создать в Брно

центр, способный объединить силы патриотически настроенной интеллигенции. В Чехии эта попытка вызвала опасение, как бы ориентация на провинциальные нужды не переросла в "пагубный литературный сепаратизм"¹⁵ по примеру словаков, вставших на путь борьбы за национальную самобытность и собственный литературный язык. Мысль создать в Моравии общественный фонд подобно Чешской матице представлялась делом отдаленного будущего известному моравскому деятелю, прогрессивному публицисту Яну Огералу (1810–1868). Он связывал идею основания такого общества с появлением в Брно университета и академии, с оживлением деятельности музея, возникновением археологического общества. Вызывало возражения и само название фонда "матичка" как "непригодное для хорошего замысла"¹⁶.

Столь сдержанное отношение моравского общества к начинанию Шемберы привело к тому, что Моравская матичка вскоре перестала существовать. Работы, готовые к печати в 1845 г., так и не вышли, кроме двух небольших стихотворных сборников и книги адресов-посланий, содержащей выражения благодарности императору за введение конституции¹⁷.

Бурные события начавшейся революции стали катализатором общественной жизни в Моравии. Весной 1848 г. в чешской политической мысли было сформулировано требование государственно-правовой автономии Чешских земель как единого целого в рамках империи. Акцент был сделан на административном объединении земель чешской короны и учреждении для них общего сейма и ответственного министерства. Сначала Вена ответила отказом, а в Кабинетном листе от 25 апреля 1848 г. решение вопроса об объединении Чехии, Моравии и Силезии было отнесено к компетенции имперского рейхстага. Однако самые серьезные возражения эта инициатива из Праги встретила, по выражению Палацкого, "со стороны дорогих соплеменников" в Моравии. Представители моравской политической элиты выступили (петиция моравских сословий от 14 апреля 1848 г.) с резким протестом, ибо увидели в действиях чехов стремление "подчинить Моравию". В свою очередь они указали на независимое положение Моравии от Чехии и признавали лишь союз маркграфства с монархией.

В печати и в важнейшем документе того времени "Манифесте Национального комитета" от 6 мая 1848 г. — Палацкий квалифицировал выступление моравян как "недоразумение", когда "мелкая провинциальная зависть разожгла костер". Он полагал, что в пользу его проекта говорила более чем "тысячелетняя совместная история чехов и моравян". Чешские земли, по его выражению, имели "свой корень в общей, той же самой народности". Но главным аргументом была все-таки не "братская любовь", о какой писал лидер чешских либералов, а постулат, что "Моравия — это равноправная часть земель чешской короны, и именно в такой форме она входит в состав монархии"¹⁸. Голос Палацкого не был услышан в Моравии, Манифест не получил поддержки.

В такой обстановке 6 июня 1848 г. была основана в Брно Еднота моравска (Моравское общество). По замыслу создателей, имелось в виду "научное и гуманитарное общество", которое должно было заменить Моравскую матичку. Его цель состояла в том, чтобы оказывать содействие славянским народностям Моравии, способствовать просвещению на чешском языке и образованности вообще, следить за осуществлением в Моравии полного равноправия обоих земских языков. В Правила общества был включен пункт об издании "поучительных сочинений для народа". Для реализации поставленных задач создавался специальный фонд¹⁹. Единственной публикацией Моравского общества явилась книга Шемберы "О равноправии чешского и немецкого языков в Моравии"²⁰. Равноправие немецкого и чешского языков, согласно положениям "Кабинетного листа", устанавливалось только в Чехии. Именно поэтому одному из наиболее значительных трудов Шемберы придавалось политическое значение.

2-го марта 1849 г. состоялось заседание Моравского клуба, в котором приняли участие моравские депутаты Кромержижского рейхстага « славянской народности ». Консультации моравских патриотов велись в сложных условиях. В парламенте, переехавшем после начавшегося восстания (октябрь 1848 г.) из Вены в Кромержиж, заседали депутаты, избранные и действовавшие уже в период спада революции в обстановке полицейского террора в

Чешских землях. "Вена, Львов, — писал "Пражски вечерни лист" ("Пражская вечерняя газета"), редактируемый радикалами, — находятся фактически на осадном положении. Прага, Оломоуц, Брно стонут ... под военным террором"²¹. В январе-феврале 1849 г. чешские парламентарии активно обсуждали проект "Основных прав австрийских граждан", доказывая приоритет воли народа в решении государственных вопросов²². Вместе с тем чешские либералы были уверены, что гарантии гражданской свободы неразрывно связаны с существованием парламента, правительства, монархии, готовых к уступкам. Однако 7 марта 1849 г., за неделю до первого чтения проекта Конституции, парламент в Кромержиже был распущен²³.

Итогом встречи моравских депутатов стало решение основать Моравское народное общество св. Кирилла и Мефодия. На него возлагалась задача "пробуждать самосознание народа и просвещать его в целом". Обществу следовало приступить к изданию книг для народа и научных трудов, основывать библиотеки в сельской местности и поддерживать школы. Депутату парламента, журналисту радикальной ориентации Яну Огералу была поручена разработка устава общества. Редактор первого чешского журнала в Моравии — "Тыденик. Листы понаучны и забавны" ("Еженедельник. Журнал нравоучений и развлечений"), выходил с января 1848 г. — уже 5 марта 1849 г. предложил набросок основ "Моравского народного общества св. Кирилла и Мефодия". Целью общества было просвещение моравского народа, "облагораживание его духа и сердца"²⁴.

Векания времени и умонастроение автора бесспорно сказались на содержании документа. В нем говорилось о необходимости пробуждения и укрепления гражданского и национального самосознания в Моравии, о стремлении к общественному прогрессу и братскому взаимопониманию между австрийскими народами и отдельными гражданами.

Меры, предусматриваемые для реализации задач общества, также отличались новизной. Помимо издания научных трудов и общедоступных книг, журналов и художественных произведений,

просвещения народа, его национального воспитания всеми способами, включая основание библиотек и обществ читателей, пропаганды опыта известных учителей, имелись также в виду расширение сети экономических и ремесленных школ, создание питомников и собирание естественнонаучных коллекций. Кроме того, акцент был сделан на поддержку преуспевающих отечественных торговцев, ремесленников и промышленников, талантливой учащейся молодежи²⁵.

15 марта 1849 г. воззвание к гражданам Моравии с призывом вступать в Моравское народное общество было опубликовано тиражом в 500 экз. В документе подчеркивалось, что 1848 год возвратил "святые неотъемлемые народные права". Однако, чтобы народ мог воспользоваться плодами свободы, следовало объединиться, создать "условия, обеспечивающие гражданское и национальное просвещение". 17 апреля 1849 г. состоялось организационное собрание Моравского народного общества св. Кирилла и Мефодия²⁶ при участии известного чешского общественного деятеля и публициста Карела Гавличека Боровского. По его мнению, образование общества свидетельствовало, что Моравия, где "славянская жизнь так ограничена, наконец-то, сделала шаг к настоящей народной жизни"²⁷.

Основателем общества становился каждый, кто вносил единовременно сумму в 100 гульд. или ежегодно в течение десяти лет по 10 гульд. Действительным членом общества являлся жертвователь, плативший сразу 50 гульд. или по 5 гульд. на протяжении тех же десяти лет. Организаторы общества вводили и такую форму членства как "сочувствующий". Его взнос равнялся 2 гульд. ежегодно. В Правилах Моравского народного общества (традиционно для всех уставов подобных учреждений) специально оговаривались права его членов. Вне зависимости от размера взносов они имели право участвовать в собраниях общества, вносить предложения, требующие коллективного обсуждения. Однако право голоса принадлежало только основателям и действительным членам, бесплатно они получали и все издания, выходящие на средства общества. В свою очередь "сочувствующие" могли получать их за половину стоимости.

Руководящий орган общества – Комитет – избирался из числа основателей и действительных членов, проживающих в Моравии. Он состоял из 30 членов и 5 заместителей, причем для 19-ти человек обязательным местом жительства был г. Брно.

В первый состав Комитета от г. Брно вошли уже упоминавшиеся Ф.Клацел, А.В.Шембера, Я.Огерал, а также Алоис Пражак (1820–1901), известный чешский политик, старочех, возглавивший чешское меньшинство в моравском сейме в 1861 г., участник переговоров с правительством в период заключения чешско-австрийского соглашения, министр по чешским делам в кабинете Тааффе и др. От сельской местности членами Комитета стали Игнац Й.Гануш (1812–1869), с 1849 г. профессор философии Пражского университета, последователь Гердера, занимавшийся историей культуры, мифологии, литературы, Ян Гелцелет (1818–1876), видный представитель культурной и научной жизни Моравии, один из первых профессоров технического училища в Брно, основанного в 1849 г., и др. Старостой Комитета был избран Клацел, заместителем Фр. Угерек, секретарями Шембера и А.Кудла, казначеем Пражак²⁸.

Однако на этом организационный этап в становлении Моравского народного общества св. Кирилла и Мефодия не закончился. Представители земской администрации Моравии полагали, что формулировка "просвещение народа" подразумевает разъяснение политических реалий. Тем самым общество могло действовать только в рамках законов о политических союзах. Бесспорно, это была прямая угроза существованию общества. Заседание Комитета, состоявшееся 30 мая 1849 г., на котором присутствовал и мораванин по происхождению Фр. Палацкий, было посвящено обсуждению вопроса о характере общества и претензий со стороны властей. Комитет признал целесообразным отстаивать перед министерством внутренних дел неполитическую ориентацию общества, ибо опасался, что в противном случае оно потеряет многих своих сторонников²⁹. Можно предположить, что дух лояльности по отношению ко двору и правительству, свойственный Палацкому,

оказал воздействие на подобное решение. Несомненно, что оно полностью соответствует общей линии чешских либералов — в новых условиях "сохранять спокойствие и порядок" и тем "доказать свою политическую зрелость"³⁰.

Собрание руководства Моравского народного общества (октябрь 1849 г.) решило пойти на уступки и согласиться с определением целей общества, предложенным моравским земским комитетом. Оно могло быть только "научным и гуманитарным", издавать книги, поддерживать библиотеки и читальни, заниматься сбором коллекций по естествознанию и художественных произведений. Далее в документе подчеркивалось, что общество "исключает любое политическое усердие", "никогда не будет освещать политические дела", т.е. не будет ни издавать газеты, журналы и книги политического содержания, ни содействовать их распространению³¹.

В избранный на этом собрании Комитет из 40 членов вошли 19 священников (7 из Брно, остальные из сельской местности). 10 ноября 1849 г. Моравское народное общество св. Кирилла и Мефодия получило официальный статус неполитического общества³². У современников ориентация общества на исключительно гуманитарные задачи встретила понимание. В частности, Гавличек Боровский писал, что "не было вообще никакого смысла основывать политическое общество и взваливать на себя неустанную опеку и слежку со стороны властей"³³. В условиях наступления реакции уступки Комитета Моравского народного общества казались естественными для моравской интеллигенции, прежде всего сельских учителей и священников. Последние с воодушевлением восприняли известие об учреждении общества. Спустя месяц после основания оно насчитывало 242 члена, 82 из которых были основателями, 145 — действительными членами и 15 — "сочувствующими".

Возникшие трудности во время получения официального разрешения на организацию общества, а затем начавшиеся разногласия в самом Комитете по вопросу образования отделов, личные размолвки вынудили Клацела отказаться от поста старосты

и выйти из состава Комитета. Его заявление в печати о том, что он решился на такой шаг потому, что хочет сосредоточить свои усилия на достижении целей общества, сформулированных им первоначально³⁴, мало разъясняет сложившуюся ситуацию.

О результатах первого года работы общества существуют прямо противоположные оценки современников. Одни обвиняли общество "в прозябании", другие считали его "достойным награды"³⁵. Между тем начало издательской деятельности было обнадеживающим. Об этом свидетельствуют тираж в 1000 экз. труда А. Куделы³⁶ с изложением закона от 17 марта 1849 г. об основах местного самоуправления, "Словарь для читателей газет, в котором объясняются слова иностранного происхождения" Клацела³⁷. Кроме того, часть средств была израсходована на покупку "поучающих книг". Членам общества рассылались подаренные авторами сочинения.

Вместе с тем Комитет общества ощущал острую нехватку денег, поэтому публикация некоторых работ была перенесена на более поздние сроки. В связи с отъездом Шемберы в Вену осталась неизданной подготовленная им карта Моравии, труд, с которым некоторые члены Комитета связывали особые надежды. В 1850 г. при поддержке общества вышла в свет карта "Коронные земли Моравии и Силезии"³⁸. В начале 1850 г. Комитет признал целесообразным приступить к серийным изданиям. В первую очередь имелись в виду две серии: "Домашняя сокровищница наук" и "Домашняя сокровищница развлекательного чтения". Однако этот проект не был реализован, поскольку предложенные для первой серии рукописи оказались слабыми, в рамках второй вышла в 1852 г. всего одна книга.

В 1851 г. увидели свет три публикации, осуществленные на средства общества. Наибольшую известность получил календарь под названием "Коледы", задумывавшийся как подарочное литературное новогоднее издание, но перешагнувший эти рамки. У его истоков стоял проф. Гелцелет, хотя на первом этапе очень

много сделали Я. Огерал и Й. Хытил. Календарь должен был стать для моравского народа "источником образованности" в самом широком плане. Редакции следовало принимать заметки по естествознанию и ведению полеводства, жизнеописания выдающихся деятелей и развлекательные материалы³⁹.

Первый выпуск календаря "Коледы", по признанию современников и историков, значительно превосходил по своему качеству подобные издания, в том числе и в Чехии. Высоко оценил его К. Гавличек Боровский за "чистое стремление поднять образованность народа"⁴⁰.

Однако содержание календаря за 1852 г. вызвало недовольство брненского епископа, решительно выступившего против участия в Моравском народном обществе св. Кирилла и Мефодия духовенства. Во второй номер было включено несколько анекдотов, якобы задевавших чувства духовного сословия. Положение осложнялось тем обстоятельством, что в это время значительная часть моравских писателей, принадлежавших к духовному сану, основала собственный журнал. Несмотря на стремление Гелцелета "удовлетворить все стороны", священнослужители (26 чел.) покинули общество и обратились к прихожанам с призывом последовать их примеру. Таким образом, Моравское народное общество оказалось в очень сложной ситуации, нехватка средств сразу же приобрела угрожающий характер. Кроме того, оно лишилось моральной и интеллектуальной поддержки духовенства, наиболее влиятельной силы в Моравии, обвинившего общество во враждебном отношении к католической вере, в выступлении против государства и церкви. Никакие протесты и разъяснения не были приняты во внимание, а лишь углубили разногласия в Комитете, ослабили позиции Моравского народного общества св. Кирилла и Мефодия в глазах общественности. В поисках выхода Гелцелет высказался за объединение с Моравско-силезским обществом. После публикации в 1852 г. законов о печати и союзах, существенно ограничивавших возможности издательской и общественной деятельности на всей территории монархии, такой

шаг мог привести к закрытию Моравского народного общества. В критической ситуации конца 1852 г. более плодотворной казалась идея слияния общества с Чешской матицей. По мнению Гелцелета, "дальнейшее прозябание общества становилось смешным и мелочным сепаратизмом"⁴¹.

Между тем собрание руководства Моравского народного общества, состоявшееся 1 марта 1853 г., приняло решение о переименовании общества и изменении его Правил. Все члены Моравского народного общества на тот момент становились членами Моравской Матицы⁴². Это название общества и ранее использовалось в частной переписке.

В уточненных Правилах (§ 1) значилось, что цель общества состоит в том, чтобы "поддерживать чешскославянскую литературу, уделяя особое внимание нуждам Моравии, путем издания хороших сочинений или способствуя этому". Необходимые средства формировались из имущества Матицы, взносов ее членов, из прибыли от продажи книг и получаемых даров. Правила включали как старые положения о правах и обязанностях основателей и действительных членов Матицы, так и новеллы. Так, речь шла о специально избранных Дирекции, состоящей из семи членов, и Комитете, включавшем восемь человек. Наиболее важным был § 43, в котором специально оговаривалось, что органы государственного управления имеют право наблюдать за работой общества, следить за точным соблюдением Правил, для чего назначался специальный уполномоченный. Дирекция в составе старосты, трех заседателей – его заместителей, двух секретарей определяла срок ежегодного собрания Комитета Матицы и отчитывалась о доходах, расходах общества, предоставляла ему для утверждения финансовую и прочую документацию, причем каждый раз собрание вел вновь избранный председатель. Как показала практика, к перманентным изменениям состава Комитета и Дирекции вынуждал § 17 Правил, согласно которому они формировались из членов, проживающих в г. Брно. Первым старостой Моравской матицы был избран профессор Я. Гелцелет⁴³.

29 декабря 1853 г. Правила Моравской матицы были утверждены земским наместником, а 18 января 1854 г. она официально начала свою деятельность. В печати Моравская матица была представлена как организация, способная "оказать помощь чешско-славянской литературе", ибо "разумное чтение хороших книг являлось главным средством для преодоления лености и равнодушия духа славянского населения Моравии, более отсталого по сравнению с немецкими земляками и соседями". Автор статьи рассчитывал на тех моравских патриотов, кто понимал, "что для расцвета каждого народа прежде всего необходима духовная пища"⁴⁴.

Между тем расчеты на то, что изменение названия общества даст необходимый импульс для оживления его деятельности не оправдались. Согласно Правилам, Моравская матица вынуждена была ограничить круг своих интересов, отказаться от поддержки библиотек и читален, от собирания научно-естественных коллекций. Последним воспользовался экономический отдел Моравско-силезского общества, потребовавший передачи ему или реальному училищу в г. Кромержиже имевшихся собраний. В результате Матица вынуждена была их передать в 1858 г. реальному училищу в г. Брно. Крайне беспокоило руководство Матицы негативное отношение к ней духовенства. Она по-прежнему рассматривалась как учреждение, уводившее его паству от единоличного духовного влияния. Общий спад общественной жизни в монархии, незначительное число представителей науки и культуры в Моравии в целом являлись объективно сдерживающими факторами в развитии Моравской матицы. Вместе с тем большое значение имела позиция моравских властей, видевших в Матице "дитя революционных лет". Все это заставило Гелцелета признать, что "несмотря на юный возраст Матицы, она хиреет прямо на глазах". В начале января 1855 г. он пришел к убеждению отказаться от поста старосты, что могло, по его мнению, примирить духовенство с Моравской матицей. В 1856 г. на собрании Комитета старостой был избран земский архивариус Й. Хытил⁴⁵.

Как уже указывалось, с 1851 г. Моравское народное общество направило свои усилия на издание календаря "Коледы". Все попытки руководства общества расширить издательскую деятельность не имели успеха. Так, еще в 1850–1851 гг. обсуждался проект подготовки популярного труда по краеведению, но лишь в 1863 г. вышла "Книга для каждого мораванина" Брандла⁴⁶.

Положение Моравской матицы объективно было еще более трудным, чем Моравского народного общества, ибо, согласно Правилам, на публикаторскую деятельность она могла расходовать лишь половину своих доходов. С точки зрения Гелцелета, это ставило под вопрос само ее существование. Он понимал, что первый номер календаря тиражом в 3000 экз. разошелся потому, что помимо Моравии и Словакии он вызвал интерес у читателей Чехии. Из 5000 экз. 2-го выпуска значительная часть оказалась нераспроданной. Решение об уменьшении тиража до 3000 экз. было особенно своевременным в связи с отказом духовенства участвовать в Моравском народном обществе.

Надежды руководства теперь уже Матицы на то, что улучшение содержания календаря, бумага хорошего качества, появление иллюстраций приведут к расширению круга его подписчиков, оказались напрасными. Число остававшихся на складе экземпляров росло год от года, несмотря на уменьшение тиража и объема. (Так, в 1857 г. тираж составил 1800 экз., а объем 15 листов). Все это вынудило Моравскую матицу приостановить в 1858 г. выпуск календаря "Коледы". Она столкнулась с ситуацией, когда моравское население традиционно воспринимало календари как дешевое и одновременно понятное сельскому жителю чтиво⁴⁷. Углубление же содержания, как впрочем и увеличение цены, раздражало неподготовленного читателя, взоры которого устремлялись к более доступным изданиям. "Мертвая тишина овладела сегодня литературным моравским полем", — писал один из известных представителей чешской интеллигенции демократической ориентации Ян Неруда в "Образях жизни" в 1859 г.⁴⁸, характеризуя обстановку в маркграфстве.

Падение неоабсолютизма, активизация общественной жизни в Чешских землях в целом оказали благотворное влияние на судьбу Моравской матицы. Однако ее возрождение шло очень медленно. Сообщение об обновлении общества в конце 1859 г. было издано тиражом всего в 300 экз. Тогда в Матице состояло 38 основателей и 98 действительных членов. Анализ текста обращения к общественности от 24 февраля 1861 г. показывает, что Моравская матица связывала свое будущее с ростом интереса к национальной литературе, со стремлением к образованности широких слоев населения, с "оживлением духа славянской народности" в Моравии⁴⁹.

Между тем эти процессы развивались с трудом. Об этом ярко свидетельствуют наблюдения известного русского историка-слависта, этнографа и публициста, хорошо знавшего жизнь славянских народов и раздумывавшего над их политическими судьбами, П.А. Ровинского. Так, в одном из своих писем на родину от 19 июля 1861 г., будучи в Моравии, он заметил: "Грустно на Мораве, очень грустно! Впрочем, в Брне есть несколько человек, очень хорошо понимающих народность и горячо преданных делу своего отечества и при этом, судя по их наружному поведению, весьма решительных"⁵⁰.

Красноречивым подтверждением такой ситуации было положение Моравской матицы и деятельность ее Комитета. Поскольку Матица не могла финансировать никакое издание полностью, руководство общества приняло решение оказать помощь Шембере при публикации его работы в Вене, посвященной описанию достопримечательностей г. Оломоуца⁵¹. Вместе с тем, от финансирования другого труда этого автора "Западные славяне в древности" по причине его "бесспорной научности" Матица отказалась.

Приход в руководство Моравской матицей сначала Гелцелета (в 1861 г. он вновь стал старостой), а затем архивариуса Б. Брандла и директора реального училища, депутата моравского сейма Ф. Матона (они вошли в состав Комитета) сопровождался появлением новых форм в ее деятельности. Об этом свидетельствует участие Моравской матицы в выставке в Лондоне в 1862 г.,

где экспонировались календарь "Коледа" за 1851–1858 гг., "Словарь" Клацела и некоторые другие издания Моравского народного общества св. Кирилла и Мефодия⁵². В 1862 г. в поисках выхода из финансового кризиса была образована специальная комиссия, на которую возлагалась задача пересмотреть Правила Матицы. На этот раз название общества, цели, которые оно преследовало, остались без изменений. Вновь вводилась такая форма членства, как "сочувствующий" с размером взноса в 2 гульд., увеличилось число членов Комитета Матицы до 18 человек, треть из которых проживала в г. Брно. Кроме того, лишь третья часть поступающих средств могла с этих пор вкладываться в основное имущество Матицы. Комитет обязывал всех старых членов ликвидировать задолженность по взносам, рекомендовал распродать, хотя бы и по сниженным ценам, все книги со склада, передать библиотеку Матицы городскому Обществу читателей для пополнения его фондов. Старостой в 1863 г. был избран Франтишек Матон⁵³.

Что касается издательских планов общества, то Комитет прямо указал на необходимость сосредоточиться на издании лишь нескольких "редких и полезных книг", среди которых значилось, например, пособие для моравских ремесленников. Наиболее весомым было решение опубликовать корреспонденцию одного из знаменитых представителей моравской шляхты добелогорского периода, наместника короля в Моравии, крупнейшего политического деятеля начала XVII в. Карла старшего из Жеротина. Началась целенаправленная агитация в пользу Матицы в печати.

Благодаря предпринятым мерам после более чем семилетнего перерыва Моравская матица смогла приступить к регулярной издательской деятельности. Огромную роль в этом сыграл Винцент Брандл (1834–1901). Он слушал лекции Шемберы в Брно, учился на философском и юридическом факультетах в Вене. В 1853–1861 гг. Брандл преподавал немецкий язык, историю и географию в Брно, в 1861–1899 гг. был земским архивариусом. Этот ученый, правовед превосходно знал архивные материалы,

особенно коллекции земского архива в Брно, основанного в 30-х годах XIX в. В 1866 г. в качестве издания Моравской матицы вышли подготовленные им к печати "Записки Жеротина о панском суде"⁵⁴, ставшие бесспорной удачей Матицы. Совершенно справедливо Гелцелет писал о большой роли этого труда для культурной жизни Моравии и истории чешской литературы. Некоторые историки видели в публикации воплощение идеалов Моравской матицы⁵⁵. Книга вызвала серьезный интерес у общественности, в том числе и в Чехии.

Для развития успеха Матица закупила второй том книги, увидевшей свет без ее поддержки, чтобы основатели и действительные члены имели сочинение в полном комплекте. Для "сочувствующих" 2-й том был платным. Весьма незаурядным было решение Комитета подготовить под руководством Брандла специальное издание большого формата под названием "Поучительное и развлекательное чтение" (в 7 томах), включавшее все лучшее, что было напечатано в календаре "Коледы".

Новую струю в жизнь Матицы внесли основание в 1867 г. в Брно двух гимназий с обучением на чешском языке, переезд в этот город Вацлава Ройта и Теодора Лазара, ставших страстными поклонниками и пропагандистам общества. В это время вполне реальные очертания приобрел вопрос о собственном органе Матицы⁵⁶, который пропагандировал бы ее планы и замыслы. Благодаря усилиям Комитета в 1868 г., когда новым старостой стал граф Егберт Белкредит⁵⁷, член Моравского народного общества с 1849 г., а в Комитет вошли В. Брандл, А. Пражак, историк В. Ройт, была разработана программа журнала, определен его бюджет.

С самого начала журнал задумывался как научный орган Матицы, популяризирующий ее достижения. Краеведение в самом широком смысле слова было избрано главным направлением в концепции периодического издания. Статьи по филологии и особенно по славянскому языкознанию могли послужить научному развитию и пополнению "лексики чешскоморавского наречия".

Заметки по географии, истории и экономике создали бы полную картину общественно-научной жизни в Моравии. Однако центр тяжести в деятельности Матицы – публикация книг и обеспечение ими своих членов – оставался прежним. После обсуждения программы издания оно получило название "Часопис Матице Моравске" ("Журнал Моравской матицы"), а его редактором был избран В. Ройт⁵⁸.

Решение Матицы приступить к подготовке периодического печатного органа вызвало сомнения у некоторых моравских деятелей, учитывая ее скромные финансовые возможности. Так, А.В. Шембера, находившийся в то время в Вене, более целесообразным считал поддержать уже существовавшие "Часопис Ческого музеум" или "Паматки археологицке а мистописне". В то же время в Чехии, о чем свидетельствуют материалы "Гласа", органа леволиберального течения в чешской общественной мысли, сообщение из Моравии о появлении журнала Моравской матицы было встречено с воодушевлением⁵⁹.

Начало публикаторской деятельности В. Брандла и основание журнала Моравской матицы являются бесспорным доказательством стремлений образовать в Моравии научный центр, способный разработать и представить национальную трактовку истории Моравии, ее чешское понимание, а также противопоставить эту интерпретацию толкованию немецких историков моравского происхождения⁶⁰.

Длительное время для Моравского народного общества, а затем и для Моравской матицы крайне болезненным оставался вопрос об отношениях с духовенством. Особенно актуальным он стал в конце 60-х годов, ибо без массовой поддержки жителей не мыслилась успешная деятельность Матицы. Для того, чтобы разрубить этот узел, следовало добиться одобрения программы Матицы высшими моравскими духовными лицами, в частности, брненским епископом. В документе, направленном Комитетом в консисторию, было заверение, что "он никогда не будет принадлежать к числу противников церкви, ее стремлений и прав". Комитет просил, чтобы консистория рекомендовала Матицу свое-

му духовенству. Более того, собрание руководства Матицы в 1869 г. поручило Комитету вновь обратиться в консисторию с прошением, чтобы получить благословение на издание журнала⁶¹.

Между тем оломоуцкий архиепископ Фюстенберг и брненский епископ Шаффгоч стали основателями Матицы. Вслед за ними в ее члены стало вступать многочисленное духовенство. Это заметно изменило финансовое состояние Моравской матицы. Именно на конец 60-х— начало 70-х годов приходится период относительной стабилизации ее положения.

Весной 1868 г. в Чешских землях стремительно набирало силу массовое движение таборов, продолжавшееся до осени 1871 г. Его сторонников объединяли оппозиционные настроения, усилившиеся после заключения австро-венгерского Соглашения 1867 г. Чешская политическая элита протестовала против политического приоритета австрийских немцев и венгров над славянами, отстаивала государственно-правовую самобытность Чешских земель. В ходе народных выступлений широкую поддержку получили демократические требования. В Моравии в движении таборов участвовало около 450 тыс. человек.

В условиях общественного подъема Комитет Матицы в одном из обращений к населению, опубликованном в 1868 г., подчеркивал, что "дело чести каждого мораванина быть членом Матицы". Более того, она стала рассматриваться как центр воспитания национального самосознания, "национальной доблести и гордости". Ответная реакция на призывы была весьма положительной. В 1869 г. в Матицу вступили 81 член и 350 "сочувствующих"⁶². Последняя цифра весьма показательна, ведь она свидетельствовала о поддержке начинаний Матицы средними и бедными слоями населения Моравии.

В этот период заметны успехи и в издательской деятельности. Для своих членов Матица считает целесообразным приобрести "Товачевскую книгу", опубликованную Брандлом на собственные средства. Ее полное название — "Товачевская книга или пана Цтибора из Цимбурка и из Товачева записи старых обычаев, порядков, привычек и организации земского права в маркграфстве Моравском"⁶³. Речь идет о первом моравском юридическом сочинении, написанном на чешском языке крупным государственным и политическим дея-

телем Штибором Товачевским из Цимбурка. С 1469 г. он занимал пост моравского земского гетмана. Этот труд включал нормы земского (государственного, процессуального, уголовного, земельного) права, действовавшего в Моравии в XV в. Из престижных соображений и для привлечения новых членов руководство Матицы считало целесообразным расходовать средства на "ценные издания". Между прочим, сама она не смогла бы полностью оплатить такой труд.

Финансовый вопрос по-прежнему оставался центральным. Так, личная переписка членов Комитета свидетельствует, что их стремление активизировать литературную жизнь в Моравии не имело политической основы. Общая ориентация Матицы оставалась прежней: интерес вызывали исторические труды, освещавшие исключительно "чешско-моравское прошлое", историю образования, политики, церкви, а также жизнеописания. Однако на объявленный конкурс на тему "Картины из чешско-моравской истории", несмотря на многократное продление сроков подачи текстов, так никто и не откликнулся⁶⁴.

В январе 1869 г. вышел первый номер журнала "Часопис Матице Моравске", на обложке которого была опубликована и его программа. Речь шла о научном издании на чешском языке, открытом для всех отраслей знаний, но прежде всего для тех направлений, которые способствовали "выяснению прошлого чешского народа", т.е. работам по истории права, языка, культуры, городской и сельской жизни⁶⁵. Особенно восторженно подобная ориентация была воспринята в Праге журналом "Паматки"⁶⁶. Между тем уже в 1870 г. редакция журнала Моравской матицы приняла решение о необходимости включения поучительных материалов, а с 1872 г. — о подготовке статей "в более свободной форме". Благодаря этим мерам число подписчиков выросло с 300 до 665 человек⁶⁷.

Однако и в период относительной стабилизации Матица не имела возможности заниматься широкой издательской деятельностью. Так, Комитет Матицы отказался от ряда публикаций, в частности "Истории Моравии" земского историка Б. Дудика, хорошо знавшего архивы, некоторых других работ.

Матица продолжала действовать уже апробированным способом: в 1870 г. была приобретена на ее средства для рассылки членам общества книга Ф. Матона, фактически являвшаяся справочником понятий и терминов естественных наук⁶⁸ Труд А. Матценауера (1823–1893), занимавшегося сравнительной славянской лексикологией, "Иностранные слова в славянских языках"⁶⁹ финансировался старостой Матицы графом Белкреди. Как серьезный успех рассматривала Матица, с полным на то основанием, публикацию Брандлом некоторых писем Карла старшего из Жеротина⁷⁰. В 1872 г. ситуация повторилась, но на этот раз рассылались вторая часть работы Матона, вышедшая в Праге "История Моравии" Дудика⁷¹, продолжение публикации писем выдающегося моравского деятеля позднего средневековья.

Общеполитическая ситуация в Чешских землях после краха чешско-австрийских переговоров, поражение чешской либеральной политики отразились и на атмосфере в Моравии, хотя Фундаментальные статьи (1871) определяли статус Чехии в составе Австро-Венгрии. Это означало, что чешская политическая элита вела переговоры о положении Богемии, а не всех земель чешской короны, не имевших в то время ни единого представительства, ни общих органов управления и не обладавших необходимым уровнем сознания своей общности. Так, сейм Силезии выступил против чешско-австрийского соглашения. В свою очередь депутаты моравского сейма трактовали единство земель чешской короны как их персональную унию. Тем не менее моравский сейм, как и чешский, был распущен. Неблагоприятное политическое положение сказалось и на судьбе Моравской матицы.

О состоянии безысходности свидетельствуют письма В. Брандла М.Ф. Раевскому. Отрекомендовавшись ученым, общественным деятелем, "возглавлявшим литературную деятельность славян в Моравии", председателем Моравской матицы⁷² (Белкреди охарактеризован как первый президент – *З.Н.*), Брандл сетовал на то, "что никому нет дела до стремлений моравов". Особенно болезненным казалось награждение ученых из Праги русскими наградами, в то время как "моравов вновь обошли"⁷³. Издатель важнейших

источников по истории права в Моравии, посылая не только свои труды в Россию, но и (в великолепной сохранности) рукопись "Книги Товачевской", и многое другое, просил о признании своих ученых заслуг, чтобы "лишить почвы мнение моравов, будто никому нет дела до наших усилий", чтобы "сохранить охоту к труду у молодежи, которая увидит, что ее усилия находят признание", доказать, что Моравия "оценена по достоинству"⁷⁴.

Главным для руководства Моравской матицы оставалось решение конкретной задачи – привлечение новых членов. В таком контексте особенно значительными были решение о вступлении российского Славянского комитета в члены Матицы в 1871 г.⁷⁵, чуть ранее – дарение М.Ф. Раевским "большого числа книг"⁷⁶. В этих действиях моравские деятели видели деяние "государства, чье будущее окажет бесконечное влияние и на науку всего человечества"⁷⁷.

В условиях политической стагнации естественным был выбор руководством Матицы для печати "Истории славянских литератур" Ф. Вимазала⁷⁸ как произведения, способного вызвать интерес у широкого круга читателей не только в Моравии, но и в других славянских землях Австро-Венгрии, сборника "Славянская поэзия"⁷⁹, включавшего стихи славянских поэтов, переведенные на чешский язык. По-прежнему поддерживалась публикация писем Карла старшего из Жеротина (в 1873 г. вышел 4-й том).

Однако резкое ухудшение положения патриотических сил на выборах сначала в рейхсрат, а затем в моравский сейм, победа политиков проправительственной ориентации привели к тому, что в 1874 г. под серьезной угрозой оказались все издания Матицы. Выход журнала Моравской матицы также был на грани краха из-за отсутствия качественных статей. Обсуждался вопрос о преобразовании журнала в орган всех направлений художественной жизни Моравии. С надеждой привлечь внимание прежде всего славянской общественности в мае 1875 г. четыре годовых комплекта этого издания были выставлены на международной выставке периодики в Праге. Несмотря на поддержку известного чешского историка-слависта, ученого секретаря австрийского Министерства просвещения

Йосифа Иречека (1825–1888), появление в Праге специального агентства Моравской матицы (1876 г.) по обслуживанию ее членов, отсутствие должного интереса к плодам деятельности этого общества в Чешских землях было очевидным.

В 1876 г. Ройт ушел с поста редактора журнала, передав дела Ф. Бартошу, возглавлявшему его в течение шести лет⁸⁰. Последнему сначала удалось увеличить тираж до 1200 экз. (первые восемь лет тираж был на уровне 600 экз.), однако недостаток средств, невозможность платить достойные гонорары, ограничение круга авторов Моравией нанесли непоправимый вред авторитету журнала как научному органу. Все это привело к его закрытию в 1882 г.

Не удалось Матице реализовать и свои издательские планы. Кроме выходявшей в виде тетрадей "Истории Моравии" Дудика, с большими трудностями в 70-е годы было опубликовано несколько жизнеописаний и этнографических зарисовок, сборников стихотворений. Интенсивно обсуждался вопрос об учреждении нового издания – "Летописи Матице Моравске" ("Летопись Моравской матицы") – с более широкой программой, способного компенсировать обязательства Матицы перед своими членами. Между тем эта идея не была реализована, несмотря на усилия редактора Бартоша и заместителя старосты Брандла, ибо в очередной раз не набралось необходимого количества хороших рукописей⁸¹.

В 80-е годы увидели свет "Жизнь Йозефа Добровского" Брандла⁸² (в рамках серии "Сборник Моравской матицы") и том "Русских народных сказок" из собрания Афанасьева. Затем появились еще две работы Брандла "Жизнь Павла Йозефа Шафарика"⁸³ и "Жизнь Карла Яромира Эрбена"⁸⁴, изданные ранее в Праге, а также два тома народных моравских песен, подготовленные Бартошем. Особое значение придавалось выходу "Диалектологии" того же автора. В последней трети XIX в. в Моравии, особенно в восточной ее части, как и в Силезии, преобладали диалекты. Процесс образования интердиалектов, преобладавший в Чехии, находился здесь на начальной стадии. По мнению российских лингвистов, в Восточной Моравии и Силезии интердиалекты начали формироваться только в XX в. – после 1945 г.⁸⁵

В этот период финансовые проблемы приобрели вновь настолько важное значение, что на протяжении нескольких лет существование Матицы было под вопросом. В 1888–1889 гг. предложение возобновить "Часопис Матице Моравске" в связи с 40-летием общества не встретило поддержки Комитета, ибо в кассе было чуть более 200 гульд.⁸⁶

В обращении к патриотам в 1891 г. вновь говорилось о крайней необходимости издания в Моравии журнала, ориентированного на развитие чешского языка и литературы, подчеркивалось, что долг моравской интеллигенции поддержать морально и материально Моравскую матицу. Только заинтересованность всего общества, а не обвинения в бездеятельности и отсталости, по мнению авторов обращения, могли привести к изменению положения. Матица приглашала под свои знамена представителей всех направлений, любителей истории и словесности, все моравское духовенство и учительство, ибо только объединенными усилиями Матица могла превратиться в действенный фактор национальной жизни в Моравии⁸⁷.

Первый номер обновленного журнала под редакцией Фр. Каменичека вышел в 1891 г. В статье от редакции говорилось о его научном характере, ориентации на Моравию и Силезию, о стремлении поддерживать связи с чехами, другими славянскими народами и австрийским государством. В 90-е годы XIX в. наблюдался значительный рост членов Моравской матицы, заметно активизировалась ее публикаторская деятельность. Общество приобретает характер научного центра в Моравии.

В этот период лидеры чешской политической элиты обращают пристальное внимание на развитие ситуации в маркграфстве. Стремление объединить усилия чешских и моравских политиков становится актуальным для младочехов, возглавивших чешский буржуазный политический лагерь. Однако моравский регионализм, убежденность в существовании каких-то специфических особенностей развития маркграфства Моравии, продолжали оставаться серьезным препятствием на пути интеграции моравских политических течений в общее русло чешского национального движения. От

решения вопроса о синхронизации развития Чехии, Моравии и Силезии, по мнению таких политических деятелей, как Т.Г. Масарик, зависело будущее чешского народа. Национальное движение в Моравии и в конце XIX в. в известной мере имело особенности, присущие ему ранее. Так, Масарик писал об отсутствии здесь центра, подобного Праге, координирующего действия моравских патриотов. В этом смысле г. Брно по-прежнему рассматривался как предместье Вены, и насущной задачей была борьба за сохранение его чешского облика. Местонахождение университета в Оломоуце также вело в децентрализации национальных сил⁸⁸.

Крайне важной являлась и проблема активизации моравской интеллигенции. Требование об открытии в Брно второго чешского университета не только вошло в программные документы чешских политических партий, но стало предметом широкого обсуждения чешской общественностью, получило всеобщую поддержку. Специфика общественной жизни в Моравии определялась и чрезвычайно сильным влиянием здесь клерикализма. Борьба с ним становилась актуальнейшей задачей для прогрессивных деятелей в маркграфстве, пражских политиков. Кроме того, совместная деятельность всех чешских депутатов в парламенте рассматривается как конкретный механизм достижения и общечешской национальной программы, реализации принципов чешского государственного исторического права, получения законодательной и административной самостоятельности земель чешской короны св. Вацлава, и общедемократических требований, прежде всего всеобщего избирательного права⁸⁹.

На рубеже XIX и XX веков старшая плеяда моравских деятелей постепенно уходит с авансцены общественной жизни. Вновь пришедшие члены Моравской матицы видят в ней центр мобилизации научных сил на изучение истории, на популяризацию знаний, на духовное объединение чешского народа. Провозглашая своими главными задачами создание полной картины прошлого Моравии, пробуждение интереса к чешской культуре в широких слоях общества, просвещение народа, Моравское народное общество св. Кирилла и Мефодия (1849–1853) и Моравская матица, действовавшие в крайне неблагоприятных условиях, своим подвижническим трудом создава-

ли почву для развития общечешской национальной идеологии. Обширная публикаторская деятельность этих организаций способствовала осознанию обществом не только земской, но в конечном итоге национальной самобытности Чешских земель.

Примечания

¹ *Мыльников А.С.* Чешское и моравское общественное сознание в XVIII в. К вопросу о вызревании национального самосознания и роли исторической альтернативы в процессе формирования нации // *Культура и общество в эпоху становления наций*. М., 1974. С. 41–54; *Mezník J.* Dějiny národu českého v Moravě // *Český časopis historický*. 1990. № 1–2. S. 51–60.

² *Гавлик Л.* Представление о родственности славянских народов в древней Моравии и Чехии // *Сов. славяноведение*. 1969. № 3. С. 31.

³ *Přehled dějin Československa*. Díl. 1/2. Praha, 1982. S. 530.

⁴ *Nekuda V.* Sto padesát let Moravského muzea. Brno, 1969. S. 6–10.

⁵ *Ibid.* S. 15.

⁶ *Janko J., Štrbáňová S.* Věda Purkynovy doby. Pr., 1988. S. 47; *Nekuda V.* Op. cit. S. 19.

⁷ *Marek J.* Základy obrozenské společnosti v Brně // *Brno v minulosti a dnes*. Sborník příspěvků k dějinám a výstavbě Brna. Brno, 1961. Díl. 3. S. 67; *Janko J., Štrbáňová S.* Op. cit. S. 105, 209.

⁸ *Šembera A.V.* Dějiny řeči a literatury československé. Brno, 1858–1861.

⁹ *Šembera A.V.* Základové dialektologie československé. Vien, 1864.

¹⁰ *Traub H.* Dějiny Matice Moravské // *Časopis Matice moravské*. 1910. № 34. S. 198.

¹¹ *Klacel Fr. M.* Lyrické básně. Brno, 1836; *Idem.* Básně. Brno, 1937.

¹² *Amerling K.S.* Stěpařství pro lid. Brno, 1836.

¹³ *Šembera A.V.* Vpád Mongolů do Moravy. Olomouc, 1841.

- 14 *Traub H.* Dějiny Matice moravské //Časopis Matice Moravské. 1910. № 34. S. 199.
- 15 Květy. 1846. S. 89.
- 16 *Traub H.* Op. cit. S. 200.
- 17 Adressa poděkovací císaři Panu a universitě vídeňské.
- 18 *Palacký Fr.* Manifest českého Národního výboru o Zádoucím spojení zemí Moravské a Slezské s korunou českou // *Palacký Fr.* Úvahy a projevy z české literatury, historie a politiky. Pr., 1977. S. 168–174.
- 19 *Traub H.* Op. cit. S. 202.
- 20 *Šembera A.V.* O rovnosti jazyka českého a německého v Moravě. Brno, 1848. В этом же году работа вышла на немецком языке: *Über die Gelichstellung der beiden Landessprachen in Mähren.* Brno, 1848.
- 21 Pražský večerní list. 1848. 25.XI.
- 22 *Rieger F.L.* Reči F.L. Riegera a jeho jednání v zákonodárných sborech. 1848–1867. Pr., 1883. Díl I. S. 111–133.
- 23 *Urban O.* Kroměřížský sněm //Slovo k historii. 1988. Č. 16. S. 14–15.
- 24 *Traub H.* Op. cit. S. 203.
- 25 Ibid. S. 204.
- 26 Ibidem.
- 27 Národní noviny. 1848. № 63. S. 184.
- 28 *Traub H.* Op. cit. S. 206–208.
- 29 Ibid. S. 208.
- 30 *Palacký Fr.* Osvědčení poslanců českých o působení svém na sněmu říšském ve Vídni a v Kroměříži roku 1848 a 1849//*Palacký Fr.* Úvahy a projevy... S. 208–242.
- 31 Národní noviny. 1849. № 231.
- 32 *Traub H.* Op. cit. S. 210.
- 33 Národní noviny. 1849. № 93.

- 34 Šebánek J. Archiv Moravské Národní Jednoty a Matice Moravské //Časopis Matice Moravské. 1939/1940. № 63–64. S. 16.
- 35 Traub H. Op. cit. S. 213–214.
- 36 Kudela B. Prostonarodní výklad zákona obecného od 17 března 1849. Brno, 1849.
- 37 Klacel Fr.M. Slovník pro čtenáře novin, v němž se vysvětlují slova cizího původu. Brno, 1849.
- 38 Korunní země Morava a Slezsko. Brno, 1850.
- 39 Traub H. Op. cit. S. 227; Šebánek J. Op. cit. S. 29.
- 40 Slovan. 1850. S. 1562; Traub H. Op. cit. S. 227.
- 41 Traub H. Dějiny Matice Moravské //Časopis Matice Moravské. 1910. R. 34. S. 323.
- 42 Traub H. Op. cit. S. 323–324.
- 43 Ibid. S. 325–327.
- 44 Ibid. S. 328.
- 45 Ibid. S. 329–332.
- 46 Brandl V. Kniha pro každého Moravana. Brno, 1863.
- 47 Traub H. Op. cit. S. 334.
- 48 Obrazy Života/ Illustrovana biblioteka zábavného a poučného čtení. 1859. S. 2–30.
- 49 Traub H. Dějiny Matice Moravské //Časopis Matice Moravské. 1911. R. 35. S. 61; Šebánek J. Op. cit. S. 54–55.
- 50 Ровда К.И. П.А.Ровинский в Чехии (По архивным материалам)// Духовная культура славянских народов. М., 1983. С. 242–262.
- 51 Šembera A.V. Paměti a znamenitosti města Olomouce. Vien, 1861.
- 52 Traub H. Op. cit. S. 61–62.
- 53 Ibid. S. 63–65, 67; Šebánek J. Op. cit. S. 51.
- 54 Karel St. z Žerotína. Zápisové o soudu panském. Svazek I. (Vyd. V. Brandl). Brno, 1866 (Работа находилась в печати уже в 1865 г.).

- 55 *Traub H.* Op. cit. S. 69; *Šebánek J.* Op. cit. S. 43.
- 56 *Šebánek J.* Op. cit. S. 25.
- 57 Именно с приходом Белкреды Шебанек связывает "завершение крупного спора" между Матицей и Моравской духовной иерархией (См.: *Šebánek J.* Op. cit. S. 43).
- 58 *Traub H.* Op. cit. S. 72.
- 59 *Hlas.* 1868. № 29.
- 60 *Šebánek J.* Op. cit. S. 43.
- 61 *Traub H.* Op. cit. S. 76.
- 62 *Traub H.* Op. cit. S. 77; *Šebánek J.* Op. cit. S. 55.
- 63 *Kniha Tovačovská, aneb Pana Ctibora z Cimburka a z Tovačova pamět' obyčejů, řádů, zvyklostí stárodávných a řízení práva zemského v markrabství Moravském.* (Vyd. Vincenc Brandl). Brno, 1868.
- 64 *Traub H.* Op. cit. S. 79.
- 65 *Časopis Matice Moravské.* 1869. I.
- 66 *Památky archeologické a místopisné.* 1870. S. 398.
- 67 *Traub H.* Op. cit. S. 80.
- 68 *Mathon Fr.* *Průprava k vědě hospodářské čili vysvětlení jejích pojmů z vědy přírodní.* Brno, 1870.
- 69 *Matzenauer Ant.* *Cizi slova ve slovanských řečech.* Brno, 1970.
- 70 *Karel st. z Žerotína.* *Listové psaní jazykem českým.* (Vyd. V. Brandl). Brno, 1871.
- 71 *Dudík V.* *Dějiny Moravy.* Pr., 1871.
- 72 Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф.Раевского. 40–80-е годы XIX в. М., 1975. С. 70–73.
- 73 Там же.
- 74 В 1874 г. Брандл был награжден русским правительством орденом св. Станислава III степени.
- 75 См.: Письмо Т. Лазара от 18 сентября 1871 г. // Зарубежные славяне и Россия. С. 263–264.

76 См.: Письмо В. Брандла от 12 октября 1868 г. // Зарубежные славяне и Россия. С. 68–69.

77 См.: Письмо В. Брандла от 13 октября 1872 г. // Зарубежные славяне и Россия. С. 70.

78 *Vymazal Fr.* Dějiny slovanských literatur. Brno, 1873.

79 *Vymazal Fr.* Slovanská poezije. Brno, 1873.

80 *Traub H.* Op. cit. S. 86–93; *Šebánek J.* Op. cit. S. 10.

81 *Traub H.* Op. cit. S. 94.

82 *Brandl V.* Život Josefa Dobrovského. Brno, 1883.

83 *Brandl V.* Život Pavla Josefa Šafaříka. Brno, 1887.

84 *Brandl V.* Život Karla Jaromira Erbena. Brno, 1887.

85 *Bartoš F.* Dialektologie moravská. Brno, 1886. Díl. I; Чешская нация на заключительном этапе формирования. 1850–начало 70-х годов XIX в. М., 1989. С. 107.

86 *Traub H.* Op. cit. S. 151–157.

87 Ibid. S. 161.

88 *Чиняева Е.В.* Программа и общественно-политическая деятельность Т.Г. Масарика и Чешской Народной партии (реалистов). Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. (Рукопись. МГУ, 1990). С. 67–69.

89 *Пенашева З.С.* Общественно-политическая мысль в Чешских землях в конце XIX – начале XX в. М., 1994. С. 72–88.

К ИСТОРИИ БОЛГАРСКОЙ МАТИЦЫ

Национальное возрождение болгарского народа, развернувшееся в условиях османского господства, представляло собой широкий комплекс социально-экономических, политических и культурных процессов, связанных с переходом к рыночной системе и борьбой за освобождение от иноземного ига. Болгарское освободительное движение по мере своего политического развития в XIX в. включало в себя разнообразные формы борьбы за национальное просвещение и самостоятельную церковную организацию, стихийные и организованные выступления против господствовавших военно-феодалных и бюрократических порядков.

На протяжении всей эпохи Болгарского национального возрождения большое значение имело просветительное движение, политический смысл которого приобретал различные оттенки на разных этапах освободительной борьбы. Тем не менее именно это движение во многом способствовало складыванию представлений о самой исторической эпохе. Уже для современников было характерно восприятие как национального возрождения той борьбы за утверждение родного языка, за развитие национального просвещения и создание органов печати, которая воодушевляла представителей зарождающейся интеллигенции и приобретала широкое общественное звучание.

В контексте развития всех славянских народов, особенно южных и западных, болгарское просветительное движение было типологически сходным с аналогичными явлениями у других народов, не имевших своей государственности и испытывавших национально-культурный гнет в многонациональных государствах. Однако общая отсталость Османской империи и жесткий политический режим этого феодально-бюрократического государства еще больше затрудняли условия национального развития болгар по сравнению,

например, со славянскими народами габсбургской империи. Состояние просвещения у болгар отражало их бесправное положение в Османской империи. Замедленное развитие традиционных форм обучения в так называемых килийных училищах, организовывавшихся чаще всего православным духовенством, лишь постепенно становилось предметом внимания болгарских общин. Создание национально-культурных институций было затруднено и в силу нехватки подготовленных кадров.

Деятельность формировавшейся торговой буржуазии, потребности которой в образовании возрастали, особенно активно проявлялась в столичном Константинополе, в болгарских колониях соседних государств. Привлечение болгарской молодежи к обучению в далеких городах и странах, осознание болгарскими торговцами новых задач способствовали созданию различных просветительных обществ и организаций. В начале 20-х годов возникло Болгарское филологическое общество в Брашове, ставившее своей целью содействовать просвещению своего народа путем издания совместными усилиями книг на родном языке¹. Вошедшие в общество В. Ненович, П. Берон, И. Селимински, А. Кипиловски, Й. Генювич подготовили к печати несколько книг филологического содержания, обратились с призывом к болгарам об издании рукописных книг, переводов с других языков, сочинении новых трудов. Практически это была также и первая попытка коллективной норматизации болгарского литературного языка. Постановка всех этих задач имела большое значение для последующих начинаний. Однако деятельность общества не получила дальнейшего развития из-за материальных трудностей и внутренних разногласий. В то же время можно говорить об индивидуальных достижениях членов Болгарского филологического общества, в частности об издании П. Бероном так называемого "Рыбного букваря" (Брашов, 1824 г.), ставшего не только учебной книгой, отвечавшей назревшим потребностям, но и первой болгарской детской энциклопедией.

Слабо изучены организационные попытки оформления общества болгарских учащихся в Греции. Известно о существовании в 1830-х годах Славянской благотворительной этерии, а затем Маке-

донского общества, инициаторами которых были болгарские ученики греческого просветителя Т. Каириса. Впоследствии, в 1843 г., вместе с болгарами – участниками борьбы за освобождение Греции от османского ига – они создали в Афинах Фрако-славянское общество, имевшее, однако, не столько просветительные, сколько социальные и политические цели².

Разрозненный и кратковременный характер имели и попытки наладить болгарское книгоиздание. Ряд членов упомянутого Филологического общества провозгласили создание Болгарской книгоиздательской задруги и сумели издать несколько книг в немецкой типографии г. Брашова и в университетской типографии г. Буды. В середине 20-х годов началась издательская деятельность Болгарской книгоиздательской эфории в Бухаресте. В 30-е годы предпринимались и другие попытки наладить болгарское книгопечатание в Константинополе, Бухаресте, Вене, Крагуеваце, других городах за пределами Болгарии. Если с 1806 г., времени появления первой новоболгарской печатной книги, до начала 30-х годов появилось лишь 17 оригинальных болгарских изданий, преимущественно религиозного содержания, то с 1835 г. до Крымской войны – уже 264 болгарские книги светского характера³. В 1846 г. в болгарском городе Самокове открылась типография Николы Карастоянова. Финансовые и другие трудности, однако, препятствовали налаживанию систематической работы.

В 40-е годы были предприняты и первые попытки создания болгарской периодической печати. В 1844–1846 гг. Константин Фотинков издавал первый болгарский журнал "Любословие", печатавшийся в типографии миссионеров-евангелистов в малоазийском городе Смирне. Первая болгарская газета "Български орел" ("Болгарский орел") начала выходить в Лейпциге в 1846 г. Ее издателем и редактором был Иван Богоров. Сообщивший об их появлении русский славист П.П. Дубровский восклицал при этом: "Вот судьба болгарской письменности: один журнал выходит в Германии, а другой в Азии!"⁴ После этих кратковременных попыток, а также непродолжительного издания И. Добровским в Вене в 1850 г. журнала "Миро-

зрение" ("Мировосприятие") был налажен выпуск газеты "Цариградски вестник", занявшей заметное место в болгарской возрожденческой периодике.

При всем значении этих начинаний они оставались кратковременными и не имели непосредственных продолжений. В самой Османской империи просветительство развивалось крайне медленно, в деятельности первых организованных обществ господствующих турок преобладали традиционные, по сути позднесредневековые мотивы. К тому же появились подобные организации лишь в 50–60-е годы. В этой связи можно упомянуть созданный в 1851 г. Комитет по делам знаний ("Энджисмеи-и Даныш"), который организовал выпуск трудов по истории Османской империи. В 1861 г. возникло Османское научное общество ("Джемиет-и Ильмие-и Османие"), наладившее выпуск журнала с информацией о других странах, культуре и науке Запада⁵. Болгарское национально-культурное движение не было связано с этими начинаниями и ориентировалось на культурные инициативы угнетенных славянских народов, России и других европейских стран. В этом смысле не случайной представляется попытка использовать опыт славянских матриц.

В 1852 г. в Петербурге Константин Петкович и Нафанаил Стоянов объявили о создании Болгарской матрицы, позднее к ней присоединились другие болгары: Иван Шопов в Праге, братья Антон (Александр) и Драган Панковы в Вене, Парфений Зографский в Константинополе, Николай Палаузов в Одессе. Подписанный ими проект программы Болгарской матрицы предусматривал содействие национальному просвещению, подготовку и издание учебной и научной литературы⁶. Эти традиционные задачи ставились и болгарским национально-освободительным движением, и славянскими матрицами в габсбургской империи. Симптоматично, что именно в столице России, славяноведы которой уже накопили некоторый опыт обобщения современной просветительной деятельности зарубежных славян, болгарская молодежь проявила инициативу по использованию международного опыта и его преломлению сообразно потребностям Болгарии. Однако, несмотря на богатую историографию истории Болгарского национального возрождения, эта попытка остается полузабытой в современных исследованиях.

Действительно, немногочисленный и распыленный состав Болгарской матицы затрудняет рассмотрение ее деятельности как организованного общества. Отсутствуют и необходимые источники, которые помогли бы охарактеризовать повседневную деятельность членов Болгарской матицы, их связи с другими славянскими организациями. Тем не менее, несмотря на объективные трудности полной реконструкции истории Болгарской матицы, имеется достаточно много свидетельств о коллективных представлениях ее членов о нуждах болгарского национального движения и их значительном индивидуальном вкладе в его развитие.

Константин Дмитриев Петкович (1824–1897) родился в Баштино Селе (Велесский округ в Македонии), после окончания велеского училища прибыл в 1843 г. в Россию. Здесь он окончил одесскую гимназию, а в 1852 г. и Петербургский университет, с 1853 г. служил в Министерстве иностранных дел России, в том числе был на консульской работе в Видине, Дубровнике, Бейруте⁷. Во время учебы К.Д. Петкович занимался в университете не только общелингвистическими вопросами, но и славистическими. Вместе с другими студентами, среди которых был и Н.Г. Чернышевский, он активно сотрудничал с профессором Петербургского университета И.И. Срезневским. По его инициативе К.Д. Петкович перевел с чешского на болгарский язык песню о Любушином суде из Краледворской рукописи. В сентябре 1849 г. И.И. Срезневский сообщил об этом автору нашедшей фальсификации В. Ганке, а 24 декабря 1849 г. в протоколе заседания 2-го отделения (литературы и языка) императорской Академии наук было зафиксировано "иметь в виду для помещения в "Записках отделения" представленный И.И. Срезневским перевод Краледворской рукописи на народное болгарское наречие, исполненный болгаринном Дмитриевым"⁸, т.е. К.Д. Петковичем. В год учреждения Болгарской матицы перевод был опубликован в "Известиях императорской Академии наук по 2 отделению"⁹, немного позднее была напечатана и другая работа К.Д. Петковича "Известия о рукописях Зографского Святогорского монастыря"¹⁰. Она вышла также и на болгарском языке в константинопольской газете¹¹.

Перу К.Д. Петковича принадлежат также и другие работы о прошлом и современном положении южнославянских народов, стихотворения и пр.¹² Хотя за десятилетия русской службы К.Д. Петкович обрусел, в 50–60-е годы он проявил себя как активный поборник болгарского просвещения и развития славяноведения в качестве средства сближения славянских народов. Характерно в этом отношении письмо его младшего брата Андрея к известному болгарскому революционеру Г. Раковскому от 14 мая 1860 г. В нем, в частности, отмечалось: "Один экземпляр вашего "Указателя", который мне подарили, собственно для моего брата, я только в последнее время нашел случай послать его ему в Рагузу, и вот что он мне пишет для Вас: "Сочинение г-на Раковского я читал с удовольствием и пользою и прошу тебя с выражением моей благодарности за этот дорогой подарок сказать ему от меня, что, по моему мнению, эта первая книга на болгарском языке, написанная дельно и умно, и которой содержание в высшей степени интересно, не только для болгар, но и для всех ученых и неученых славян вообще. Поздравляю г-на Раковского с этим успехом и желаю ему продолжать и окончить это дело так же блистательно, как начал его!"¹³ Сохраняя в данном случае стилистические особенности русского текста К. Петковича, можно отметить, что пафос его оценки известной работы Г. Раковского вполне соответствовал замыслам деятелей Болгарской матицы.

Другой ее участник Нафанаил Стоянов (Нешо Бойкикиев), также македонский уроженец, в 1837 г. в 17-летнем возрасте стал монахом Зографского монастыря, приняв имя Нафанаил. После прибытия в конце 30-х годов в Россию учился в духовных заведениях Кишинева и Одессы, в 1847 г. поступил в Киевскую духовную академию, окончив ее со званием кандидата. Его кандидатское сочинение имело достаточно характерное название – "Краткое начертание о том, что болгарское архиепископство и церковное священноначалие не зависело от Константинопольского патриарха в старые времена, а именно от 533 до 1767 г."¹⁴ Это научное мнение с яркой патриотической окраской стало одной из основ болгарской

позиции во время следовавшего уже после Крымской войны нового обострения болгаро-греческой церковной борьбы. В начале 50-х годов Н. Стоянов совершил длительное путешествие по России, Польше, Чехии, Венгрии, Сербии, Дунайским княжествам, участвовал в подготовке акций национального протеста во время Крымской войны, занимал впоследствии ряд высоких церковных должностей, в том числе в 1872 г. стал охридским митрополитом, а с 1891 до смерти в 1906 г. возглавлял митрополию в Пловдиве.

Просветительная деятельность Нафанаила началась еще в конце 30-х годов, его многочисленные переводы с греческого на болгарский язык были подчинены задачам признания болгарской национальной церкви. Изданная им совместно с З. Княжеским в 1847 г. в типографии Московского университета работа "Зерцало или огледало славянское" (перевод "со славянского на болгарский язык") была отмечена в рецензии И.И. Срезневского в журнале "Финский вестник"¹⁵. Болгарский вариант кандидатского сочинения именно в период обострения церковного противостояния был опубликован Нафанаилом в константинопольском журнале "Български книжици" ("Болгарские книги")¹⁶. Связи Н. Стоянова с болгарским духовенством, торговцами и учащимися в различных городах за пределами Болгарии способствовали распространению идей Болгарской матицы. Вероятно предположение о том, что именно он стал связующим звеном в деле присоединения к матице болгар, проживавших в Праге и Вене.

Пражский участник Болгарской матицы Иван Шопов (1820–1853) родился в Калофере, учился в местном училище, а также у известного болгарского просветителя Райно Поповича в г. Карлове. В начале 40-х годов И. Шопов учился в греческих учебных заведениях, в том числе в афинской гимназии, участвовал в создании здесь Фрако-славянского общества¹⁷. В 1844 г. он поступил в одесскую гимназию, а затем по рекомендации известного историка П.Н. Мурзакевича, ходатайствовавшего перед профессором Московского университета О.М. Бодянским, был принят на историко-филологическое отделение Московского университета¹⁸. После трехлетнего обучения в Москве, где он специализировался под ру-

ководством О.М. Бодянского в области сравнительной грамматики славянских языков, чешского языка и религиозной истории Чехии XV–XVII вв., он уехал в Прагу, поступил на медицинский факультет Карлова университета, поддерживая научные связи с пражскими славистами. Хотя его жизнь трагически оборвалась в молодом возрасте, вклад И. Шопова в развитие болгарского просвещения высоко оценивается в историографии¹⁹. Его сотрудничество с О.М. Бодянским и П. Шафариком имело одним из своих плодов работу, заложившую основы болгарской библиографии²⁰. Он выступил инициатором и редактором ряда работ Н. Стоянова, подготовил сборник народных песен, пословиц и поговорок. И. Шопов активно переписывался с болгарскими просветителями в разных странах, чешскими и русскими славистами, способствуя распространению научной информации, но иногда пугая московских профессоров своей симпатией к арестованному в габсбургской империи М.А. Бакунину.

В столице габсбургской империи к Болгарской матице присоединились братья Антон и Драган Цанковы. Старший из братьев, Антон, был богатым торговцем в Вене, поддерживавшим материально различные болгарские патриотические начинания. Выпускник афинской гимназии, он оставался эллинофилом, известен его перевод с немецкого на греческий язык сборника "Путеводитель для счастливой жизни" (1845 г.), в предисловии к которому он писал: "О мое милое отечество, Болгария! Пусть и твои чада увидят, как слава приближается к тебе, пусть и они освободятся от многовекового ига тирании и дышат сладким воздухом божественной свободы. Пусть и твои чада войдут в славное культурное состязание народов и каждый болгарин по мере сил своих воздаст твоему прославлению!"²¹ Антон Цанков финансировал в 1850 г. и болгарский венский журнал "Мирозрение"²².

Его младший брат Драган (Димитр) принадлежит к известнейшим деятелям эпохи национального возрождения²³ и политикам воссозданного в 1878 г. Болгарского государства. Его многолетняя общественная и государственно-политическая деятельность

переплеталась с острейшими событиями истории Болгарии второй половины XIX в., но как бы в тени остается начальный период просветительной активности молодого Д. Цанкова.

Братья Цанковы происходили из богатого семейства торговцев г. Свиштова. Хозяйственное возвышение этого придунайского города сопровождалось и развитием национально-культурного и антигреческого церковного движения, в котором участвовали известные болгарские возрожденцы Э. Васкидович, Н. Бозвели, а также Кирияк (Гика) Цанков. Его шестой, самый младший сын Драган родился в 1828 г. После учебы в училищах Свиштова и Елены он был отправлен в Одессу, где два года проучился в семинарии, а в 1847 г. оказался в киевской гимназии. Здесь он сблизился с Н. Стояновым, будущим инициатором создания Болгарской матицы. Однако из-за болезни Д. Цанков прервал обучение, учительствовал некоторое время в г. Галаце, а в 1850 г. прибыл в Вену к брату Антону. Здесь они подготовили и издали в 1852 г. на немецком языке "Болгарскую грамматику". Этот труд имел большое значение для ученых неславянских стран, в нем нашли свое выражение мысли авторов о необходимости утверждения болгарского литературного языка на базе современных разговорных диалектов²⁴.

Драган Цанков помимо посещения лекций в Венском университете много внимания уделил и практической подготовке к печатно-типографской деятельности, намереваясь открыть в своем родном Свиштове болгарскую типографию. Однако получить разрешение турецких властей и Константинопольской патриархии ему не удалось. В начале 1853 г. Д. Цанков обсуждал с Н. Стояновым и К. Петковичем вопросы издания журнала "Матица българска" и ежегодных календарей на болгарском языке, однако обострение Восточного кризиса и начавшаяся война отодвинули эти планы на несколько лет.

Константинопольский участник Болгарской матицы Парфений Зографский (1818–1876) принадлежал к активным участникам национально-церковного движения. Его светское имя – Павел Тризлоски. Уроженец Македонии, он учился в Охриде, затем в Греции.

В 1846 г. окончил Киевскую духовную семинарию, а в 1850 г. — Московскую духовную академию²⁵. Преподавал в богословских училищах, служил в церкви русского посольства в Константинополе, где открыл также книжный магазин церковной литературы. Активно участвовал в национально-церковном движении, внедряя болгарский язык в училища и церковное богослужение, за что преследовался Константинопольской патриархией. С конца 50-х годов занимал высокие церковные должности²⁶.

Позиции Парфения Зографского как участника Болгарской матицы были реализованы в подготовке ряда учебников для болгарских училищ, в том числе по церковной истории, грамматики "славянского языка", в его выступлениях в болгарских журналах по вопросам создания "общего письменного языка". Он считал, что в болгарском языке имеются два основных наречия (диалекта): "верхне-болгарское" (в Мизии) и "нижне-болгарское" (в Македонии), последнее и должно стать основой современного литературного языка²⁷. Эта актуальная для того времени дискуссия, имевшая уже свои традиции, захватила и членов Болгарской матицы. Фактически проблема выработки литературного языка и его грамматики стала одним из направлений деятельности Матицы и сыграла впоследствии определенную роль в трансформации этой организации.

Одесский участник Болгарской матицы Николай Христофорович Палаузов (1821—1899) позднее других ее членов подписал проект программы. Уроженец Габрово, он с начала 30-х годов проживал в Одессе, где сложилась многочисленная болгарская колония. В 1842 г. Н.Х. Палаузов окончил Ришельевский лицей и долгие годы служил на одесской таможне. Его активная роль в налаживании болгаро-русских связей, популяризации болгарского вопроса в России, поддержке национального просвещения в Болгарии логически привела Н.Х. Палаузова к созданию в 1854 г. "Одесского болгарского настоятельства"²⁸. Эта благотворительная и просветительная организация имела и политическую направленность, претендуя на представительство болгар перед правительством России, участвуя в различных национально-освободительных ак-

циях в 60–70-е годы. Можно предположить, что Н.Х. Палаузов, один из главных инициаторов и руководителей настоятельства, стремился к объединению усилий различных болгарских организаций. К тому же ему были близки задачи, ставившиеся Болгарской матицей. Выступая в русской печати преимущественно по социальным и политическим проблемам положения болгарского народа²⁹, он в своей деятельности в Болгарии и статьях в болгарской печати Османской империи главное внимание уделял вопросам просвещения и письменности. Н.Х. Палаузов был попечителем знаменитого болгарского училища в Габрове, в год основания Болгарской матицы опубликовал в болгарской газете "Цариградски вестник" серию статей о болгарской письменности и правописании³⁰. Его стремление к лидерству в болгарском национальном движении, представительству его интересов перед официальной Россией при некоторых издержках имело своим результатом расширение знаний о Болгарии в российском обществе.

Краткие сведения об индивидуальных по преимуществу шагах участников Болгарской матицы позволяют говорить о сложившейся направленности ее деятельности. Организационные слабости и объективные трудности в работе Матицы не могут заслонить того факта, что идея славянских просветительных обществ угнетенных народов нашла свое, пусть и неполное, воплощение в болгарском национальном движении. При этом учитывались и собственные традиции, и опыт подобных организаций в габсбургской империи. Было бы, однако, преувеличением считать задачу создания общенациональной болгарской институции решенной.

События Крымской войны 1853–1856 гг., породившие надежду на освобождение Болгарии и вызвавшие всплеск политических выступлений, привели к разочарованию ввиду поражения России. Одновременно в новых условиях усилилась потребность организационного оформления болгарского национального движения. После войны упоминавшееся Одесское болгарское настоятельство и Болгарский комитет в Бухаресте ("Эпитропия"), возникший в 1854 г., приняли форму благотворительно-просветительных организаций.

Фактическим продолжением Болгарской матицы стала новая организация – Общество болгарской письменности, созданная в 1856 г. в Константинополе Драганом Цанковым с привлечением торговцев К. Мариновича из Русе и К. Славчевича из Тырнова. Уже в первый год деятельности общество объединило около 300 членов и вспомоществователей. В его программе предусматривалось обеспечение болгарских училищ и церквей книгами, создание единого литературного языка, издание периодического органа, которым стал журнал "Български книжици"³¹. Участник Болгарской матицы Д. Цанков стал председателем Общества болгарской письменности. Оно явилось предтечей Болгарского литературного общества, оформившегося в 1869 г. в Брзиле и преобразованного впоследствии, после освобождения Болгарии от османского ига, в Болгарскую академию наук. Ряд членов Болгарской матицы, практически все здравствовавшие в то время, приняли участие и в деятельности Болгарского литературного общества.

Преемственность основных просветительных задач не исключала смены форм организаций сообразно менявшимся политическим условиям, накопления новых традиций, возникновения, в частности, движения за учреждение читален в Болгарии после Крымской войны. Вместе с тем краткая история Болгарской матицы является собой пример взаимодействия славянских народов в эпоху борьбы за национальное освобождение не только в практическом плане, но и в применении типологически сходных форм общественной организации.

Примечания

¹ См.: *Венедиктов Г.К.* Из истории современного болгарского литературного языка. София, 1981. С. 109–112.

² *Трайков В.* Тракобългарско дружество (организация на българите в Гърция през 40–60-те години на XIX в.) // Юбилеен сборник чест на академик Димитър Косев. С., 1985. С. 152–167.

³ См.: *Стоянов М.* Българска възрожденска книжнина. С., 1957. Т. I.

⁴ Москвитянин. 1846. Ч. V. Кн. 9–10. С. 189.

⁵ См.: Желтяков А.Д., Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729–1908). М., 1972.

⁶ См.: Дунавска зора (Браила). 1869. 24.XII. Жизнеописание митрополита Охридо-пловдивского Натанаила, автобиографични бележки // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. С., 1909, Кн. XXV.

⁷ Дракул С. Македонските преродбеници Константин и Андреја Петкович во светлината на нивната кореспонденција // Институт за национална историја. Гласник. Скопје, 1977. № 1. С. 203–229.

⁸ К истории издания известий и ученых записок второго отделения императорской Академии наук (1852–1863). По архивным данным составил В.И. Срезневский. СПб., 1905. С. 11.

⁹ Древняя чешская песнь о суде Любуши // Известия императорской Академии наук по 2 отделению. СПб., 1852. № 1. С. 11–16.

¹⁰ Там же. 1852. № 2. С. 312–313.

¹¹ Цариградски вестник. 1853. 23.V.

¹² См.: Дракул С. Указ. соч.

¹³ Архив на Г.С. Раковски. С., 1957. Т. 2. С. 328.

¹⁴ Возможно, что столь острая для православного учебного заведения постановка проблемы объясняется особой ролью Н. Стоянова в информировании российской верхушки по этому вопросу. Позднее он отмечал: "С начала 1849 г. до 1851 г. все спорные вопросы патриархии с болгарским народом и епархиальными архиереями, о которых печатали в "Царьградском вестнике", я переводил на русский язык и отсылал в Петербург бывшему тогда императорскому канцлеру графу Блудову для императорской канцелярии" (Цит. по кн.: Прослава на Освободителната война 1877–1878. С., 1929. С. 147).

¹⁵ Финский вестник. СПб., 1847. Т. XX. Отд. V. С. 58–63; См. также: Отечественные записки. СПб., 1847. Т. 53. № 8. Отд. VI. С. 102.

¹⁶ Български книжици. 1858. №№ 1–14; 1859. №№ 5, 6, 10; 1860. №№ 5, 6.

17 *Маслев С.* Нови данни за живота на първия български библиограф – Иван В. Шопов // Държавна библиотека "Васил Коларов". Известия за 1956 г. С., 1958. С. 280.

18 *Билунов Б.Н., Вяземская Е.К.* Первые болгарские воспитанники Московского университета // История и культура Болгарии. М., 1981. С. 151–152.

19 См.: *Францев В.А.* Болгарско-чешские литературные связи в половине XIX ст. Страница из истории болгарского возрождения. С., 1929; *Начев Н.* Първият български библиограф Иван Василев Шопов // Българска книга. С., 1930. № 1; *Трайков Н.* Страницы из историята на българската библиография и нейния началния период // Държавна библиотека "Васил Коларов". Известия за 1952 г. С., 1953 и др.

20 *Шопов И.* Список на български книги на нововъзраждаемата българска писменост в XIX век // Цариградски вестник. 1852. 6.IX.

21 Цит. по кн.: *Ковачева М.* Драган Цанков – общественник, политик, дипломат (до 1878 г.). С., 1982. С. 16.

22 *Боршук Г.* История на българската журналистика. 1844–1877. С., 1965. С. 73.

23 См.: *Ковачева М.* Указ. соч.

24 См.: *Венедиктов Г.К.* Указ. соч.

25 *А.З.* Значение России для православного Востока – преимущественно по отношению к богословскому образованию // Воскресное чтение (Киев). 1870. 5 апр. С. 704–705.

26 *Томков Ф.* Живот и дейност на Х. Партений Зографски // Македонски преглед. С., 1936. № 1–2.

27 *Партений Зографски.* Мисли за българският език // Български книжици. 1858. Ч. I. С. 36; Цариградски вестник. 1857. 9.II.

28 *Казанский П.* Николай Христофорович Палаузов (Биографическая заметка) // Русская старина. 1899. Т. 99. Июль. С. 61–72 и др.

29 См.: *Билунов Б.Н.* Из истории болгаро-русских журналистских связей // Россия и Восточный кризис 1875–1878 гг. М., 1980. С. 98–116.

30 См.: Цариградски вестник. 1852. № 80, 81, 99.

31 *Цанков Др.* Известие // Месечослов за 1857. Цариград, 1856. С. 131–132.

ДАЛМАТИНСКАЯ МАТИЦА

В 1797 г. по Кампоформийскому миру после многовекового пребывания под флагом св. Марка Далмация и Бока Которская перешли в руки Габсбургов. Однако австрийское господство оказалось недолгим, и по Прессбургскому миру 1805 г. они попали под власть Наполеона. Венский конгресс 1815 г. на целое столетие подчинил Далмацию, Боку Которскую и бывшую республику Дубровник австрийскому правительству. С этого времени названные территории, объединенные в одну административную провинцию, получили наименование "Далмация".

Далмация вступила в XIX век с разноликим административным управлением, позднесредневековыми аграрными отношениями, существенными различиями в истории и традициях отдельных районов. Отсталое, почти натуральное аграрное хозяйство глубинки сочеталось с торговыми городами средиземноморского типа. В национальном отношении подавляющую массу населения составляли хорваты, значительная доля приходилась на сербов, проживавших в основном в сельском материковом пограничье. Но культурную атмосферу в портовых городах (кроме Дубровника), несмотря на свою малочисленность, определяли итальянцы и итальянизированные славяне¹.

Особенность общественного сознания югославян в Далмации в условиях сильной позиции итальянской культуры и наступления ислама состояла в том, что в нем испокон веков присутствовала южнославянская ориентация. Еще в XVI в. дубровчанин аббат Мавро Орбин писал о славе и могуществе в прошлом южных славян. В 1756 г. в иных условиях другой францисканец А. Качич-Миошич в своем собрании "Приятная беседа славянского народа", составлен-

ном из народных эпических песен, но большей частью из написанных самим Качичем-Миошичем в фольклорном стиле песен и исторической прозы, воспел героическое прошлое южных славян. Эта книга имела блестящий успех в южнославянском мире, получив и второе, значительно расширенное издание. Неудивительно, что процесс национального возрождения хорватов и сербов в Далмации, тем более под влиянием иллиризма, начался и длительное время протекал в едином русле.

В первой половине XIX в. Далмация медленно включалась в новую для нее систему отношений в Австрийской империи. С трудом протекала ее экономическая и общественная переориентация. Но итальянский язык остался официальным, в городах продолжали господствовать итальянские обычаи и традиции. Большая часть югославянского общества почти не думала о литературе на родном языке, для него были характерны дух провинциализма, апатия и равнодушие к общественным делам. И.И. Срезневский писал в 1841 г. о Дубровнике, давшем когда-то образцы ренессансной литературы, следующее: "Литературной жизни в Дубровнике нет: заходом литературы не следит никто, о книге новой говорят как и об старой, а ждать появления или требовать издания той или другой книги и в голову никому бы не пришло"².

Но развитие экономики, расширение рыночных отношений в самой Далмации, нарастание хозяйственных связей ее с Хорватией, с одной стороны, с Боснией и Герцеговиной, с другой – подготавливали общественное оживление в адриатической провинции.

Начало духовного подъема в Далмации связано с именем серба Божицара Петрановича (1809–1874). Родом из Шибеника, он закончил гимназию в Сремски-Карловцах, изучал философию в Граце и право в Вене. В студенческие годы Петранович вращался в кругу национально настроенных славян. В 1836 г. молодой доктор права основал научно-литературный орган "Любитель просвещения. Србско-далматинский алманах"*. Он выходил вначале в круп-

*Позднее ежегодник получил название "Любитель просвещения. Србско-далматинский магазин". Выходил до 1872 г.

ном торговом городе Хорватии Карловаце, а затем с 1838 г. в Задаре. Петранович ввел в него народный язык, хотя и с примесью некоторых церковнославянских форм. Сохранилась и старая орфография. Альманах встретил довольно живой отклик в Далмации. Уже в первый год издания насчитывалось 456 его подписчиков³.

Петрановичу, знавшему Гая еще со времени пребывания в Граце, были близки идеи иллиризма. Не делая различий между хорватами и сербами, он стремился к сближению между собой югославян в Далмации независимо от вероисповедания и выступал за их объединение в литературном языке. Соглашаясь с названием "иллиры" и одобряя литературно-языковую деятельность Гая, Петранович старался приблизить язык своего издания к языку "Даницы", сотрудничал в загребском журнале. В 1840 г. он подарил комплект своего издания за 1836–1840 гг. загребской читальне. Сочувствовал иллиризму и Дж. Николаевич, редактор "Магазина" с 1842 г. В "Данице" перепечатывались некоторые статьи из него. В свою очередь Ст. Враз и Ив. Трнски сотрудничали в этом издании⁴.

В 40-е годы у хорватов в Далмации стало обнаруживаться сознание национальной общности хорватов независимо от административно-политических границ, появилась тяга к литературно-языковому единению с Загребом. В 1841 г. в Задаре вышли лирические песни Аны Видович "Анка и Станко", написанные новым литературным языком, хотя и старой орфографией. В 1844 г. появился новый сборник песен Видович уже орфографией Гая. В "Данице" печатались далматинцы, призывавшие к литературному единению Далмации с остальными "иллирами". Однако национально мыслящих хорватов в этой провинции было мало и активной деятельности по сближению Далмации с Хорватией они, за исключением немногих, не вели. В Далмации господствующее значение получили партикуляристские, местнические настроения. Они отчетливо проявились в новом далматинском издании.

С начала 1844 г. в Задаре стал выходить еженедельный журнал "Збра далматинска" ("Далматинская зоря"), объединивший

вокруг себя литературные силы Далмации. Официально его редактором считался профессор А. Кузманич, однако фактически в 1844–1845 гг. главную роль в нем играл Петар Прерадович, тогда офицер, заявивший о себе как талантливый поэт. "Зора" решительно выступила против господства в Далмации итальянского языка. Прерадович был убежденным сторонником литературного объединения южных славян и нового загребского правописания. Тенденция "Зоры" к сближению с "Даницей" вызвала тревогу в официальных кругах, заинтересованных в раздробленности хорватов. Губернские власти запретили новое правописание в Далмации. Но в 1845 г. этот запрет для прессы и частных лиц был снят. Дубровчанин Иван Аугуст Казначич, ставший в начале 1845 г. редактором "Зоры", и Прерадович, по-прежнему активно сотрудничавший в журнале, воспользовались этим, чтобы сближить "Зору" по орфографии и языку с "Даницей". Окрепи творческие связи между этими изданиями. В начале 1846 г. редакцию "Зоры" возглавил сторонник иллиризма Н. Валентич. Далматинский журнал по содержанию и языку вошел в загребское русло⁵.

Однако единение "Зоры" и "Даницы" продолжалось недолго. В конце 1846 г. редактором далматинского издания вновь стал Кузманич, Прерадович же отстранился от редакционной работы. "Зора" решительно выступила против орфографии Гая и нового литературного языка. Журнал получил отчетливо антииллирийское направление. В далматинской и загребской печати развернулась борьба, в которой отразилось столкновение Хорватии и Далмации за главенство в национальном процессе. Немаловажным обстоятельством в данном случае была позиция австрийских властей, препятствовавших с целью разделения хорватов введению в Далмацию нового правописания.

Однако среди противников иллиризма в Далмации не было полного совпадения во взглядах. Часть из них вообще отрицала идею духовного соединения хорватов и предпочитала изолированность Далмации от Хорватии. Сам А. Кузманич занимал колеблющуюся позицию. Он соглашался с необходимостью литературно-языкового единства хорватов, однако на далматинской языковой

основе — штокавском диалекте икавского произношения и далматинской орфографии. Кузманич был противником хорвато-сербского сближения⁶. Это была концепция хорватской национальной культуры с центром в Далмации. Она опиралась на бывшее культурное величие провинции, наследие северо-адриатического Ренессанса.

Сложный путь развития журнала "Зора далматинска", который содействовал оживлению литературной жизни в Далмации, но проводил в конечном счете сепаратистскую линию, показывает трудности, возникшие в связи с установлением литературно-языкового единства Далмации и Хорватии. Даже новое правописание прививалось в Далмации очень медленно. Оно было окончательно введено в "Зоре" в 1849 г., а официально утверждено в 1850 г.⁷

По существу в 40-е годы, несмотря на большие усилия загребских хорватов, отказавшихся ради достижения литературно-языкового единства от кайкавского диалекта в качестве основы новой литературы и опиравшихся в ее развитии не в последнюю очередь на далматинскую и дубровницкую классику, литературно-языковое объединение Далмации и Хорватии не было достигнуто. Вопрос о литературно-языковом единстве хорватов был тесно связан с политическими судьбами этих земель, поэтому он имел особое значение. Сторонники литературно-языкового объединения хорватов желали административно-политического воссоединения Далмации с Хорватией, хотя открыто об этом не говорилось.

В целом, объединительные идеи илиризма, литературно-языковые, а тем более политические, большой поддержки в Далмации не получили. Известная экономическая оторванность Далмации от Хорватии, с одной стороны, слабость внутренних хозяйственных связей и многовековая изолированность городов-коммун, с другой — обусловили сохранение здесь регионального сознания, неразвитость национальной мысли, непонимание сущности национальной проблемы. Этому способствовала не в последнюю очередь и политика правительства, препятствовавшая хорватскому сближению. Сказывались и претензии местных славянских верхов, опи-

равшихся на бывшее величие далматинских городов и особенно Дубровника, на главенствующую роль на славянском юге. Но объективный ход истории и прежде всего экономический подъем выдвигали Хорватию и ее столицу Загреб в качестве центра национального развития.

В 1848 г. столкновения между сторонниками и противниками политического соединения Далмации с Хорватией и Славонией получили открытый и острый характер. Они проецировались и на культурный процесс. Придерживаясь, как и ранее, позиции консолидации югославян в Далмации, введения народного языка в официальную жизнь провинции и ее соединения с Хорватией, Божидар Петранович, будучи депутатом австрийского рейхстага, выступил с инициативой создания Далматинской матицы по чешскому и хорватскому образцу. Ее задачей должно было стать просвещение народа в духе "демократической свободы и европейского братства". Петранович обратился за помощью и информацией к чешскому культурно-политическому обществу – Славянской липе в Праге. В ноябре комитет Липы рассмотрел просьбу Петрановича, но среди его членов не было единства мнения о формах помощи, планируемой Матице. Большинство выступило за сбор средств для нового общества. Обращение Славянской липы к чешской общественности составил В.Д. Ламбл. Однако Петранович в ходе подготовки к созданию Далматинской матицы столкнулся с конкуренцией А. Кузманича, который пытался основать по чешскому же образцу далматинскую Славянскую липу. И тот, и другой обращались за помощью к бану Хорватии и Славонии Елачичу, который императорским указом был назначен губернатором Риеки и Далмации, и к другим лицам. Тогда попытки организационного оформления культурной жизни в провинции не увенчались успехом⁸. Но была собрана в результате пожертвований в Вене, Праге для будущей Матицы сумма в 771 фор. Завершился подготовительный этап ее создания.

В годы абсолютизма Б. Петранович пытался поддерживать в печати позиции сербскохорватского языка. В 1851–1852 гг. он с

единомышленниками издавал в Задаре журнал "Правдоноша", который преследовал практическую цель обучения судебных чиновников этому языку. Но в условиях наступившей общественной апатии журнал прекратил существование, несмотря на стремление Иллирской матицы поддержать его жизнь⁹.

В условиях, когда вопрос о Далматинской матице был отложен на неопределенное время, Петранович передал собранные для нее деньги в пользование загребской Матице. Та обещала за это посылать по 13 экз. каждой изданной ею книги в библиотеки главных далматинских городов¹⁰. Далматинская матица еще не была создана, но ее судьба была уже связана с Загребом.

В 1860 г. начался новый общественно-политический подъем в Далмации. Основными задачами хорватских и сербских освободительных сил были воссоединение провинции с Хорватией и Славонией, гражданские свободы и федерализация империи. Оппозиция, сгруппировавшаяся в Народную партию, выступала носителем "югославянской идеи". Ее политическим органом с 1862 г. стала газета "Национале" ("Национальный"), выходившая при материальной поддержке Штросмайера для привлечения интеллигенции на итальянском языке в Задаре, с приложением на сербскохорватском языке "Народни лист" ("Народная газета"). Редакторами издания были историк и либеральный публицист, человек высокой образованности и широкого кругозора Натко Нодило (1834–1912) и католический священник, ученый, преподаватель Иван Данило (1820–1895). Оба участвовали в политической жизни и подвергались репрессиям¹¹. В середине 60-х годов позиции Народной партии в Далмации усилились. Она противостояла автономистам разной окраски (сторонникам отдельного от Хорватии статуса Далмации), связанным с верхами австрийского управления. В 1870 г. национальное движение получило большинство мест в далматинском саборе.

Крупным деятелем возрождения в Далмации был Миховил Павлинович (1831–1887). Он родился в 1831 г. в селе Подгоре близ города Макарска. Получив начальное образование в Макарска, Павлинович продолжил учебу в семинарии Сплита и завершил

изучение богословия в Задаре. Возведенный в 1854 г. в сан священника, он вскоре вернулся в родную Подгору, где оставался до 1870 г. Павлинович выступил идеологом Народной партии с либеральной югославянской ориентацией.

Деятельность хорватской и сербской интеллигенции в области культуры развивалась в тесной связи с политической борьбой. Как и прежде, в центре общественного внимания были судьбы родного языка. В 1861 г. М. Павлинович произнес в местном саборе речь на родном языке. Югославянская общественность развернула активную деятельность по изучению родного языка и утверждению его позиции в школах и учреждениях Далмации. Народная партия добилась обязательного знания чиновниками не только итальянского, но и сербскохорватского языков. На родной язык постепенно переводилось преподавание в гимназиях. С 1862—1863 гг. в городах Сплите, Перасте, Задаре, Дубровнике и др. были основаны "славянские читальни", которые стали очагами общественной жизни¹².

На новой волне освободительных устремлений Б. Петранович вернулся к вопросу о Далматинской матице. В 1860 г. он направил в Вену на утверждение Правила этого общества, которые были одобрены в следующем году. В 1862 г. в Задаре состоялось торжественное основание Далматинской матицы.

Согласно Правилам, Далматинская матица была создана для образования капитала, предназначенного для издания полезных книг и премирования писателей за такие сочинения. Матица была объявлена чисто литературным обществом, признававшим равноправие латинского и кирилловского алфавитов. Ее капитал складывался из добровольных взносов и подписных обязательств в сумме 30 или 60 фор. Каждый член-основатель вносил самое малое 30 фор. в течение 5 лет, по 3 фор. каждые полгода. Взнос для библиотек и обществ был установлен в двойном размере. Член-основатель получал бесплатно один экз. каждой изданной за счет Матицы книги.

Главным органом Матицы была скупщина, куда входили все члены-основатели. Она собиралась раз в год, решая вопросы боль-

шинством голосов. Скупщина избирала Управительный комитет, состоявший из двух отделов – финансового и литературного. Он включал председателя, двух его заместителей, 12 членов, казначея и секретаря. Управительный комитет назначал доверенных лиц, задачей которых было поддерживать в обществе внимание к Матице, собирать взносы и распределять между членами изданные ею книги. Доверенные лица в городах и поселках были опорой общества на местах. Правила Далматинской матицы по существу дублировали соответствующий документ загребского общества. Печатным органом Далматинской матицы стал "Народни лист"¹³.

В 1862 г. на скупщине был избран Управительный комитет Матицы. Его возглавил Б.Петранович. Он видел главную цель Матицы в том, чтобы "освободиться от чуждого итальянского духа и культуры"¹⁴. Заместителями председателя стали по литературному отделу директор гимназии в Задаре Джуро Пулич, по хозяйственному – Иван Данило. В литературный отдел в качестве членов вошли священники Мате Ивчевич и Йово Сундечич (он был преподавателем местной богословской школы), бывший редактор "Магазина" Джордже Николаевич, Миховил Милкович, профессор задарской гимназии Миховил Клаич и известный политический деятель, публицист Степан Ивичевич. Казначеем общества был избран богатый торговец Тодор Юркович, секретарем – Антун Симонич¹⁵. У руководства Далматинской матицы стояли представители интеллигенции, духовенства и торговой среды католического и православного вероисповедания – хорваты и сербы.

На первых порах Матица не имела своего помещения, и Управительный комитет собирался в доме Юрковича. В 1863 г., когда в Задаре открылась Народная читальня, матица арендовала у нее комнату.

Управительный комитет начал свою деятельность с обращения к епископам и видным далматинцам. Отмечая намерение Матицы действовать в направлении пробуждения национального духа в Далмации, культурного подъема крестьян и укрепления по

крайней мере литературного союза Далмации с Хорватией и Славонией, Комитет призывал патриотов помочь новому обществу денежными средствами. Обращение встретило отклик не только в Далмации, но и в Хорватии.

Горячо приветствуя основание Далматинской матицы и ее югославянский характер, епископ Й. Штросмайер направил ей в качестве единовременного дара 300 фор., в дальнейшем он прислал еще 700 фор. Управительный комитет в знак благодарности объявил Штросмайера первым и главным членом Далматинской матицы, украсив помещение общества его портретом. Загребский архиепископ Хаулик выделил Далматинской матице 100 фор., известные хорватские предприниматели из Карловаца А. и Н. Враничани передали по 100 фор. каждый. Сам бан Шокчевич прислал 50 фор. Учащиеся гимназии в Осиеке (Славония) собрали для Далматинской матицы 34 фор.¹⁶

Горячую поддержку далматинское общество встретило со стороны Л. Вукотиновича, в то время великого жупана Крижевацкой жупании, и Ив. Кукулевича-Сакцинского. Первый внес 30 фор. и обязался ежегодно высылать по 10 фор. Кукулевич-Сакцинский в приветственном письме Матице писал: "Теперешний век национальности — наш век, а Далматинская матица — тот канал, по которому дух этого века должен проникнуть в Далмацию"¹⁷. Хорватский писатель и ученый направил Далматинской матице 50 фор. и экземпляры своих книг, обещая и в будущем помогать ей деньгами и в иной форме. В 1865 г. Далматинская матица насчитывала 337 членов¹⁸.

В казну Далматинской матицы текли пожертвования и вступительные взносы из городов Далмации, Хорватии, Славонии, Истрии, из Вены и Рима. Она на деле становилась важным фактором консолидации Далмации с остальными землями, населенными хорватами, а также сербами и словенцами.

В начале своей деятельности Управительный комитет обратился к загребской Матице с просьбой вернуть переданные ей Петрановичем в пользование 771 фор. Была достигнута договорен-

ность, что капитал и далее останется в Загребе, а местная Матица будет ежегодно переводить в Далмацию в качестве процентов 40 фор. 50 новичей¹⁹. Это дополнительно связывало обе матицы.

В 1862 г. Управительный комитет постановил создать библиотеку Далматинской матицы. Он обратился к видным славянским писателям и матицам с просьбой о присылке книг. Комитет обещал другим матицам посылать взамен свои издания. Так Далматинская матица вступила в контакт с аналогичными обществами у других славянских народов. Помимо них она получила книги от редакции журнала "Книжевник" в Загребе, Югославянской академии наук и искусств, Сербского ученого общества в Белграде, Петербургской академии наук. В 1863 г. библиотека Матицы в Задаре насчитывала 278 томов, через два года ее фонд вырос до 516 экз. книг²⁰. Далматинская матица, как и другие, подобные ей общества у славян, развивалась в тесном контакте со славянскими учреждениями культуры.

Считая главным направлением своей деятельности выпуск изданий, рассчитанных на широкие слои населения, Далматинская матица начала с 1863 г. издание календарей. Редактором первого выпуска был Сундечич. Штросмайер, с похвалой отзываясь об этом издании, писал: "И его содержание, и чистый язык, на котором написан, заслуживает того, чтобы он как можно шире был распространен в нашем народе"²¹. При этом епископ направил обществу дополнительно 20 фор.

Желая привлечь общественное внимание к фольклору, Далматинская матица объявила в 1863 г. премию за фольклорное собрание под названием "Приятная беседа славянского народа. Часть вторая". Оно должно было явиться продолжением знаменитого сочинения Качича-Миошича. Выход книги приурочивался к тысячелетию деятельности Кирилла и Мефодия. Однако этот замысел Матицы не встретил поддержки.

Тогда литературный отдел решил выпустить книгу, включающую народные песни из собрания Вука Караджича и литературные

поэтические произведения. Составителями издания были утверждены Ив. Данило и Ю. Сундечич.

Однако деятельность Далматинской матицы, рост ее связей с общественными институтами в Хорватии, а также в других славянских землях не отвечали изоляционистской позиции властей. Поэтому уже в начале своей работы Матица столкнулась с непредвиденными обстоятельствами. Дж. Пулич был властями удален из Задара и перемещен в далекий Тироль. Поплатились своими должностями М. Клаич, Ив. Данило, Сундечич, который переехал в Черногорию. Но Клаич и Данило, оставшиеся в Задаре, продолжили свое членство в Управительном комитете. В литературный отдел вошел также Н. Ноди́ло. Откровенно выраженная отрицательная позиция властей, перестановки в руководстве еще неокрепшего общества неблагоприятно сказались на Далматинской матице.

Не избежала Далматинская матица и финансовых трудностей. Ее капитал был весьма скромным, составляя в 1864 г. 6319 фор., в 1865 г. – 7790 фор. Члены общества затягивали с уплатой взносов, получатели займов из частных лиц – с погашением процентов²². Вместе с тем в адрес Матицы продолжали поступать пожертвования. Сабор провинции выделил ей 400 фор. на издание книг, полезных для простого народа. В 1864 г. в круг основателей Далматинской матицы вступил Антун Мажуранич, служивший тогда директором гимназии в Риеке.

В 1865 г. Матица издала "Народные песни" тиражом в 1500 экз. В книгу вошли 90 песен, эпических и лирических, десять из которых были напечатаны кириллицей. Они сопровождались историческими примечаниями и словарем турецких слов. Из-за нехватки у Матицы средств ее руководство отказалось от намерения включить в издание и литературные произведения. Собрание получило высокую оценку В. Ягича, заказавшего себе 250 экз.²³ Это первое солидное издание Далматинской матицы отвечало ее сербско-хорватскому характеру и содействовало сближению югославян в Далмации.

В следующем году Матица объявила конкурс на лучшее поэтическое произведение о доблести далматинских моряков, составивших команды судов австрийского флота, в победоносном морском сражении австрийской армады против итальянского флота около Виса в 1866 г. Наградой была отмечена поэма Савы Мартиновича, черногорца, проживавшего в Загребе. Матица издала ее в 1867 г. под названием "Висский бой". Общество заложило также основы библиотеки семинарии в Арбанасах, подарив этому заведению не только изданные ею книги, но и дубликаты своей библиотеки.

Желая содействовать внедрению народного языка в официальные учреждения и суды, Матица выпустила в 1868 г. книгу "Руководство членов общин, общинных управителей и делопроизводителей", составленное Ст. Ивичевичем и католическим священником К. Любичем. Этот справочник включал общинный регламент, избирательную инструкцию, разного рода законы и постановления, касавшиеся общинных дел, образцы официальных бумаг, исходивших из общин и т.д. По предложению Матицы К. Любич создал также в 1869 г. объемистый толковый словарь "Хорватский делопроизводитель", включивший общественную, торговую, юридическую, административную и церковную терминологию. А через три года Матица издала словарь административно-политических терминов, составленный "внимательно и искусно" бывшим секретарем общества А. Шимоничем, под названием "Комментарий для чиновников". Он содержал почти 2300 слов. Эти книги должны были помочь овладению чиновничеством сербскохорватским языком. Вместе с тем они формировали административно-политическую терминологию на основе народной разговорной речи.

Наряду с чисто прагматическими изданиями Матица обратилась к выдающемуся творению черногорского поэта – владыки Петра II Петровича Негоша "Горный венец". Подготовленная к печати Ст. Любишей эпическая поэма вышла в 1868 г. на латинице с комментариями, разъясняющими исторические события и языковые особенности автора, тиражом в 1500 экз. Это издание могло стать событием в культурной жизни Далмации, но его зна-

чение было снижено ошибками и самоволием Любиши в передаче текста. Тем не менее благодаря низкой цене книги Матица создала возможность для ознакомления широких слоев хорватов в Далмации с лучшим произведением черногорского классика.

Руководство обществом постоянно имело в виду непосредственно крестьянство, стремясь приобщить его к чтению и образованию. Этой цели служила изданная Матицей в 1872 г. книга "Простонародный мудрец". Она представляла собой перепечатку из газеты "Народни лист" переведенного с французского языка сочинения. Написанное в свободной манере, оно содержало нравоучительные напутствия и советы. В том же году Матица объявила награду в сумме 600 фор. за лучшую книгу по сельскому хозяйству, рассчитанную на крестьян. Однако за два года поступило лишь одно предложение, которое не удовлетворило взыскательное руководство. Чтобы облегчить задачу эвентуальным авторам, специальная комиссия разработала проспект такой книги. Он был опубликован в 1875 г. в газете "Народни лист". Однако отклика и на этот раз не последовало. Равнодушие интеллигенции обрекло на неудачу народническую инициативу Матицы по снабжению крестьян доходчивой сельскохозяйственной литературой.

Между тем капитал Далматинской матицы возрастал прежде всего за счет пожертвований частных лиц, а также ежегодных дотаций местного сабора. Щедрый дар Матица получила от словенского мецената, преподавателя немецкого языка и литературы М. Дебеляка, который в 1867 г. завещал на просветительные цели 7000 фор., в том числе 1/5 часть этой суммы Далматинской матице, по 1/5 – Словенской матице в Любляне и Обществу св. Мохора в Целоваце, 2/5 – будущему загребскому университету. В 1870 г. Далматинской матице было передано из этой суммы 11 000 фор. Ее капитал составил 26 281 фор. К концу 1874 г. он увеличился до 27 943 фор., а через год достиг 30 140 фор. Росла и библиотека общества, насчитывавшая к концу 1869 г. 729 книг. Это было показателем постепенного укрепления общества.

В первые годы существования Далматинской матицы ее литературная деятельность была скромной. Однако, как подчеркнул Петранович на главной скупшине общества в 1864 г., ее значение не ограничивалось областью литературы, но состояло главным образом в утверждении позиций родного языка и распространении самосознания в народе. Ее усилия отвечали главным задачам национально-освободительного движения.

Югославянский характер Далматинской матицы предопределял ее общеславянские интересы. Она отозвалась на приглашение участвовать в Этнографической выставке в Москве. Для покупки экспонатов было выделено 300 фор. Управительный комитет через печать призвал далматинцев и частным образом поддержать это мероприятие. Но отсутствие средств не позволило развернуть подобную деятельность. Из Далмации Москву посетили Ив. Данило и Мато Пуич, брат известного писателя и общественно-политического деятеля Медо Пуича²⁴. Данило по возвращении был брошен в тюрьму.

Упрочение системы австро-венгерского дуализма, закрепившего за "Королевством Далмация" статус австрийской провинции с весьма ограниченной автономией, на многие годы сняло жизненный вопрос о воссоединении хорватских земель. Тем важнее становились общественные и культурные связи между ними. В 1874 г. Далматинская матица приветствовала основание Загребского университета. Ф. Рачки пригласил Н. Нодилю на должность профессора всеобщей истории, что получило высочайшее подтверждение.

В то же время усиление в Далмации клерикализма в ответ на развитие демократического движения в Австро-Венгрии и во всей Европе привело к серьезным изменениям в общественной обстановке в провинции. С конца 60-х годов и особенно в 70-х годах происходил распад единого лагеря национально-освободительного движения далматинских югославян. Развитие национального самосознания угнетенных народов было закономерным процессом. Но выдвижение на политическую арену клерикалов, использовавших в своих целях национальные устремления

хорватов и сербов, привело к их самоизоляции. Хорватское клерикальное течение возглавил Павлинович. Хорвато-сербская рознь поддерживалась австрийскими правящими кругами. И все же в 1882 г. автономистское движение в Далмации потерпело поражение. Общественная атмосфера сказалась на дальнейшем развитии Далматинской матицы.

В 1874 г. Матица понесла тяжелую утрату. Умер ее основатель и первый председатель Божидар Петранович. За 12 лет под его руководством Матица издала 12 календарей и 7 других книг. Признанием общественных и литературных заслуг Петрановича было его избрание действительным членом Югославянской академии в Загребе, членом-корреспондентом Сербского ученого общества в Белграде. Российский император наградил его бриллиантовым перстнем и орденом св. Анны II степени. Петранович стал членом Общества истории и древностей в Мекленбурге, Общества благотворительности и взаимной славянской помощи в Константинополе, литературного общества в турецкой столице и т.д. Петранович был столь крупной фигурой в культурной жизни Далмации, что его личные связи неизбежно приобретали общественное значение.

Для увековечивания памяти первого председателя Матицы Управительный комитет основал из доходов общества ежегодный фонд в 60 фор. под названием "Фонд Божидара Петрановича". Он был предназначен для награждения лучших работ, публикуемых в календарях. Первую премию из этого фонда получил Й. Деренчин за медицинскую статью, напечатанную в календаре за 1876 г.

Со смертью Петрановича завершился югославянский период в истории Далматинской матицы в XIX в. В ее руководстве возросло влияние католического духовенства.

Матица тем временем вернулась к лексикографической работе. С постепенным упрочением позиции сербскохорватского языка в школах и учреждениях Далмации ощущалась потребность в разного рода словарях и другой справочной литературе. Поскольку "Руководство" к ведению общинных дел было распродано, Ма-

тица в 1878 г. издала "Новое руководство". Его составитель К. Любич пополнил содержание новыми законодательными актами и постановлениями, касавшимися компетенции общин и регулировавшими их деятельность, а также систематическим и алфавитным указателями.

Управительный комитет прилагал усилия, чтобы активизировать местных литераторов и лиц, причастных к науке. В 1877 г. он вновь объявил награды за поучительную статью, компилятивную или переводную, в размере 60 фор., а за хороший рассказ в народном духе – 70 фор. Но и на этот раз никто не отозвался. Вместе с тем у членов Матицы сложилось мнение, что деятельность литературного общества тормозилась отсутствием четко разработанной программы.

В возникшей ситуации Управительный комитет вновь решил обратиться к сокровищнице народного творчества. Песенник выпуска 1865 г. был хорошо встречен читательской публикой. Чувствуя потребность общества в новых публикациях, Комитет еще в 1873 г. принял решение о подготовке расширенного и обновленного сборника. Эта работа была возложена на М. Павлиновича. В 1879 г. вышло в свет солидное издание, включившее народные песни и популярные литературные произведения. Оно предварялось введением и было снабжено комментариями. Украшением сборника стал знаменитый эпос Ив. Мажуранича "Смерть Смаил-аги Ченгича", перепечатка которого была сделана с согласия автора.

Празднование в славянском мире в 1880 г. тысячелетия введения славянского языка в литургии западной церкви получило политический характер. В Далмации в торжественных акциях приняла участие и Матица. Члены общества, находившиеся в Задаре, присутствовали на торжественном богослужении, совершенном на старославянском языке. По случаю юбилея Матица выпустила книгу члена Управительного комитета Брчица "Тысячелетие введения старославянского языка в церковную службу у западных и юго-западных славян", в которой получили освещение деятельность Кирилла и Мефодия и история глаголицы в католическом

богослужении. В конце брошюры была напечатана "Песня" С.Бузолича, проникнутая общеславянскими настроениями.

Между тем Матица искала пути и способы активизировать литературную деятельность в Далмации. Рассматривались разного рода предложения, принимались решения, обязывающие руководство приложить усилия к оживлению книгоиздательства. Озабоченность состоянием литературного дела принесла временные результаты. В 1883 г. Матица издала две книги: "Значение" и "Гигиена". Первая представляла собой нравоучительное сочинение английского писателя С. Смильса в переводе поэта, францисканца Ив. Деспота, вторая – перевод с итальянского языка. Через два года Матица издала также в переводе книгу Смильса "Бережливость".

В 1884 г., казалось, появилась надежда на изменение литературной ситуации в Далмации, когда секретарь Матицы Н.Шимич начал выпускать в Задаре "Искру", газету "по литературе и искусству". Она собрала 600 подписчиков, но на практике лишь 100–150 из них оплачивали подписку. Поэтому "Искра" в конце 1887 г. прекратила существование.

В 1887 г. Матица выпустила третье издание народных песен. В основу его было положено второе издание, но оно предварялось солидной вступительной статьей и включило такие знаменитые народные песни, как "Хасанагиница", "Строительство Скадра", "Женитьба Максима Црноевича". Сборник вышел солидным тиражом в 2000 экз.

Повышению культурного уровня крестьянства должна была служить книга "Просвещение простого народа", написанная Н. Шимичем на основе итальянского оригинала и увидевшая свет на средства Матицы в 1889 г. В книге были изложены основы религии, содержались нравоучения, раскрывались политические понятия (родина, патриотизм, народность и пр.). Книга была нацелена на национальное пробуждение крестьян.

Конец столетия был ознаменован в жизни Матицы возобновлением в 1891 г. Шимичем "Искры" и выпуском в 1895 г. четвертого издания сборника народных песен.

Особое место в издательской деятельности Далматинской матицы занимали календари. Их содержание далеко выходило за рамки сухих справочных сведений и отличалось жанрово-тематическим разнообразием. В календарях были представлены статистические материалы, художественная проза и поэзия, естественнонаучные статьи, путевые заметки, исторические очерки, хозяйственные советы, народные песни, пословицы, загадки. Календари знакомили читателей с оригинальными сочинениями далматинских авторов и с переводными материалами. В этих изданиях печатались известные авторы. М. Павлинович неоднократно выступал со статьями на исторические темы: "Приморье и приморцы", "Полица и поличане", "Черты из истории Трогира", "Юра Каштриотич" и др. Большой вклад в издание календарей внес К. Лсбич, который на посту секретаря Матицы был редактором восьми выпусков (1870–1877 гг.). Его перу принадлежали оригинальные и переводные статьи разного содержания. Среди них – "Неретва и Нонковичи", "Франко-прусская война", "О разведении фруктовых деревьев", заметки по географии и истории Далмации, статистические материалы о населении провинции и др. Широкая тематическая палитра и доходчивость изложения делали календари популярным изданием в разных слоях далматинского общества.

В последней четверти XIX в. Далматинская матица была хорватским обществом. На ее деятельности сказывались общая отсталость провинции, слабость литературной и научной жизни хорватов здесь, почти поголовная безграмотность крестьян. Поэтому актив Матицы составляли календари, народные песни, нравоучительные брошюры и разного рода руководства. Далматинская матица пробивалась к читателям через пассивность и равнодушие общества. Но ее усилия не пропали даром. Она внесла посильный вклад в поддержание национальной культуры, формирование литературного языка хорватов, распространение полезных знаний в простом народе, развитие внутрехорватских связей. Матица была в числе немногих культурных институций, которые духовно подвели Далмацию к тому, что в начале XX в. она

стала одним из важных очагов хорватского и сербского национально-освободительного движения. В 1912 г. Далматинская матица соединилась с Хорватской матицей.

Примечания

¹ По данным 1869 г., население Далмации составляло 457 тыс. человек. Из них более 82% приходилось на католиков, около 18% – на православных. Менее 5% были итальянцами и итальянизированными жителями славянского происхождения // *Фрейдзон В.И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970. С. 13.

² *Францев В.А.* Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1906. С. 991.

³ *Racki F. Božidar Petranović.* // *Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti.* Knj. XXX. Zagreb, 1875. S. 182–184.

⁴ *Danica.* 1839. Br. 7. S. 26–28; *Racki F. Božidar Petranović.* S. 184.

⁵ *Vince Z.* Stav Zore dalmatinske u Zadru prema težnjama iliraca za jedinstvenom grafijom u hrvatskoj književnosti // *Naučno društvo NR Bosne i Hercegovine. Radovi.* Knj. XVIII. Sarajevo, 1961. S. 152.

⁶ *Vince Z.* Pravopisnojezična previranja u sjevernoj Dalmaciji prije 1860 god. // *Radovi Instituta Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti u Zadru.* Sv. 8. Zadar, 1961.

⁷ *Vince Z.* Stav Zire... S. 149.

⁸ *Жачек В.* Матичарски покрет код словена у Аустрији за време њиховог народног препорода // *Културно-политички покрети народа Хабсбуршке монархије у XIX веку.* Нови Сад, 1983. С. 190.

⁹ *Karlić P.* Matica Dalmatinska. Zadar, 1907. S. 14.

¹⁰ *Ravlić J.* Povijest Matice hrvatske // *Matica hrvatska.* 1842–1962. Zagreb, 1963. S. 76.

¹¹ *Stančić N.* Hrvatska nacionalna ideologija preporodnog pokreta u Dalmaciji. Zagreb, 1980. S. 151, 161, 167, 189 i dr.

¹² *Ibid.* S. 190.

- 13 *Karlić P.* Op. cit. S. 23, 24, 25.
- 14 Зарубежные славяне и Россия. М., 1975. С. 361.
- 15 *Karlić P.* Op. cit. S. 22, 23.
- 16 Ibid. S. 31.
- 17 Цит. по кн.: *Karlić P.* Op. cit. S. 36.
- 18 Србски летопис. 1865. Нови Сад, 1866. Књ. 110. С. 328.
- 19 *Karlić P.* Op. cit. S. 26.
- 20 Ibid. S. 34, 41.
- 21 Цит. по кн.: *Karlić P.* Op. cit. S. 32.
- 22 Ibid. S. 41.
- 23 Ibid. S. 42. Далее также использованы материалы из книги П. Карлича.
- 24 Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 года. М., 1867. С. 99; Зарубежные славяне и Россия. С. 360, 362.

СЛОВАЦКАЯ МАТИЦА

На протяжении столетий Словакия была этнографическим понятием. Территория, населенная преимущественно словаками и находившаяся в составе монархии Габсбургов, называлась "Верхняя Венгрия". Словаки не имели традиций собственной государственности, являвшихся у чехов и хорватов в XIX в. важным фактором формирующегося национального самосознания. У словаков особенно важную роль играла историческая память о Великоморавской державе IX в. Фактически не было у них и собственного дворянства: в большинстве своем оно издавна причисляло себя к "нации хунгарика".

Верхняя Венгрия была богата природными ресурсами. Однако политика центральных и венгерских властей была направлена на то, чтобы не допустить в промышленность и крупную торговлю представителей угнетенных национальностей. Это серьезно тормозило рост словацкой буржуазии и ее концентрацию в городах.

В словацких землях не было города, который в административном, экономическом и культурном отношении мог бы служить центром словацкого национального движения, исключение составляла Братислава. Но этот город находился на окраине словацкой этнической территории и был в то время средоточием политической жизни Венгрии. Здесь заседало Государственное собрание королевства.

Особенностью исторического развития словаков была их конфессиональная раздробленность. Она усугублялась разностью литературных языков. У протестантов-евангелистов на рубеже XVIII –

XIX вв. в качестве литературного употреблялся чешский язык Кралицкой библии, так называемая "библичина", а у католиков –

созданный А. Бернолаком и его сторонниками на основе западно-словацкого диалекта свой литературный язык, "бернолачтина".

В течение первой половины XIX в. в словацких землях руководящую роль в национальном движении играли духовенство и интеллигенция. Прежде всего это были учителя и только к 60-м годам XIX в. в движении проявили себя представители других профессий – врачи, юристы, как например Ш.М. Дакснер, П. Мудронь, Я. Есенский и др.

Основной задачей, стоявшей перед словацкой общественностью на протяжении первой половины XIX в., было объединение национальных сил на основе единой программы для борьбы за право народа на свободное самобытное развитие, на национальную культуру. Для этого необходимы были национальная школа, единый литературный язык, национальная периодическая печать (в первую очередь ежедневная газета), культурные и научно-просветительские центры.

Начиная с 1826 г., с момента основания Сербской матицы, ведущие представители словацкого национального возрождения выступали за создание подобной общенациональной организации. Первым был Шафарик, мысливший с помощью такого общества "объединить словацкие творческие силы на культурно-национальной ниве"¹. Но для словаков в тот период это было еще неосуществимо. Путь к Словацкой матице занял несколько десятков лет, когда продолжался национально-объединительный процесс, истоки которого были связаны с деятельностью А. Бернолака, его последователей среди католической интеллигенции и будителей-протестантов в конце XVIII – начале XIX в. Это поколение национальных деятелей создало первые словацкие культурно-просветительские организации, выпускало книги и периодические издания типа календарей. В отдельных произведениях, например, в брошюре Ю. Фандли "Доверительное соглашение монаха с дьяволом", выражалось уважение к простому народу, к крестьянину и подвергались критике феодальные отношения в обществе. Это были первые шаги по пути развития новой национальной культуры.

Видные представители второго поколения будителей Ян Коллар и П.Й. Шафарик сформулировали в 20–30-х годах XIX в. концепцию славянской общности. Сознание принадлежности к "огромному славянскому миру" давало словакам моральную опору, веру в успех их национально-объединительной деятельности. В то же время на этом этапе в воззрениях большинства деятелей чешского возрождения и у словацких протестантов преобладал чехословакизм, т.е. сознание национального единства чехов и словаков.

В 1826 г. Я. Коллар и бернолаковец М. Гамуляк предприняли попытку создать в Пеште надконфессиональное общество словаков – читательский кружок. Не являясь ни ученым, ни писателем, Гамуляк, будучи весьма образованным человеком (позже он оставил Матице свою богатую библиотеку), играл роль энергичного посредника между двумя конфессиональными лагерями словацкой интеллигенции. Однако эта инициатива не удалась.

Несколько позже, в 1834 г., те же лица создали Общество любителей словацкого языка и литературы. В нем было 10 членов, каждый из которых внес по 30 флоринов. Хотя в основном это была католическая организация, состоявшая из бернолаковцев, она стремилась сблизить две языковые традиции. Председателем был избран Коллар. Общество занималось публикацией и коллекционированием рукописей, картин и книг для католической гимназии в городе Банска-Бистрица. Оно выпустило четыре тома литературного альманаха "Зора", редактором которых был Гамуляк. В них вошли сочинения словацких патриотов – М. Гамуляка, Я. Голлого, К. Кузmani и других. Стремясь завоевать симпатии обеих религиозных и языковых групп, редактор печатал статьи на "бернолачтине" и колларовском "чешском языке", принимал материал и от католиков и от протестантов. Общество просуществовало 10 лет. Причиной прекращения его деятельности были, с одной стороны, недостаточная еще национальная активность словацкой интеллигенции и невозможность обеспечить Обществу серьезную финансовую поддержку, с другой – не мог найти большого числа сторонников искусственный язык, культивируемый Колларом. Вместе с тем деятельность этих патриотов содейст-

вовала объединению словацкой интеллигенции и формированию общего литературного языка словаков.

В начале 1837 г. вновь ожила идея центральной культурной организации в виде Матицы, причем надежды на ее создание возлагало и руководимое адвокатом А.Б.Врховским тайное общество радикалов Взаимность (1837–1840 гг.), ориентировавшееся на широкие слои населения. Важную роль оно отводило также изданию словацкой политической газеты. В 1843–1844 гг. произошли события, внушившие словацкой интеллигенции тревогу за судьбу словацкого языка и народа. Государственное собрание Венгрии издало законы, согласно которым венгерский язык должен был стать единственным языком законодательства, правительственных учреждений, официальной деловой жизни и образования на землях короны св. Иштвана (Стефана). Вскоре была закрыта словацкая гимназия в Левоче, ликвидирована кафедра чехословацкого языка и литературы в Братиславском лицее, созданная в начале XIX в.

В такой обстановке сразу же после роспуска Общества любителей словацкого языка и литературы была предпринята акция, ставшая одним из самых значительных событий в национальной истории словаков первой половины XIX в. В 1844 г. было основано надконфессиональное словацкое культурное общество – Татрин. Это было связано с деятельностью следующего, третьего поколения словацких будителей – "штуровцев", вышедшего на арену национальной жизни во второй половине 30-х годов и особенно активно действовавшего в 40-е годы XIX в.

Это поколение получило название по имени одного из наиболее ярких своих представителей – поэта и философа, историка и лингвиста, энергичного организатора словацкого национального движения Лисдовита Штура (1815–1856). В историю и культуру словацкого народа, в его национальное движение вошли выдающиеся деятели: М.М.Годжа (1811–1870), И.М.Гурбан (1817–1888), "радикальная оппозиция" 1845–1848 гг. – Я.Краль, Я.Францисци и др. Каждый из них немало сделал для своего народа, но только Штуру было суждено дать имя целому поколению. И это не

случайно. Наряду с Врховским – Штур сыграл важную организующую роль в студенческом движении, являясь руководителем языкового отделения кафедры чехословацкого языка и литературы в Братиславском лицее. Вместе с Годжей, Гурбаном и другими он выступил организатором Татрина. Подобно Коллару, Шафарiku и Францисци он собирал народные песни. Штур и сам пробовал силы в поэзии.

Именно Штур, опираясь на сделанное до него и на поддержку своего поколения, смог создать новую интерпретацию славянской общности. Его концепция развития славянства и словацкого народа пришла на смену колларовской теории четырехчленной структуры "славянского народа" с "чехословацким племенем" внутри него. Сыграв важную роль в формировании национального самосознания словаков и других славян в предыдущее десятилетие, идея Коллара в 40-е годы не соответствовала развитию процесса формирования славянских наций и интересам их освободительных движений. Штуровская концепция славянства, базируясь на диалектическом понимании "единства в многообразии", рассматривала словаков как отдельный самобытный народ.

Исходя из этой посылки, Штур заложил основы надконфессионального литературного языка, на котором стала развиваться уже не евангелическая или католическая, а словацкая национальная культура. Он явился основателем первой словацкой политической газеты "Словенске народне новины" ("Словацкая национальная газета"), вышедшей с 1845 г. на кодифицированном им языке. Штур превратил эту газету в инструмент просвещения словаков, развития у них национального самосознания. Он сформулировал с помощью своих единомышленников (а также оппонентов) антифеодальную по своей сущности программу движения, включившую не только национальные, но и социально-экономические требования*.

*Программа, с которой Штур выступил на заседаниях венгерского Государственного собрания осенью 1847 г., включала требование обучения в начальных словацких школах и семинариях, готовящих учителей для словацких областей, на словацком языке. В высшей школе, включая Пештский университет, для профессий:

Законодательные акты 1843–1847 гг. побудили Штура обратить особое внимание на создание и утверждение в обществе единого словацкого литературного языка. Он положил в основу его среднесловацкий диалект как наиболее распространенный у словаков, изложив его нормы и грамматику в книгах "Наука словацкого языка" и "Наречие словацкое и необходимость писать на этом наречии". На нем в 1843 г. был издан второй выпуск гурбановского альманаха "Нитра" (первый в 1842 г.), а с августа 1845 г. начала выходить вышеупомянутая газета "Словенске народне новины". В 1846 г. в Скалице Гурбан стал издавать на "штуровщине" литературно-научное обозрение "Словенске погляды на веды, уменья и литературу" ("Словацкий взгляд на науки, искусство и литературу").

Литературное общество Татрин ставило своей целью, согласно Уставу, "всеми законными средствами строить чистую словацкую жизнь независимо от религиозной и сословной принадлежности людей, а также других различий между ними, создавать, поддерживать, продвигать и распространять словацкую культуру, поднимать словацкое национальное сознание"².

Хотя основателями и членами общества были вначале протестанты (М.М. Годжа стал первым председателем, Г. Фейерпатаки – секретарем, Л. Штур и Й.М. Гурбан – членами исполнительного комитета), в него приглашались и католики. Членский взнос составлял 80 флор., вносившихся в течение двух лет, а затем – по 5 флор. в год. За первый год существования общество приняло в свои ряды 23 члена, к концу второго года их число выросло до 65, а к моменту роспуска в 1847 г. в нем было 80 человек³. Большинство составляла интеллигенция из городка Липтовски-св.Микулаша и его окрестностей.

Татрин стал прямым предшественником Словацкой матицы, хотя официально он не был утвержден. Главные усилия общества

богослов, юрист, землемер она предполагала введение преподавания словацкого языка. В социально-экономической области Штур высказался за ликвидацию привилегий дворянства и освобождение крестьян за выкуп.

в течение его недолгого существования направлялись на то, чтобы поощрять и поддерживать словацкую культуру путем издания и распространения книг, материальной помощи наиболее способным и активным словацким студентам (ученикам) и развития "штуровского" литературного языка, ставшего в значительной степени благодаря таланту писавших на нем поэтов А. Сладковича, Я. Краля и др. в конечном счете нормой словацкого литературного языка. Татрин пытался создать коллекцию словацких древностей. Штура и его сторонников беспокоила проблема алкоголизма. Они использовали Татрина в борьбе с этим социальным злом, организуя общества трезвости среди населения, призывая к открытию воскресных школ и читален. Братиславская читальня имела более 800 книг. Татрин, никогда не бывший богатым, все же сумел обеспечить стипендиями на общую сумму более 600 флор. 18 учащихся, принадлежавших в большинстве к Союзу словацкой молодежи с центром в г. Липтовски-св.Микулаш⁴.

Не имея собственной типографии, Татрин использовал типографии в Левоче и Скалице. Руководители общества намеревались создать ряд центров для распространения литературы – в Братиславе, Пеште, Банска-Бистрице, Липтовски-св.Микулаше – в наиболее населенных словаками районах.

За три года своей деятельности Татрин выпустил немного книг, но это были очень важные по тому времени издания, такие как "Грамматика" Л. Штура (1846 г.) и труды М. Годжи о словацком литературном языке и его развитии.

В результате внедрения штуровцами своего варианта словацкого литературного языка возникла ситуация, когда у словаков функционировали три литературных языка. Это вызвало борьбу внутри Татрина. Штуру и его сторонникам противостояли чехи (Палацкий, Ригер, Гавличек и др.), к которым примыкали многие словацкие протестанты, в частности Шафарик и Коллар и, с другой стороны, бернолаковцы, не принимавшие "штуровщину". Первые были за чешский язык в качестве литературного языка, вторые – за "бернолачтину". Чехи и сторонники Коллара обвиняли штуровцев в сепаратизме⁵.

Первое время призывы к национальному единству оставались тщетными. Но постепенно становилось ясно, что возврат к чешскому литературному языку уже невозможен. Наконец, в 1846 г. на четвертом (и последнем) собрании Татрина в Чахтицах словацкие протестанты пришли к соглашению со Штуром по вопросу о словацком литературном языке. Бернолаковцы и штуровцы пошли на взаимные уступки и решили создать специальную филологическую комиссию для перехода на "штуровщину", конкретизированную и усовершенствованную в грамматике Годжи.

Однако работа этой комиссии была прекращена в 1848 г. из-за начавшейся в Австрийской империи революции. Она была восторженно встречена представителями словацкой интеллигенции⁶. В мае в городке Липтовски-св.Микулаш состоялось собрание деятелей национального движения, принявшее петицию к императору и венгерскому правительству — "Требования словацкого народа". Этот программный документ был нацелен на демократическое преобразование жизни словаков. Однако революция не принесла национального равноправия этому народу. В сложной политической ситуации словацкое национальное движение оказалось союзником австрийского двора в вооруженной борьбе против Венгрии. С поражением революции и национальное движение в Словакии было подавлено. Иллюзии словацких деятелей о возможности демократической перестройки Австрийской империи с помощью австрийского двора рассеялись.

В этот период Л. Штур написал философско-политический трактат "Славянство и мир будущего", где обосновывал идею политического объединения славян с Россией, принятия православия и русского языка, правда, при условии, что в России будет отменено крепостное право и ее правительство перестанет поддерживать такие реакционные режимы, как австрийский. Однако эта утопическая программа Штура не привлекла к себе национально-патриотические силы. Часть интеллигенции (Я. Коллар, Д. Лихард) пошла в этот период на службу режиму, другая отошла от политики.

Раскол словацких национальных сил долго препятствовал созданию Словацкой матицы, которую иногда предлагалось назвать "Татрином" или "Народным домом". Независимо от названия она задумывалась как общенациональная репрезентативная, просветительная, литературная и научная организация с музеем и библиотекой.

В августе 1857 г. в Братиславе собрались видные словацкие деятели с целью организации Матицы и утверждения ее устава. Вновь со всей остротой встал вопрос о литературном языке. Наиболее последовательно необходимость принятия общенационального словацкого литературного языка на основе шутовского варианта отстаивал Паларик. Однако неуступчивость "чехофилов" не позволила решить вопрос о Словацкой матице⁷.

Параллельно с борьбой за объединение словацких национальных сил, в которой большую роль играла пресса, некоторые из словацких национальных деятелей, не имея еще конкретной программы, пытались определить политическую ориентацию движения. Это вылилось в дискуссии о значении централизации и федерализации для словацкого народа, проходившей на страницах словацкой и чешской прессы. При этом как социальная ориентация, так и аргументы в пользу того или другого были самыми различными, но, как правило, за этим всегда скрывалась боязнь германизации или мадьяризации. Гурбан, полагая в этот период, что словаки смогут противостоять натиску венгров и добиться своих прав только в условиях умеренного централистского режима, фактически выступил в поддержку абсолютизма⁸.

Критикуя подобную ориентацию на страницах журнала чешских либералов "Слован" ("Славянин"), Штур подчеркнул, что только широкие конституционные свободы могут быть гарантией справедливого решения национального вопроса. Он выступил за равные права всех народов на самостоятельное существование⁹.

С падением баховского абсолютизма начался один из важнейших этапов общественного развития и национального движения словаков. Активизация национально-освободительной борьбы во всей империи захватила и Словакию.

В начале 60-х годов словацкие национальные лидеры развили энергичную деятельность по сплочению национальных сил, достижению равноправия словаков. Они стремились на территориях, населенных преимущественно словаками, приобрести решающее влияние в местных учреждениях, в суде, отчасти и в церкви. Не случайно поэтому, что в руководстве движением в это время, кроме учителей и священников, важную роль стали играть чиновники и юристы (Дакснер, Францисци, Паулини-Тот и др.).

Вновь обострившиеся во второй половине 1861 г. противоречия между венгерским национальным движением и Веной привели к роспуску Государственного собрания Венгрии и временному восстановлению абсолютизма. Поскольку это не сопровождалось германизаторскими мероприятиями, создалась более свободная для словаков атмосфера, чем после Октябрьского диплома 1860 г. Словацкое национальное движение нарастало, и хотя вначале речь шла только о языковых и церковных проблемах, однако они почти всегда имели политическую основу.

Еще со второй половины 1860 г. между словацкими деятелями велся оживленный обмен мнениями (в основном путем переписки) по поводу корректировки своей программы и тактики в связи с новой политической ситуацией в монархии. В это время вышла из печати и обсуждалась брошюра Ш.М. Дакснера "Голос из Словакии", где автор, имея в виду развитие экономики и культуры, а также исходя из исторического права, обосновывал необходимость равноправного положения словаков в Венгрии и определял основные моменты, составившие позже содержание программы словацкого национального движения. Подчеркивая, что, будучи связанными с венгерским народом совместной 1000-летней историей и повседневной социально-экономической и политической жизнью, словаки не могут испытывать к нему необоснованной неприязни, Дакснер писал: "Венгрия существует для нас лишь постольку, поскольку мы в ней живем; и мы признаем ее лишь постольку, поскольку сами находим в ней признание. Тем самым я хочу лишь сказать, что признание нашей народности — существенное условие, от которого зависит будущее не иллюзорное, а подлинное единство Венгрии"¹⁰.

В этот период крайне необходимым для словацкого национального движения было издание политической газеты. Особенно ощущалось ее отсутствие в ходе предвыборной кампании в Государственное собрание. Недостаток денежных средств, а также сопротивление муниципалитета Банска-Бистрицы, где первоначально предполагалось издавать газету, задержали ее появление¹¹. Первый номер газеты "Пештьбудинске ведомости" ("Будапештские ведомости") вышел только 18 марта 1861 г. в Пеште под редакцией Я. Францисци. В числе ее сотрудников были Дакснер, Паларик и Паулини-Тот.

Вокруг газеты сплотилась большая часть словацких патриотов. В каждом номере помещались материалы, освещавшие трудное положение словаков в Венгрии. Авторы статей пытались найти из него выход. Это было чрезвычайно сложной задачей, так как в 1860–1861 гг. ни в рейхсрате, ни в Государственном собрании не было ни одного словака. И до этого интересы словаков в высших учреждениях представляли хорватский епископ Штресмайер и украинский национальный деятель А.И. Добрянский.

Не дождавшись от венгерского Государственного собрания шагов к решению словацкой проблемы, словацкие интеллигенты, в частности Дакснер и Францисци, на страницах газеты "Пештьбудинске ведомости" призывали к проведению 6–7 июня 1861 г. большого национального форума. Местом для него был избран Турчански-св.Мартин – деревня среди гор на реке Турец с населением около 3 тыс. жителей. Обращение к словакам с призывом принять участие в этой встрече было опубликовано в газете 17 и 18 мая 1861 г. В нем между прочим подчеркивалось, что требования словаков будут выработаны на этом собрании "на основе согласия всех народностей Венгрии и на основе единства всей Венгрии"¹², т.е. программа должна была исходить из решения национального вопроса в рамках Венгрии. Тем не менее влиятельные венгерские и провенгерские круги в Словакии приняли известие об этом событии враждебно и встревоженно. Власти Зволена, например, выпустили циркуляр, угрожавший репрессиями против участников собрания¹³.

Сознание острой необходимости решения национального вопроса и демократизации жизни привело в Мартин более 6 тыс. словаков. Это были учителя, священники, адвокаты, а также ремесленники, торговцы, крестьяне. Присутствовали ("в качестве наблюдателей") представители венгерского дворянства — жупаны Турчанской и Липтовской столиц (комитатов) барон Ш.Реваи и А. Сентивани¹⁴.

На обсуждение собравшихся был представлен проект программы, составленный Дакснером. В нем содержалось требование официального, закрепленного в законе признания словаков особым народом на территории Венгрии. Вторым важным пунктом было требование определения и официального признания особой словацкой территории, так называемого словацкого "дистрикта", из комитатов с преимущественно словацким населением. На этой территории языком общественной, церковной и школьной жизни должен был стать словацкий. Венгерский язык оставался бы по-прежнему официальным для связи с центральными венгерскими учреждениями.

Сторонники этой программы исходили из признания целостности Венгрии и естественного права народов. Именно поэтому она должна была рассматриваться как многонациональное государство. Программа предусматривала включение словацких референтов в центральные учреждения, причем их количество должно было соответствовать доле словаков в общей численности населения.

Эта программа, названная Меморандумом словацкого народа, предусматривала признание за словаками права на создание литературных и образовательно-просветительных обществ и их финансирование за счет государственных средств. Что касается образования, Меморандум ограничивался требованиями обучения в школах на словацком языке, учреждения словацкой юридической академии и открытия кафедры словацкого языка и литературы в университете в Пеште. Исходя из решения словацкого вопроса в рамках Венгрии, авторы программы не затрагивали проблем сло-

вацкого национального совета и словацкого самоуправления с городом Банска-Бистрица в качестве столицы Словакии, как это предлагалось в некоторых письмах, адресованных собраниям в Мартине¹⁵.

Принятый документ оказался компромиссным решением словацкого национального вопроса (в интересах успеха будущих переговоров с венграми не предусматривалась федерализация Венгрии). На содержании Мартинского меморандума сказались как политическая ситуация в Венгрии, так и растущие противоречия в самом словацком национальном лагере. Они касались прежде всего особой словацкой территории, так называемого Словацкого околя. В ходе дискуссии участники собрания разделились на две группы, из которых позже образовались два основных течения в словацком национальном движении – "Старая" и "Новая" школы.

Выступая против пункта об особой словацкой территории, будущие представители Новой школы (в частности, Ян Паларик) выдвигали следующие контраргументы: нельзя нарушать целостность Венгрии, так как главный враг ее – Вена – является одновременно врагом словаков. Поэтому словаки должны в союзе с венграми бороться за конституционные свободы, установление которых более или менее автоматически поможет обеспечить национальную свободу и словакам. Паларик утверждал, что идея создания Словацкого околя еще не созрела и не встретит у народа поддержки. С другой стороны, она может оттолкнуть от движения и немногочисленное словацкое дворянство. Однако Гурбан в своем выступлении подчеркнул, что вопрос о выделении и признании законом особой словацкой территории является гарантией и предпосылкой национального равноправия словаков¹⁶. Собрание поддержало пункт об особой словацкой территории, и он вошел в Меморандум. Национальная программа, предложенная Палариком и его единомышленниками, уже в ходе дискуссии была признана умеренной. Она содержала пункты о необходимости лишь частичных уступок для словацкого языка.

В своем окончательном варианте Меморандум включил, таким образом, положения проекта Дакснера о признании нацио-

нальной самобытности словаков и их языка в пределах той территории, которую они заселяли компактной массой¹⁷. Меморандум исходил из урегулирования отношений между народами на основе естественного права.

В Мартине с целью пропаганды идей Меморандума был сформирован постоянный Национальный комитет, председателем которого стал Я. Францисци. Он же возглавил образованный подготовительный комитет, которому предстояло добиваться создания Словацкой матицы¹⁸. Судьбу Меморандума в значительной степени предредила позиция венгерских властей, квалифицировавших его как проявление сепаратизма, угрожающего единству монархии. По приказу венгерской администрации чиновники комитатских учреждений начали сбор подписей под петициями, в которых выражался протест против Меморандума¹⁹. Эти петиции, в основном идентичного содержания, передавались в комиссию по национальностям, созданную из депутатов Государственного собрания Венгрии²⁰.

Меморандум был передан 27 июня 1861 г. заместителю председателя Государственного собрания К.Тисе. Ответа не последовало. Однако поворот во внутривполитической обстановке, установление в Австрии нового режима (так называемого "провизориума Шмерлинга"), потребовавшие новой тактики, внушили одновременно и новые надежды. И хотя некоторые сторонники Меморандума сознавали, что ни Венгрия, ни Австрия не желают установления национального равноправия, однако большинство решило обратиться в Вену со своей национальной программой. К отредактированному Мартинскому меморандуму был присоединен проект "Привилегий Словацкого околья", в котором рассматривались вопросы его государственного устройства. Предполагалось, в частности, создать краевой сейм и комитет, наделенный законодательными функциями, ввести словацкое местное управление и органы суда. Столицей Околья должен был стать город Банска-Бистрица. Кроме того, предлагалось включить словаков в состав Наместнического совета Венгрии и Венгерской придворной канцелярии²¹. Фактически это было требование федерализации Венгрии на этнической основе.

12 декабря 1861 г. депутация, возглавляемая католическим епископом Ш. Мойзесом и главой протестантской церкви в Словакии писателем и национальным деятелем К. Кузмани, вручила Меморандум (называемый в этом дополненном варианте "Венским") императору, который передал его Венгерской канцелярии, откуда он был направлен в Наместнический совет. Рассмотрев документ, новый наместник граф М.Палффи указал, что выполнение этих предложений не только уничтожило бы единство Венгрии, но и явилось бы угрозой для всей монархии²².

Тем не менее австрийское правительство, проводившее в отношении словаков политику обещаний и уступок, издало в конце 1861 г. указ, в соответствии с которым в Словакии разрешалось открыть четыре католических словацких гимназии и пять двуязычных с преподаванием словацкого и немецкого языков. Однако это постановление проводилось в жизнь непоследовательно и не касалось протестантских школ. Борьбу за создание словацких гимназий вели, в частности, М. Годжа и Ш. Дакснер²³. В 1862 г. Дакснер добился открытия 2-классной словацкой гимназии в Велька-Ревуци, преобразованной впоследствии в 8-классную²⁴.

Еще одной уступкой было назначение в комитатские учреждения на высшие должности некоторых словацких интеллигентов. Я. Францисци стал жупаном Липтовского комитата, Ш. Дакснер — жупаном и председателем комитатского суда в Гемере²⁵. Но и их деятельность даже в области культуры была сопряжена с большими трудностями и встречала противодействие венгерских властей.

В создавшейся обстановке борьба за Словацкую матицу стала общенациональным делом. Образованный на собрании в Мартине подготовительный комитет довольно быстро выработал проект Устава Матицы и 1 августа 1861 г. предложил его для утверждения Наместническому совету Венгрии. Но первоначальный проект пришлось дорабатывать, так как власти стремились как можно более сузить сферу действия Матицы.

Наконец, специальным документом от 21 августа 1862 г. император разрешил учреждение этой организации и утвердил ее Устав, однако, без права создания филиалов в разных частях Словакии²⁶. Председатель подготовительного комитета Францисци вместе с его членами – Я. Готчаром, В. Паулини-Тотом и Я. Палариком – в Обращении, опубликованном в газете "Пештьбудинске ведомости" 7 ноября 1862 г., сообщали об этом событии словацкой общественности. Был напечатан и Устав Матицы. Ее цель как "союза друзей культуры и жизни словацкой" определялась следующим образом: "Пробуждать, распространять и укреплять в представителях словацкого народа образованность нравов и ума; поддерживать и пестовать словацкую литературу и искусство, а тем самым способствовать и материальному благосостоянию словацкого народа..."²⁷

Для достижения намеченных целей предлагались следующие меры: "Издавать и распространять словацкие книги и произведения искусства, проводить лекции на культурные темы, собирать средства в помощь литературе, искусству, наукам, изучению природы и исследованиям в области древностей, а также субсидировать отечественных ученых и художников и назначать премии и награды за труды по науке и искусству"²⁸. Далее говорилось, что создаваемая организация будет поддерживать взаимоотношения со всеми дозволенными славянскими литературными обществами, посылая им бесплатно выпускаемые ею книги и другие образцы своей деятельности.

Словацкая матица имела собственную печать, представлявшую собой продолговато-округлый щит с изображенными на нем тремя горными вершинами, над которыми – двойной крест с надписью: "Печать Словацкой матицы".

В § 2 Устава значилось: "Государственные и религиозные вопросы исключаются из деятельности Матицы"²⁹.

Сразу после официального признания Устава были разосланы на места сообщения, что вступительные взносы принимаются полномочными представителями Матицы в Мартине, Пеште и Банска-Бистрице. Уже первые взносы и пожертвования были столь

значительными, что спустя полгода председатель Временного подготовительного комитета Матицы Францисци объявил в газете "Пештбуди́нске ведомости", что общая их сумма к маю 1863 г. достигла 50 тыс. флор.³⁰, (из которых только братья Дакснеры пожертвовали 500 флор.), а к августу 1863 г. на счету создающейся организации было уже 83 тыс. флор.

Первое общее собрание Матицы состоялось в августе 1863 г. в Турчански-св.Мартине. Собралось свыше 1000 человек, в том числе все ведущие представители словацкого национального движения. Как и в 1861 г. во время обсуждения и утверждения Меморандума, собрание проходило на церковном дворе. Оно торжественно провозгласило открытие Матицы. Почетным председателем был избран Штефан Мойзес (1796–1869), живший в 1830–1850 гг. в Загребе и знакомый с деятельностью местной Матицы. Вице-председателем Матицы стал К. Кузмани. Фактически он и руководил работой организации. Мойзес играл репрезентативную роль. Членами Исполнительного комитета Матицы были избраны Я. Орсаг, ставший в 1864 г. вторым вице-председателем, публицист, адвокат в Мартине П. Мудронь и Т. Червен, в прошлом член Общества любителей словацкого языка и литературы и Татрина.

Уже тот факт, что два основных руководителя представляли как словацких католиков, так и протестантов, подчеркивал общесловацкий характер этой организации. Кроме указанных лиц, в состав руководства Словацкой матицы вошли известные деятели, каждый из которых играл заметную роль в словацком национальном движении и общественной жизни, начиная с конца 40-х и в 50-е годы XIX в. Это были Ш.М. Дакснер, Й.М. Гурбан, М.М. Годжа, А.Радлинский, В. Паулини-Тот, а также А.И. Добрянский.

Одним из первых шагов руководства была посылка депутации к императору, чтобы выразить ему благодарность за разрешение на организацию Матицы и вновь подтвердить лояльность словаков в отношении трона. Франц Иосиф принял эту депутацию во главе с Мойзесом, Кузмани и Францисци, но не удовлетворил просьбу стать протектором Матицы, хотя и внес в ее фонд 1 тыс.

золотых. Император также не поддержал попытку депутации оставить в Уставе Матицы положение, предусматривающее создание филиалов.

В это же время была намечена программа деятельности организации, включая перевод наиболее известных произведений мировой литературы на словацкий язык. Был объявлен конкурс на лучшее описание жизни и деятельности Л.Штура. Началось собирание исторических документов о Словакии, нумизматической коллекции. В Мартине строился национальный дом для Матицы и ее коллекций.

Итак, Устав Словацкой матицы однозначно определял, что ей следовало ограничиваться в основном решением задач в области образования, развития культуры и науки. В 1867 г. Матица насчитывала 1112 членов, среди которых преобладали учителя, врачи, юристы и духовенство; в нее также входили 302 мелких торговца и ремесленника, 14 крестьян³¹.

В недолгой истории Словацкой матицы можно выделить (с момента ее возникновения в 1863 г. до закрытия в 1875 г.) два этапа. Первый (1863–1867 гг.) – когда существовали сравнительно благоприятные условия для ее функционирования; второй (1867 – 1875 гг.) – это период постепенного спада ее активности в обстановке усиливавшейся после образования Австро-Венгрии мадьяризации³².

В начале своей деятельности Матица довольно успешно справлялась с поставленными задачами. При этом ее ведущие представители – Дакснер, Францисци, Паулини-Тот и другие – постоянно сочетали работу в Матице с выступлениями в печати и судах, с преподавательской работой в учебных заведениях и т.д. И везде их усилия способствовали просвещению народа.

Наиболее четко основные направления образования и воспитания словацкой молодежи были сформулированы в сентябре 1862 г. А.Г.Шкультеты в его выступлении на открытии словацкой протестантской гимназии в Велька-Ревуце. Первое, что подчеркнул он, – это необходимость воспитания молодежи в духе гуманности,

чтобы усваивала она все лучшее, созданное человечеством. Во-вторых, "так как человечество разделено на различные народы, имеющие собственные языки, нравы и обычаи, свое прошлое, настоящее... образование и воспитание должны проходить и в духе национальном". Школа должна вырастить таких сынов своего народа, которые гордились бы своими предками, своей историей, но знали бы и ее негативные стороны, стремились их исправить, чтобы они "почитали целью своей жизни посвятить себя своему бедному, покинутому и угнетенному народу, не жалея для этого ни времени, ни сил, ни своего имущества". Наконец, в-третьих, необходимым и важным считалось обучение и воспитание "в патриотическом духе, имеющее в виду уважение к общему отечеству — Венгрии и ко всем живущим в ней народам как к равноправным братьям"³³.

Конечно, все сказанное относилось и к Матице, призванной, в частности, дополнять и облегчать работу немногочисленных словацких школ.

Первоочередными задачами общенациональной организации стали публикация книг на словацком языке для чтения и использование их в уже созданной гимназии и в новых учебных заведениях, которые надеялись открыть, обеспечение ряда учеников (студентов) стипендией и издание журнала (ежегодника).

За 1865—1866 гг. Матица выплатила учащимся 24 пособия (12 — по 125 флор., 12 — по 50 флор.). В числе ее стипендиатов были А. Пиетор, Й.М. Гурбан (младший), Ф. Мраз. Она израсходовала 200 флор. на поддержку двух словацких гимназий³⁴.

Матица напечатала до 1867 г. 26 книг, включая 4 выпуска журнала "Летопис", три альманаха, две книги для чтения в школе, работы по сельскому хозяйству, арифметике и грамматике, мемориальный том, посвященный хорватскому бану, борцу против турецкой экспансии Николе Зринскому по случаю 300-летия со дня его смерти. Издавались также различные речи и доклады³⁵.

Из всех публикаций наиболее важной был журнал "Летопис". Его два первых выпуска содержали протоколы, списки членов Ма-

тицы, речи, библиографию, составленную Храстеком, одним из секретарей организации. 10 следующих выпусков, вышедших до 1875 г. под редакцией В. Паулини-Тота, видного словацкого историка Ф. Сасинека и других, были более насыщенными. В среднем их объем составлял 115 страниц, а общее количество статей достигло 140. Их тематика затрагивала различные области знаний — историк, географию, физиологию, музыку, археологию, ботанику. Издавались также ежегодные библиографии, подробные сообщения о деятельности Матицы и ее руководства³⁶.

Издательская программа Матицы обуславливалась общим характером ее деятельности, в центре которой стояли просветительские задачи³⁷. При этом имелись в виду широкие слои населения.

Среди публикаций значительное место занимали статьи, книги, брошюры экономического характера. Матица опубликовала в этот период две обширные работы по сельскому хозяйству Ш. Мойзеса, сочинения, посвященные садоводству и огородничеству, А. Пенцла со множеством советов по прогрессивному ведению хозяйства. Так словацкая интеллигенция стремилась способствовать улучшению положения своего народа (в том числе и экономического).

Матица выпускала хрестоматии и разного рода другие учебники, заменявшие в условиях того времени пособия по внешкольному образованию (самообразованию). К таковым относились и календари. Ян Бобула опубликовал в 1864 г. в газете "Пештьбундские ведомости" обширную статью, анализирующую опыт подобных изданий в Венгрии. Он отмечал при этом, что венгерские календари имели внушительные тиражи в 75 тыс. экз., что и Матице необходимо ориентироваться на широкие слои общества³⁸. Вышедшие в 1865, 1866, 1867 и 1868 гг., они оказались в ряду наиболее популярных и доступных просветительских изданий. Редактором первых календарей Матицы стал Д. Лихард, известный ранее своими весьма популярными в народе книгами "Обзор" и "Домашняя шкатулка". Два последних, так называемых "малых" календаря, были подготовлены под руководством В. Паулини-Тота.

Широким слоям населения адресовалась одна из первых публикаций, автором которой был упоминавшийся Д. Лихард, — "Беседы о Словацкой матице" (Банска-Бистрица, 1865 г.). Брошюра преследовала цель ознакомить читателей, прежде всего грамотных крестьян, с задачами Матицы. Ее доверенные лица распространяли бесплатно брошюру Лихарда, как и тексты выступлений Мойзеса, среди простого народа.

В числе книг, предназначенных для обучения и просвещения словаков, были также три тома "Хрестоматии", составленные Эмилем Черны (1864–1865 гг.). Она носила информационный характер и была адресована учащимся словацких школ. В 1865 г. вышло учебное пособие по арифметике.

В эти годы Матица выпускала в основном техническую и популярную литературу, а также книги общекультурного профиля, отодвинув на второй план художественную литературу и книги по искусству³⁹.

Что касается словацкого литературного языка, Матица сразу же и со всей определенностью на Общем собрании в августе 1864 г. приняла его шутовский вариант. Это сыграло важную роль в его дальнейшем утверждении и развитии.

Матица направила делегации на два важных славянских форума. Первый состоялся в 1866 г. в Загребе. Словаки в лице Й.М. Гурбана и католического священника и поэта Ю. Слота приняли участие в торжественном собрании по случаю 300-летия со дня смерти Н. Зринского. Одновременно посвященное этому событию собрание состоялось и в Мартине, куда приехали более 250 человек. Произносились торжественные речи, устраивались концерты и драматические представления. В следующем, 1867 г., Матица направила трех своих членов — А. Радлинского, П. Мудрона и Я. Есенского на Всероссийскую этнографическую выставку в Москве.

Словацкие интеллигенты стремились использовать все возможности, которые давала Матица как единственная официально признанная общественная организация словацкого народа в его борьбе за национально-политические права, культуру и улучшение

социально-экономического положения. Некоторые ее деятели по-прежнему не избавились от иллюзий, надеясь на благосклонное отношение Вены к их национально-политическим требованиям. Но были и такие, кто видел все более определявшуюся в австро-венгерских отношениях тенденцию к дуализму, о чем свидетельствует, в частности, черновой набросок так называемой "Программы Словакии"⁴⁰, составленный по поручению вице-председателя Матицы В. Паулини-Тота А. Червенаком. Это была попытка использовать Матицу в целях защиты и укрепления словацкого национального движения.

Червенак пишет о возможности нового устройства государства после поражения габсбургской монархии в австро-прусской войне летом 1866 г., намекая при этом как на возможный вариант на раздел власти между австронемецкими и венгерскими правящими кругами. Правда, он не исключал возможности того, что славяне, включая и словаков, смогут сыграть великую роль среди европейских народов, если они получат национально-политические права.

Во главу "Программы" автор ставит задачи, связанные с деятельностью Матицы. Он пишет: "Ее надо организовать таким образом, чтобы она счастливо пережила самые тяжелые времена, несмотря на приближающийся кризис. В условиях наступившего централизма или дуализма необходимо сохранить жизнь Словакии. Надо, чтобы она (Матица. — Г.Х.) была способна на это"⁴¹. Автор программы в случае утверждения австро-венгерского дуализма основные надежды возлагал на Словацкую матицу как единственную организацию, представляющую словацкую нацию. Для выполнения ею такой роли Червенак предлагал прежде всего избрать независимого и активного вице-председателя Матицы (скорее всего, В. Паулини-Тота*), должность которого должна быть оплачиваемой. Вице-председателю следовало лично контролировать

* Паулини-Тот в том же, 1866 г., после смерти Кузмани, стал первым вице-председателем, т.е. фактически руководителем Словацкой матицы, и переехал на жительство в Мартин.

вать своевременный выход всех запланированных Матицей книг, календарей и т.д. Червенак считал необходимым, чтобы председателю Матицы Мойзесу помогал секретарь*.

Все прочие рекомендации, хотя и были довольно подробными, фактически не содержали ничего нового. В публикациях Червенак отдавал приоритет научно-популярным книгам для простого народа, далее – словацкой художественной литературе, а также произведениям выдающихся иностранных (французских и английских) писателей. При этом отмечалась необходимость активизации деятельности Матицы, особенно в выпуске журнала "Летопис", выявлении наиболее активных и способных словаков для привлечения их к национально-просветительной работе, в вовлечении гимназистов в занятия по сбору коллекций для музея. По мысли автора, Матица должна была энергичнее выступать именно в качестве представителя словацкого народа.

Автор "Программы", проявляя пристальный интерес к жизни простых людей, предлагал тщательно изучать "материальные потребности нашего народа, узнать, как и за счет чего он живет", чем он недоволен. Эти сведения следовало передать местным властям для исправления положения. Кроме этого довольно наивного рецепта, он пропагандировал и создание сберегательных касс. К функциям же Матицы относился пункт о выявлении в городах средств и способов улучшения существующих и основания новых школ.

Кто же стоял в этот период за Матицей и ее программой? Кто мог предложить что-то другое, более конкретное и радикальное для решения национально-политических и социально-экономических проблем словацкого общества?

Вокруг Матицы сгруппировалось тогда основное ядро деятелей словацкого национального движения – представители так

* Это предлагалось, очевидно, в связи с тем, что Мойзес постоянно жил вне Мартина и не всегда мог достаточно оперативно решать дела Матицы.

называемой Старой школы. Она состояла в основном из интеллигенции мелкобуржуазного, реже дворянского происхождения и опиралась на мелкую, в основном сельскую буржуазию и часть крестьян. Старая школа стремилась в условиях австро-венгерских противоречий добиться выполнения своих требований при поддержке венского двора. Новая школа поддерживаемая некоторыми богатыми финансистами и промышленниками, а также частью мелкого словацкого дворянства-землян и интеллигенцией (главным образом студенческой), пыталась сгладить словацко-венгерские противоречия и ориентировалась на решение словацкого национального вопроса с помощью венгерских оппозиционных кругов.

Деятели Старой школы, скептически относившиеся к возможности словацко-венгерского соглашения, считали более реальным получение словаками от централистского режима автономных прав в области культуры и управления. Наиболее последовательным, а, возможно, и убежденным сторонником австрославизма был Й.М. Гурбан, рассчитывавший на решение словацкого вопроса в рамках полуцентралистской системы. Приверженность австрославизму других ведущих представителей Старой школы, таких, например, как Дакснер и Францисци, носила скорее всего тактический характер, хотя прямых подтверждений этому не имеется. Дакснер, сознавая необходимость дальнейшей борьбы за национальные права словаков и видя слабость словацкого национально-го движения, писал, что бороться надо "на ниве законности"⁴². А для этого, по его мнению, оставался единственный путь – в Вену. Эту же точку зрения разделяли остальные деятели Старой школы

Австро-венгерское Соглашение 1867 г., бесповоротно отдавшее словаков в полное распоряжение венгерских правящих кругов и не решившее вопроса об их национальных правах, нанесло удар по ориентированной на Вену политике части словацкой интеллигенции. Расчет на возможность использовать противоречия между австрийскими властями и венгерской оппозицией оказался несостоятельным. Снова начались поиски путей решения словацкого национального вопроса, в том числе с помощью венгерского Го-

сударственного собрания. Однако и эти надежды с самого начала были обречены на провал.

С середины 60-х годов наиболее дальновидные словацкие деятели (Дакснер, Францисци) склоняются к более реальному курсу в национальной политике, отказываясь от включения в свою программу требования о Словацком Околье. Представители Новой школы во главе с Палариком и Немешани, которым в предыдущий период расхождения во взглядах и дискуссии со Старой школой не мешали совместно выступать во многих национально-культурных начинаниях, теперь окончательно объединились в политическую группировку, связанную с венгерской либеральной и демократической средой, и пытались взять в свои руки руководство словацкой политической жизнью. С начала 1868 г. у них появилась собственная газета "Словенске новины" ("Словацкая газета"). Поскольку идеологи Новой школы считали, что основным препятствием на пути к соглашению с венграми были "преувеличенные" словацкие национальные требования и ориентация на Вену, они всеми силами старались отмежеваться от меморандистов, резко выступали против подобного политического курса, упрекая их в своей газете в стремлении к союзу с Веной, с чехами, в чрезмерных симпатиях к русским и т.д. Выступая против основного в программе меморандистов положения о Словацком Околье, представители Новой школы ограничивались требованием обеспечения языковых прав в рамках существующих административно-территориальных подразделений. Вместе с тем они настаивали на демократизации политической жизни в стране и решении социальных проблем словацкого народа⁴³.

Меморандисты продолжали придерживаться старой программы. При этом они вполне обоснованно подчеркивали, что их оппоненты заблуждаются, полагая, что главным препятствием для соглашения с венграми является внешняя ориентация словацкой политики. Главное препятствие они справедливо усматривали в доктрине, рассматривающей венгерскую нацию как единственную политическую нацию на территории Венгрии. Направление же сло-

вацкой политики, по их мнению, определяла именно неуступчивость венгерских правящих классов в вопросе о правах других народов⁴⁴.

Импульсом к постепенному примирению сторон, отказу от мелочной, бесполезной полемики, послужило венгеро-хорватское Соглашение 1868 г. и приближавшееся обсуждение в Государственном собрании проекта закона о национальностях. На совместном заседании в Братиславе в начале ноября представители обеих группировок пришли к согласию по трем вопросам: прекращение полемики в газетах; совместные действия во время предстоящих выборов; подготовка к объединению обеих газет.

После подписания императором закона о национальностях, фактически обеспечивавшего гегемонию венгров в Венгрии, а формально (как показал дальнейший ход событий) допускавшего свободный выбор языка обучения лишь в народных школах и создание лицами невенгерской национальности только культурно-просветительных и экономических кружков, нельзя было надеяться на получение национальных прав невенгерскими народами.

Среди меморандистов одним из первых отреагировал на закон Й.М. Гурбан в серии статей "Чему нас учит история", где он пытался показать историческую и правовую необоснованность его принципов. В результате он был осужден на 16 месяцев тюремного заключения и подвергнут штрафу в 400 золотых. Сложившаяся обстановка принципиально повлияла на идеологию Старой школы (будущей Национальной партии), убедив ее представителей в том, что единственной возможностью противостоять усиливающемуся наступлению на словацкие национальные интересы является защита атрибутов национальной самобытности. В идеологии словацкого общественного движения стал преобладать оборонительный характер⁴⁵. Представители Новой школы, также неудовлетворенные законом, перестали ориентироваться на венгерские партии. Решив вести самостоятельную политику, они направили основные усилия на достижение победы на выборах в Государственное собрание, назначенных на весну 1869 г.

Хотя компромисс, приведший к австро-венгерскому дуализму, был ударом по словацкому национальному движению, наиболее серьезное наступление на Матицу, а в ее лице на все словацкое национальное движение началось несколькими годами позже.

За пятилетие с 1867 по 1871 гг. Матица еще успела издать 25 популярных (типа справочников) и научно-популярных книг, включая пять выпусков журнала "Летопис", два литературных альманаха, труд А. Пенцеля "Садовод в Словакии", первый том "Сборника словацких народных песен, повестей, поговорок, сказов, игр, обычаев и поверий" (1870 г., составители М. Храстек, П. Добшинский и Э. Черны), книгу П. Добшинского "Размышления о словацких повестях", а также "Пчеловод в Словакии" Я. Чайды. Публиковались также речи руководителей и отчеты о текущей работе Матицы⁴⁶.

Как и в предыдущие годы, Матица продолжала играть организующую и направляющую роль, в первую очередь в просвещении народа и в развитии науки. Правда, в 60-х – начале 70-х годов XIX в. Матице пришлось иметь дело в основном с отраслями науки, находившимися на стадии становления, и поэтому нередко с дилетантами вместо высококвалифицированных ученых. Но это были энтузиасты, готовые самоотверженно трудиться на благо своего народа, его интеллектуального развития. Матица была институтом, руководившим их деятельностью на этом начальном этапе. Для реализации научных планов члены Матицы создали несколько секций: филологическую, литературную, юридическо-философскую, математико-природоведческую и истории музыки. Это отражало разносторонность научной деятельности Матицы. Адвокат М. Мудронь предложил составить словарь юридических терминов. Одному из наиболее видных ученых Дионизу Штуру Матица поручила составление геолого-географической карты Словакии⁴⁷. (Позже, в 1873 г., он подарил Матице гербарий, который собирал в течение 23 лет).

В начале 70-х годов на средства, полученные в ходе общенародных добровольных сборов, было, наконец, построено здание для Матицы, в котором разместились и библиотека с архивом.

Матица была первой словацкой организацией, предпринявшей широкомасштабные действия по розыску, сбору и сохранению рукописей, книг, картин, монет, карт, гербариев, коллекций минералов, а также национальных костюмов и других предметов, связанных с историей, культурой и повседневной жизнью словаков. В ответ на просьбы присылать различные вещи люди отправляли в Мартин тысячи предметов, каждый из которых был зарегистрирован на страницах журнала "Летопис". Самой ценной коллекцией была библиотека, начало которой положил дар Гамульяка, передавшего обществу собственное собрание книг численностью более 2 тыс. томов. К моменту роспуска Матицы в 1875 г. библиотека ее музея насчитывала 10 629 книг различного содержания, 332 рукописи, 12 957 монет и банкнот, 2 238 гравюр и 23 картины, множество (107) археологических находок, отдельных минералов, карт, нот музыкальных произведений. В этом собрании были также архивы таких выдающихся деятелей словацкого национального возрождения, как Я.Голлы, Л.Штур, П.Й.Шафарик и др.

Деятельность Матицы в этот период руководил В.Паулини-Тот, Почетным председателем оставался Ш.Мойзес, В.Паулини-Тот принадлежал к воспитанникам "штуровской школы", являясь одним из наиболее энергичных и полных энтузиазма словацких деятелей 60-х годов. Еще в 1843 г., во время его учебы в Братиславе, Штур отметил в нем разностороннюю одаренность в науках, литературе и т.д.⁴⁸ Но прежде всего Паулини был видным словацким журналистом и общественным деятелем, редактором и издателем ряда популярных словацких журналов, в том числе сатирического "Чернокнижника" ("Чернокнижник"). Он был одним из ведущих представителей Старой школы, автором многих статей в ее органе – газете "Пештьбудинске ведомости". Паулини писал исторические повести, в которых, обращаясь к прошлому словацкого народа, стремился воздействовать на своих современников, пробудить в них национальное самосознание.

По инициативе Паулини в III и IV выпусках журнала "Летопис" были помещены научные и научно-популярные трактаты: "О жизни..." Я.Гольбавого, заметки об исторических памятниках в

Турце, "Зарождение христианства у мадьяр" Й. Заборского, "Славяне и музыка" Ф. Сасинека, "Крепости Тренчански-Поважья" Я. Керекеша и др. По его же инициативе создавались научные комитеты по различным специальностям. Для повышения профессионального уровня материалов, предлагавшихся к публикации в журнале и календаре, был также образован специальный комитет, отбиравший статьи. В него вошли: А. Радлинский, Д. Лихард (в этот период редактор журнала "Обзор", лучшего словацкого экономического издания XIX в.), В. Паулини-Тот, редактировавший в то время журналы "Чернокожаник" и "Сокол". В комиссии, обсуждавшие литературные произведения, статьи о музыке и т. д., были включены специалисты в этих областях. Комиссия под руководством М. Чулена, директора гимназии в Левоче, ведала подготовкой и изданием учебников⁴⁹.

Однако издательская деятельность Матицы не становилась более разносторонней. Она сосредоточивалась в основном на двух направлениях: выпуске, с одной стороны, народно-просветительной литературы, учебников, с другой — сугубо научных исследований, например, исторических работ, и словарей. Таким образом, Матица занималась как "высокой" наукой, так и популяризацией знаний. Из художественной литературы в журнале публиковались лишь отдельные произведения, например трагедии Лаучека и Себерини, не оказавшие влияния на литературный процесс⁵⁰. Правда, работа Матицы в этом направлении дополнялась публикацией некоторых значительных литературных произведений созданным в 1870 г. Книгопечатным обществом, являвшимся организацией, в какой-то степени, родственной Матице.

Усилия самой Матицы, уровень выпускаемых ею научных, народно-просветительных работ и литературных произведений подвергались критике. Представители Новой школы обоснованно выражали неудовлетворенность скромным количеством изданных книг, проявленной при этом бессистемностью и т. д. Эти высказывания не остались без внимания. Комитет Словацкой мати-

цы в своем отчете за 1873 г. констатировал: "Общеизвестно, что словацкая общественность не полностью удовлетворена предыдущей деятельностью Словацкой матицы, и мы признаем, что неудовлетворенность эта не является полностью необоснованной"⁵¹. Однако что-то исправить, изменить оказалось невозможным.

Хотя Матица немало успела уже сделать в 1867–1871 гг., но для руководителей, отстаивавших национальные права словацкого народа, она не была единственным полем деятельности, так как они включились в политическую борьбу.

Объединив свои усилия на выборах в венгерское Государственное собрание, в 1869 г. словаки завоевали три мандата. Одно из этих мест занял Паулини-Тот, два других – сторонники Новой школы⁵². Это был успех национального движения, доставшийся словакам с большим трудом, так как против словацких кандидатов, особенно в Турце, где ими были Я.Есенский и П.Мудронь, шовинистические элементы устроили травлю, угрожая их жизни. В итоге были призваны войска, находившиеся потом в Мартине с апреля по июнь 1869 г. и избравшие местом для своей казармы одно из арендуемых Матицей помещений, несмотря на протесты ее руководства.

Вместе с тем в этом же году удалось наконец открыть третью словацкую (католическую) гимназию в Клашторе под Зневом, недалеко от Мартина. Первым ее директором был назначен М.Чулен, бывший ранее директором венгерской гимназии в г.Банска-Бистрица. Ян Бобула приступил к выпуску в Пеште нового альманаха "Минерва".

Умершего в 1869 г. епископа Мойзеса сменил на посту почетного председателя Йозеф Козачек*.

Год 1870-й был также полон различных событий, в том числе и положительных для словаков. Именно в это время возник ряд

*Й.Козачек (1807–1877) – деятель словацкой культуры. В начале принадлежал к бернолаковской группе, поддерживающей отношения со штуровцами. В 50-е годы отстаивал введение словацкого языка в гимназиях.

новых изданий и обществ. М.Ш.Фериенчик (1825—1881), известный словацкий журналист, принявший от Франциски газету "Пештьбудинске ведомости", перенес редакцию в Мартин, где эта газета издавалась и в XIX в., но под названием "Народне новины" ("Национальная газета")*. В том же 1870 г. А.Радлинский создал Общество св.Войтехы (Адальберта) в Трнаве с целью публикации и распространения религиозных и образовательных книг словацких католиков. Общество должно было дополнять работу Словацкой матицы по изданию книг религиозного содержания, планировался также перевод Библии на словацкий язык. Однако деятельность этого, чисто религиозного общества сталкивалась с враждебными действиями шовинистических элементов, из-за которых нередко приходилось отменять его заседания⁵³. Вместе с тем, именно благодаря своему религиозному характеру, оно получило разрешение на свою деятельность, и после насильственного закрытия Матицы продолжало функционировать.

В том же году возникла первая в Словакии организация словацких женщин Живена, ставившая своей целью просвещение женщин в национальном духе. Было создано и общество словацких студентов — Словацкая молодежь — однако устав его так и не был утвержден венгерским правительством.

Матица в начале 70-х годов воздвигла памятники М.М.Годже, Л.Штуру, М.Гамульяку и А.Сладковичу. Она оказала помощь больницам и читальням. На территории Словакии было создано около 150 читален.

В начале 70-х годов XIX в. над словаками и их национальной жизнью все больше сгущались тучи. После заключения договора

* Старая школа получила название "Народна страна" ("Национальная партия"). Возглавил ее Паулини-Тот. Став депутатом, он пытался вести довольно гибкую политику, сотрудничая как с представителями мадьяр, так и с наиболее умеренными левыми мадьярскими депутатами.

с бисмарковской Германией и в результате окончательного утверждения дуалистических порядков венгерские правящие круги ощутили себя достаточно сильными для того, чтобы теперь уже открыто выступить против немадьярских национальностей Венгрии и утвердить в ней свою неограниченную власть. Правительство и подчиненные ему учреждения постепенно перестали принимать в расчет и действующий закон о национальностях.

Попытки Национальной партии создавать новые культурно-просветительные общества и новые словацкие школы наталкивались на растущее сопротивление. А затем пришлось защищать и с трудом созданные ранее национальные учреждения, в первую очередь, Словацкую матицу и три словацких гимназии.

Одним из главных организаторов антисловацкой кампании был представитель комитатской власти г.Зволена Б.Грюнвальд, обратившийся ко всем словацким комитатам с призывом воспрепятствовать "панславистским козням" представителей словацкого национального движения, якобы направленным против территориальной целостности венгерского отечества. Таким же фанатичным словакофобом, как Б.Грюнвальд, был и К. Тиса, позже, в 1875 г., занявший пост премьер-министра. Подобных взглядов придерживалось большинство представителей правящих кругов Венгрии. Их наступление на национальную жизнь немадьярских национальностей поддержал новый министр просвещения и культуры А.Трефорд, назначенный в начале 1871 г. вместо умершего либерала И. Этвеша.

Наступление на Матицу, особенно усилившееся в 1872 г., начали газеты, обвинившие ее в "панславистской агитации", угрожающей целостности страны. Они настаивали на том, что Матица, созданная для развития словацкого языка и литературы, "является скорее политической организацией"⁵⁴. В этот период не проходило и недели, чтобы газеты или даже депутаты Государственного собрания не выступали с нападками на Матицу. Ей приписывался политический панславизм и нарушение Устава, несмотря на то, что без присутствия назначенного правительством ко-

миссара не проходило ни одно общее собрание Матицы. С беспочвенности подобных обвинений говорило и то, что на каждом заседании комиссар напоминал об исключении Уставом политических и религиозных вопросов из компетенции организации. Известно и то, что властям представлялись подробные записи выступлений и хода собрания. Даже когда возник вопрос о помощи словацким журналам, комиссар настоял на том, чтобы это касалось лишь литературных изданий⁵⁵.

В таких условиях Словацкой матице в последние четыре года ее существования удалось сделать немного. В основном это была издательская деятельность. С 1872 по 1875 гг. она выпустила 30 книг, но это были главным образом отчеты и речи. Наиболее значительными изданиями были четыре тома журнала "Летопис", три тома труда Сасинека "Архив старых чехословацких документов и исторических источников по истории и литературе словаков" (1872–1873 гг.), второй том собрания словацких национальных песен Храстека, Черного и Добшинского (1874 г.), "Основные правила композиции" (о музыке) Л.А. и И.Г.Ройесов и, наконец, "Земледелец в Словакии" (1875 г.) – сочинение ботаника и археолога Андрея Кметя⁵⁶.

Журнал Матицы "Летопис" в эти последние годы содержал в основном исторические работы разного уровня и тематики. Большая статья Г.Зехентер-Ласкомерского была посвящена славянским историческим источникам, в том числе описанию источников отдельных областей Словакии. Имелись также статьи о выдающихся славянских военных деятелях прошлого, сыгравших роль и в венгерской истории (в частности, работа Сасинека о Яне Искре и т.д.). Словацкой исторической науке в этот период принадлежала чрезвычайно важная роль – способствовать своими трудами, опирающимися на источники, борьбе за признание словацкой нации и за ее права на самостоятельную жизнь на особой территории. Ф.В.Сасинец, П.Кельнер-Гостинский, Я.Маллы-Дусаров и многие другие тесно связывали свои исторические исследования с задачами словацкого национального движения. Работы Й.Заборского имели несколько иной характер и более критично

рассматривали некоторые важные вопросы венгерской истории, пытаясь сформировать синтетический взгляд на нее. Но важно то, что словацкие историки этого периода уже целенаправленно, путем изучения прошлого и издания исторических источников стремились пробуждать национальное самосознание⁵⁷.

На последнем этапе деятельности Матицы появились также новые исследования по музыке и изобразительному искусству, которые должны были служить тем же целям, что и исторические труды ("Мысли о развитии национальной музыки и словацкого пения" Й. Белы и сочинение Сасинека о художнике Яне Купецком).

Что касается художественной литературы, то, как и в предыдущие годы, она почти не была представлена в печатной продукции Словацкой матицы. В 1870 г. газета "Народне новины" писала: "Как мы полагаем, практическое направление овладело всей словацкой нацией. Мысли обращены к практическим вещам. Матица, национальный дом, гимназии, подготовка учителей, подготовка словацкой, особенно юридической, интеллигенции, выборы в Государственное собрание, привлечение простого народа к национальному делу, овладение массами, борьба за естественные права нации, защита ее жизни, находящейся под угрозой, — это теперь является лозунгом. При таком практическом направлении литература полностью отступает на задний план. Интеллигенция количественно растет, растет число национальных борцов, национальные институты приносят пользу, а вместе с тем участие в литературе явно падает. Из года в год все труднее что-либо издать. Число подписчиков на книги также сокращается, а вся литературная деятельность, которую мы поставили на собственные ноги, прекращается". Все это дало основание словацкому литературоведению характеризовать период 60–70-х годов XIX в. как кризис литературы и констатировать определенный духовный упадок, который "заметно контрастировал с усилившимся организованным движением"⁵⁸. Все наиболее ценное в литературе было создано в предшествующий период романтизма и непосредственно связано с дореволюционным периодом. И даже то значительное, что возникло в 60–70-е годы, духовно было связано с

литературой дореволюционной, хотя новая ситуация и наложила на эти произведения свой отпечаток. Такими сочинениями являются, в частности, "Смерть Яношика" Я. Ботто, "Убей его" С. Халупки, проза Калинчака и Кубани⁵⁹. На подобном развитии литературы в известной степени сказался и узкий практицизм, ограничивавший ее лишь задачами содействия воспитанию масс в национальном духе и включению их в борьбу за национальные права. Это, очевидно, мешало естественному развитию национальной литературы.

Вообще, учитывая внутривосточную обстановку в Венгрии, положение словаков и отсутствие у них других общенациональных организаций, Словацкая матица не могла оставаться лишь культурным институтом. Какими бы умеренными ни были ее руководители и как бы ни опасались они (в первую очередь, ради сохранения самой Матицы) выходить за рамки Устава, предписывавшего этой организации исключение политики из сферы ее действия, независимо от их стремлений, они не могли быть сами вне политики, а Матица по самому своему положению не могла не являться организацией в известном смысле культурно-политической. Несмотря на то, что основные ее цели формулировались и в "Обращении", и в Уставе, и в речи Мойзеса на первом общем собрании как просветительные, литературные и научные, председатель Временного комитета Словацкой матицы Я. Францисци в августе 1863 г. говорил о ней как о "договоре национального единства, под защитой и влиянием которого словацкая нация объединится, разовьется и умножит свои материальные и духовные, до сих пор растраченные или гибнущие в бездеятельности силы"⁶⁰.

Эти надежды проскальзывали и в некоторых формулировках Устава, и в газетной полемике. Скрываемые от правящих кругов эти стремления сделать из Словацкой матицы объединителя и опору политической жизни всей нации не ускользнули от их внимания и внимания шовинистической журналистики, что и дало пищу для различных инсинуаций и вначале единичных обвинений в политическом панславизме, вылившихся затем в развернувшуюся вокруг Матицы и трех словацких гимназий кампанию травли.

Это были первые акции окрепших после создания дуалистической австро-венгерской монархии шовинистических сил, выступавших с лозунгом "единой Венгрии" и великого и единого "мадьярского народа" и переходивших к открытым формам мадьяризации.

В 1873 г. антисловацкая газета "Сворност" ("Единство"), издававшаяся комитатскими властями Зволены, подвергла нападкам словацкие гимназии, назвав их "гнездами панславизма". Трефорд назначил тщательное расследование их деятельности. Однако они были обречены заранее, о чем свидетельствует, например, отчет о подобной проверке работы гимназии в Мартине, поданный министру просвещения браτισлавским протестантским суперинтендантом Л. Гедули. В отчете, в частности, говорится: "Нет сомнения, что профессора гимназии – ревностные словаки и выполняют поставленную перед собой задачу посвятить доверенных им учеников в тайны наук на их родном словацком языке с полной ответственностью и энтузиазмом. Так как уже само по себе это нечто антипатриотическое, то действительно не остается ничего иного, как ликвидировать это учреждение. Повторяю: ликвидировать... Но какое обоснование этой ликвидации можно дать сейчас, когда действуют §§ 14 и 17 закона № 44 от 1868 г. (закона о национальностях – Г.Х.), – это доверяю мудрости Вашего высокоблагородия..."⁶¹. И все три гимназии были закрыты. Ликвидация созданных и содержавшихся на денежные пожертвования словаков учебных заведений, которые "по уровню педагогического процесса принадлежали к лучшим школам страны, и против которых главным обвинением было то, что они обучают словацкую молодежь на родном языке"⁶², нанесла большой ущерб национально-политической жизни словацкого народа. Словаки фактически остались без средней школы на родном языке вплоть до распада империи.

После гимназий пришел черед Матицы. С приходом к власти правительства К. Тисы в начале 1875 г. для нее настали худшие времена.

В год закрытия словацких гимназий Матица послала делегацию на торжественное открытие хорватского университета в Загребе. Сасинек, глава делегации, в своей речи сказал: "Дайте нам от вашего масла, чтобы не угасли наши лампы"⁶³. Он имел в виду братскую поддержку родственного народа в этот тяжелый для словаков период. Слова оказались пророческими, так как в следующем 1875 г. Словацкая матица была закрыта под предлогом того, что, несмотря на свой Устав, она якобы занималась политической деятельностью, "предавалась панславизму" (в качестве примера приводилась поездка ее делегации в Загреб), что некоторые издания Матицы, особенно исторические работы Заборского и Сасинека, порочны и направлены против венгров, что финансы и имущество учитываются неправильно и небрежно.

Типичным примером мадьярской точки зрения на эти события являлась статья венгерской буржуазной газеты "Гон" ("Отечество"), где было сказано следующее: "Словацкая матица состоит из какой-то сотни вульгарных личностей, которые не имеют ни имущества, ни цели, но которым просто нравится держать собственное учреждение, в действительности не выполняющее никакой культурной миссии"⁶⁴.

В 1875 г. венгерские власти аннулировали разрешение на деятельность Матицы, ее библиотека и богатые коллекции были сначала опечатаны, а затем (в 1907 г.) переданы музею в Нитре (комитатскому) и, сильно поредевшие, возвращены воссозданной Словацкой матице уже после 1918 г. Казна и другие ценности на общую сумму свыше 140 тыс. флор., были конфискованы правительством, а в здании Словацкой матицы размещен местный суд.

За годы с 1863-го по 1875-й Матица создала в Мартине солидный культурный центр. В 1874 г. в ее составе было более 1 200 членов, 55 из которых являлись коллективными (города и другие населенные пункты, школы и т.д.). По всей Словакии, а также в Венгрии она имела широкую сеть своих местных представителей, которые заботились о распространении ее изданий и занимались культурно-просветительской деятельностью в своем районе. До 1875 г. Матица издала 12 ежегодных выпусков перво-

го словацкого научного журнала "Летопис Матицы словацкой" (выходившего под редакцией поочередно М.Храстека, В.Паулини-Тота и Ф.В.Сасинека). Кроме того она выпустила 41 книгу.

Словацкая матица уделяла внимание любительскому театру и созданию народных певческих коллективов. Важной была и работа по сбору различных коллекций, в том числе и нумизматической, рукописей и других объектов словацкой культуры. Матица финансировала возведение ряда памятников, строительство здания для себя и своих коллекций. Фонды ее библиотеки выросли до 10 тыс. томов, в литературном архиве хранилось 332 рукописи⁶⁵. Кроме того Матица помогла внедрить и развить штуровскую языковую реформу. Она обеспечивала материальную помощь нескольким словацким школам, студентам (гимназистам) и общинам.

В последние годы своего существования Словацкая матица проводила активную научно-исследовательскую работу. Являясь единственной общенациональной репрезентативной организацией словаков, она поддерживала тесные (насколько это было возможно) культурные и научные связи с другими славянскими организациями подобного направления.

Эти связи, отвечавшие постоянным требованиям словацкой национальной жизни, занимали важное место в ее деятельности. Осуществлялись же они в традициях славянской взаимности.

Вместе с тем, хотя такого рода сотрудничество всегда находилось в поле зрения руководителей Словацкой матицы, внутриполитические условия в Венгрии были крайне неблагоприятными для его развития. В Уставе Словацкой матицы пункт о сотрудничестве был обозначен крайне осторожно, говорилось, что матица поддерживает связи "со всеми дозволенными славянскими литературными обществами", которым будет бесплатно посылать все свои публикации⁶⁶, однако в создавшейся обстановке это не спасло от обвинений в панславизме.

Словацкая матица ориентировалась прежде всего на славянские народы Австрии и Венгрии⁶⁷. При этом ее связи отражали как дифференциацию внутри самого словацкого движения, так и у этих народов (например, Новая школа была больше связана с

младочехами, Старая — со старочехами). С первых же месяцев своего существования Матица установила отношения с подобными организациями в Австрии и Венгрии. В ответ на "Обращение" и письма словацкой стороны поступила информация и от этих славянских обществ, одобивших появление новой организации. Все славянские общества, с которыми Словацкая матица установила отношения, стали ее почетными членами. В их число вошли также выдающиеся представители отдельных славянских народов, в частности, Иван Кукулевич, Франьо Миклошич, Янез Блейвейс, Франтишек Палацкий, моравский юрист Антон Бек, украинский епископ в Прешове Йозеф Гаганц, сербский епископ Никанор Груйич. Контакты Матицы с другими славянскими организациями наиболее успешными оказались в области книгообмена, хотя он и был в определенной степени односторонним, так как Словацкой матице, особенно в самом начале ее деятельности, нечего было посылать, да и позже она фактически не могла компенсировать своими публикациями присланные ей славянскими обществами и отдельными лицами многочисленные периодические издания и книги, являвшиеся для нее серьезной помощью.

Значительную поддержку Матице оказывали южные славяне. Из Хорватии, Воеводины и Сербии присылались собранные там средства для словацких гимназий. Менее успешным было сотрудничество Матицы в области науки, так как, при всем своем стремлении способствовать развитию в Словакии иных знаний, Матица не являлась, да и не успела стать за столь короткий срок, достаточно авторитетным центром для славянских ученых. Самое большее, что она могла, — это предоставить информации или книги, касающиеся словацких проблем⁶⁸.

Хотя Матица и выступала как общенациональная репрезентативная организация, но в этом отношении она была не слишком активной. За 12 лет всего три раза выезжали ее представители к другим славянским народам: в Загреб, по случаю 300-летия М.Ш. Зринского (в 1867 г.), на празднование 100-летия со дня рождения Й. Юнгмана в Прагу (в 1873 г.) и на открытие университета

в Загребе (в 1874 г.), хотя подобных мероприятий в славянском мире тех лет было гораздо больше. Деятелям Словацкой матицы приходилось быть осторожными, опасаясь обвинений в панславизме. Именно по этой причине словаки (А. Радлинский, П. Мудронь и Я. Есенский) на Этнографической выставке и Славянском съезде в Москве в 1867 г. были представлены лишь как частные лица, не выступавшие от имени Словацкой матицы⁶⁹. Позже Матица отказалась от приглашения на археологическую выставку в Киеве в 1874 г., хотя представляется бесспорным, что словацкие деятели с интересом посетили бы ее, если бы не вынужденная осторожность.

Отношения с представителями российской общественности играли, несмотря на вышесказанное, важную роль в национальном движении словацкого народа и его общественно-культурной жизни и в годы существования Матицы, и в предшествовавшие ей десятилетия, хотя характер и интенсивность этих связей в разные годы были различными. Эти связи начинают активизироваться еще со второй половины 50-х годов, когда в обстановке реакции среди словацкой интеллигенции получили распространение надежды на возможность национального освобождения с помощью России, что нашло свое выражение в сочинении Л. Штура "Славянство и мир будущего".

В начале 60-х годов Я. Паларик выступил за равноправие славянских народов, которое обеспечило бы национальное развитие каждого из них⁷⁰. Эти мысли поддерживались другими либеральными и демократическими деятелями Новой школы. Она выражала свои симпатии русской революционной эмиграции, освободительной борьбе поляков. При этом и ее передовые представители признавали, что само существование России способствует развитию национального самосознания словаков.

Старая школа в 60-е годы в свою очередь интересовалась жизнью России, поддерживала связи с русскими учеными и славянофилами и надеялась на то, что реформы в России будут содействовать укреплению ее внешнеполитических позиций и освободительному движению славян в Турции и Австрии. Но русофиль-

ство ее практически заключалось в надеждах на политику России, благоприятную реформированию Австрийской империи⁷¹.

Словацкая матица, ее деятельность в 1863–1875 гг., занимает особое место в истории словацкого народа, в его национальном движении, культуре. Она явилась первой по-настоящему общенациональной культурной организацией, первой академией, первым музеем. Одновременно она была просветительным учреждением, усилия которого были направлены на пробуждение народных масс, и литературным обществом, и издательством. Это была единственная организация, материально поддерживавшая в то время развитие науки, искусства и словацкого образования.

Один из видных деятелей более позднего этапа словацкого национального движения Светозар Гурбан Ваянский обоснованно утверждал, что Словацкая матица выступила символом всей духовной жизни словацкого народа. Без Матицы словаки были бы меньше подготовлены к национальному и культурному развитию после 1918 г.

Словацкая матица способствовала утверждению словацкого литературного языка, существование которого долго находилось под угрозой. Она воспитала новое поколение интеллигенции, которое даже в нелегких условиях ужесточившегося национального гнета (вплоть до 1918 г.), благодаря необычайно трудной легальной работе в прессе, усилиям по созданию новых, пусть менее значительных, чем Матица, обществ (например, Словацкого музейного общества) добились того, что наследие и традиции ее не были безвозвратно утрачены. В 1893 г. в Кливленде эмигрировавшие в Америку словаки создали свою Матицу, которая была призвана заменить ликвидированную венгерскими властями организацию, "воскресить словацкий народ" в США и под Татрами путем издания книг и распространения просвещения, "защищать и поддерживать своих братьев, ведущих на родине тяжелую борьбу за права и свободу Словакии"⁷².

Возродившись в 1918 г., Матица и по сей день остается одним из самых важных культурно-научных и образовательных уч-

реждений в Словакии. В 1988 г. она отметила 125-летний юбилей. И после "бархатной революции" 1989 г. Матица является одной из влиятельных организаций в стране.

Примечания

¹ *Butvin J.* Slovenské národno-zjednocovacie hnutie. Bratislava, 1965. S. 172.

² *Rapant D.* Tatrin. Osudy a zapasy. Turč. sv Martin, 1950. S. 56.

³ Ibid. S. 73.

⁴ Ibid. S. 116, 119–120.

⁵ Hlasówe o potrebe jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Morawany a Slowaky. Pr., 1846.

⁶ Slovenskje Narodnje Noviny. 1848. 31.III. Br., 1956.

⁷ Dokumenty k slovenskému národnému hnutiu v rokoch 1848–1849. (Zostavil a poznámkami opatril F. Bokes). D.I. Br., 1962. S. 175–176 (Далее – Dokumenty).

⁸ Ibid. S. 131.

⁹ Ibid. S. 139.

¹⁰ Ibid. S. 232.

¹¹ *Polla B.* Slovenská politika pred zvolaním memorandového zhromaždenia //Historické štúdie. R. XVI. Br., 1971. S. 114–115.

¹² *Holotík L.* Memorandum slovenského národa z r. 1861//Historický časopis. 1963. № 1. S. 12.

¹³ Slovenské národné zhromaždenie v Turčianskem sv. Martine. Martin, 1941. S. 207.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibid. S. 250, 284.

¹⁶ Ibid. S. 146–148.

¹⁷ *Holotík L.* Op. cit. S. 19.

- 18 Dokumenty. D. I. S. 315.
- 19 *Daxner S.M.* V službe národa. Br., 1958. S. 175.
- 20 Цит. по: *Bokes F.* Maďarské prejavy protimemorandové r. 1861 // Historický časopis. 1940–1941. № 1–2. S. 282.
- 21 Dokumenty. D. I. S. 372–376.
- 22 *Rapant D.* Videnské memorandum slovenské z r. 1861. Martin, 1943. S. 85.
- 23 *Daxner S.M.* Op. cit. S. 111.
- 24 Позже, в 1867 г. К. Кузмани открыл протестантскую гимназию в Мартине, а в 1869 г. начались занятия в третьей словацкой, католической гимназии в Клашторе-над-Зневом. Открытие и деятельность этих школ осложнялись и противодействием властей, и нехваткой средств (Dokumenty. D. I. S. 395).
- 25 *Daxner S.M.* Op. cit. S. 112.
- 26 Dokumenty. D. I. S. 402.
- 27 Ibidem.
- 28 Ibidem.
- 29 Ibidem.
- 30 *Botto I.* Dejiny Matice Slovenskej. Turč. sv. Martin, 1923. S. 25.
- 31 *Kocka J.* Slovenské myslenie matičných rokov // Slovenský filozofický časopis. 1954. № 2. S. 178.
- 32 Некоторые исследователи, в частности американский ученый С. Кимбал, делят деятельность Матицы на три периода: рассматривая 1868–1871 гг. как второй период, а 1872–1875 гг. – как третий, когда министром просвещения был Трефорд (В кн.: *Kimball St.* The Austro-slav revival. A study of nineteenth century literary foundations. Philadelphia, 1973. November. P. 60).
- 33 Dokumenty. D. I. S. 396.
- 34 *Kimball St.* Op. cit. P. 57.
- 35 Список всех публикаций Словацкой матицы см. в кн.: *Li-ba P.* Vydavateľské dielo Matice slovenskej. Martin, 1963.

- 36 Ibidem.
- 37 *Národná svetlica*. Vyber dokumentov k dejinam Matice slovenskej. Martin, Matica slovenská. 1988. S. 66, 68, 70.
- 38 *Liba P.* Op. cit. S. 535.
- 39 *Vlcek J.* Dejiny literatury slovenskej. Turč. sv. Martin, 1923. S. 351.
- 40 Эта рукопись, хранящаяся в Литературном архиве Словацкой матицы, датируется осенью 1866 г. Позже Червеняк стал казначеем (См. в кн.: *Dokumenty*. D. II. Br., 1965. S. 9).
- 41 Ibidem.
- 42 *Daxner S.M.* Život a dielo v dokumentech. Martin, 1976. S.107.
- 43 *Dokumenty*. D. II. S. 331, 332, 336, 337.
- 44 Ibid. S. 339–340; *Slovensko*. Dejiny. Br., 1971. S. 533.
- 45 *Podrimaský M.* Slovenská národná strana v druhej polovici XIX st. Br., 1983. S. 33.
- 46 *Liba P.* Op. cit.
- 47 *Matica slovenská*: v našich dejinach. Br., 1963. S. 77–78.
- 48 Ibid. S. 125, 133.
- 49 *Botto J.* Op. cit. S. 58.
- 50 *Botto J.* Op. cit. S. 60; *Matica slovenská v našich dejinach...* S. 90.
- 51 Опубликовано в газете Новой школы "Словенские новости" № 121, 1873; *Národná svetlica...* 1988. S. 63, 64.
- 52 *Slovensko...* S. 535.
- 53 *Botto J.* Op. cit. S. 93–94.
- 54 Ibid. S. 98–99.
- 55 Ibid. S. 62.
- 56 *Liba P.* Op. cit.
- 57 *Matica slovenská...* S. 83.
- 58 Ibid. S. 86–87.

- 59 *Botto J.* Op. cit. S. 167.
- 60 *Ibidem.*
- 61 *Slovenska...* S. 537–538.
- 62 Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф.Раевского. М., 1975. С. 18–19.
- 63 Цит. по: *Botto J.* Op. cit. S. 59.
- 64 *Ibid.* S. 118.
- 65 *Slovensko...* S. 539.
- 66 *Dokumenty.* D. I. S. 402.
- 67 *Hraksím L.* *Matica slovenská a Slovania*//*Dejiny...* S.150–151.
- 68 *Ibid.* S. 152–153.
- 69 *Ibidem.*
- 70 *Borodovčiak V.* *Ján Palarik a Slovanstvo* //*Slovanský prehľad.* 1972. № 4. S. 268.
- 71 Освободительное движение народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981. С. 251.
- 72 *Národná svetlica...* S. 104. Хотя Матица в Кливленде просуществовала лишь до 1897 г., она выпустила "Советчик словацких эмигрантов в США" и "Сборник Матицы словацкой", начав таким образом свою деятельность среди словаков в США.

СЛОВЕНСКАЯ МАТИЦА

Национальное возрождение словенцев началось во второй половине XVIII в. Словенские ученые называют даже точно его начальную дату: 1768-й – год выхода в свет "Краинской грамматики" августинца Марко Похлина. И это не случайно. Книга сыграла главную роль в процессе национального возрождения не только словенцев, но и других народов Восточной Европы. Сначала книга объединила немногочисленные ряды интеллигенции в стремлении создать национальную культуру современного уровня; затем, распространяясь среди масс народа, стала не только орудием его национального пробуждения, но и просвещения его в широком смысле этого слова.

Для словенского возрождения книга была особенно важна еще и потому, что словенцы не имели политических традиций в отличие например, от сербов, хорватов, чехов. У них никогда не было собственного государства, так как они уже на ранней стадии своего развития попали под власть чужеземцев. Вследствие этого на всем протяжении средневековья у них отсутствовало национальное дворянство, являвшееся в то время основным субъектом политической деятельности. И позднее, когда на политическую арену вышли горожане, они не сразу включились в словенское национальное движение, ибо высшие и средние их слои или не были словенскими по национальности, или были в значительной степени денационализированы.

Из-за отсутствия традиций политической деятельности словенское национальное движение развивалось в чисто культурных рамках вплоть до революции 1848 г., хотя, конечно, элементы политического мышления появились у словенских национальных деятелей задолго до нее, например, у А. Линхарта и В. Водника.

Словенские национальные деятели до середины XIX в. основное свое внимание уделяли развитию отечественной культуры. Их литературная деятельность шла по двум направлениям. Серьезные труды, предназначенные для интеллигенции, писались по-немецки. "Опыт истории Крайны" Линхарта, "Грамматика славянского языка в Крайне, Каринтии и Штирии" Е. Копитара, многочисленные филологические работы последнего, все другие словенские грамматики были изданы на немецком языке. Для народа публиковались на словенском языке различные календари, содержавшие сведения по сельскому хозяйству, торговле, метеорологии, истории, словенские учебники для начальной школы, небольшие книжки религиозно-поучительного содержания.

В первый период базу словенского национального движения составляло крестьянство. Его идеологами выступали немногочисленные представители словенской интеллигенции, в большинстве духовной. Вплоть до 30-х годов XIX в. концепция развития словенской литературы не выходила за рамки просветительства. Суть ее заключалась в написании и издании книг, полезных для народа, т.е. таких, которые могли бы ему помочь в хозяйственных делах, способствовали бы его нравственному развитию.

В 30-е годы XIX в. база словенского национального движения расширилась — в него втягивались все более широкие слои городского населения, светской интеллигенции, интересы и вкусы которых не удовлетворялись той литературой на родном языке, которая издавалась до сих пор.

Новое поколение словенских культурных деятелей выработало концепцию отечественной культуры, которая могла привлечь к ней образованные слои общества. Его представители группировались вокруг альманаха "Краньска чбелица" ("Краинская пчелка"), душой которого стали блестящий ученый Матия Чоп (1797–1835) и великий словенский поэт Франце Прешерн (1800–1849). Чоп в мае 1830 г. высказал свое кредо относительно целей альманаха: "Главная польза, которую можно было бы ожидать от "Чбелицы" и подобных изданий та, что она пробудит интерес образованных

людей к родному языку и они помогут его созданию"¹. "Краньска чбелица" вышла четыре раза – в 1830, 1831, 1832 и 1834 гг. Наиболее выдающимся ее автором являлся Ф. Прешерн. Его стихи выражали самые тонкие мысли и чувства и по своему художественному уровню не уступали лучшим поэтическим творениям европейских поэтов.

В 30–40-е годы окрепли связи между словенскими просветителями и национальными деятелями других славянских народов. Основу для сотрудничества создавали близкие условия существования и сходные задачи, стоявшие перед славянскими народами Австрийской монархии: все они находились под чужеземной властью на протяжении многих десятилетий, все должны были бороться за свои права как в области культуры, так и в области политики. В словенских землях получила распространение идея славянской взаимности, провозглашенная Я. Колларом. У словенцев, как и у других южных славян, она приобрела форму илиризма. Установление и укрепление связей с другими славянскими народами содействовали заимствованию словенскими национальными деятелями не только идей, но и организационных форм тех славянских движений, которые были более сильными и развитыми. Так, название альманаха "Краньска чбелица" перекликалось с названиями "Северная пчела" (русская газета, выходившая в 1825–1864 гг.), "Ческа вчела" (литературное приложение к газете "Пражские новости" – "Пражская газета", издававшейся в 1834–1847 гг.) и т.д. Трудолюбивый пчелиный улей – популярный образ у славянских просветителей. И не случайно первые славянские издательства, возникшие в 20-е годы XIX в., получили имя "матича", ибо так называлась пчелиная матка, на которой держался пчелиный рой. В 30-е годы уже существовали Сербская матича (1826 г.) и Чешская матича (1830 г.). Несомненно, о их деятельности знали и Чоп, и Прешерн.

В 1839 г. Прешерн вместе со своим другом А. Смоле, богатым купцом из Крайны, попытался организовать издание книг на словенском языке. Вышло четыре книги. Однако смерть Смоле, финансировавшего это предприятие, не дала возможности Прешерну продолжить задуманное дело.

О создании словенского издательства мечтал и просветитель консервативного направления Антон Мартин Сломшек (1800–1862) Выходец из крестьянской семьи, он в 1824 г. закончил богословскую семинарию в Клагенфурте*, в которой с 1829 г. стал преподавать словенский язык. В 30-е годы он написал и опубликовал ряд книг для народа морально-религиозного содержания. В 1846 г. Сломшек получил место лавантинского епископа. Он перенес центр епархии из немецкого города Шент Андража в Марибор, где имелось значительное словенское население, что способствовало ослаблению германизаторских процессов в Лавантинской долине. Сломшек вел активную деятельность по созданию словенских начальных и воскресных школ в южной Штирии, составлял и издавал для них учебники. Наиболее популярным из них была хрестоматия "Блаже и Нежица в воскресной школе" (издана в 1842 г.). Любопытно, что из 4 тыс. экз. ее первого издания 80 были отправлены в Москву².

Сломшек хорошо понимал необходимость словенского издательства для дальнейшего распространения просвещения среди словенских крестьян. Еще в 1835 г. ему удалось издать несколько книг религиозного содержания на деньги лавантинского епископа³. В 1845 г. Сломшек предпринял попытку организовать словенское издательское общество. О ней рассказал каринтийский просветитель Матия Маяр Зильский в письме от 27 января 1845 г. Станко Вразу. "У словенцев, — писал он, — много говорят о необходимости издания полезных книг для народа, сегодня говорят одно, завтра — другое... Мне известно только то, что 6 января я ездил к Сломшеку в Шент Андраж, и именно в этот день он написал прошение и Устав этого общества и подал то и другое Лабудской консистории для пересылки люблянскому губернатору". Помимо публикации книг на родном языке общество должно было издавать религиозную газету для словенских священников. Спустя девять месяцев 14 октября 1845 г. Маяр сообщал Вразу, что общество, о котором хлопотал Сломшек, власти создать не позволи-

*Словен. — Целовец.

ли. "Если же хорошенько поразмыслить, — замечал по этому поводу Маяр, — не такое уж несчастье, что его не разрешили. Это общество имело целью издавать только молитвенные книги. Для этого нам не нужно никакого общества. С одними молитвенными книжками нельзя создать литературы"⁴.

Как можно видеть, М. Маяр (1809–1892), пламенный иллир, сохранивший верность идее славянской взаимности до конца жизни, один из создателей политической программы словенцев "Объединенная Словения", подходил к основанию словенского издательства с иных позиций, чем Сломшек. Маяр ясно сознавал, что в современных условиях необходимо публиковать словенские книги не только для широких масс полуграмотных крестьян, но и для словенской интеллигенции. То издательство, о котором мечтал Сломшек, не удовлетворяло уже потребностям развития словенской национальной культуры.

Таким образом, накануне революции 1848 г. некоторые словенские культурные деятели предпринимали попытки создать словенское национальное издательство. Однако они потерпели неудачу. Революция 1848 г. дала сильный толчок развитию словенского национального движения. В революционные годы возникло несколько словенских обществ, объединявших интеллигенцию, чиновников, торговцев, ремесленников; появились новые словенские газеты, наконец, была создана первая политическая программа "Объединенная Словения". Национальные идеи распространялись прежде всего среди городского населения, крестьянство пока оставалось к ним равнодушным.

Словенские (как и другие славянские) национальные деятели, поддерживая действия Габсбургов во время борьбы с венграми, надеялись, что австрийские власти выполнят их просьбы о расширении национальных прав. Однако надежды словенских политиков не оправдались. В первое послереволюционное десятилетие в Австрийской империи была запрещена всякая политическая деятельность. Словенские патриоты вновь должны были обратиться к сугубо культурной деятельности, но она уже развивалась по-иному: за ней незримо стояли политические концепции.

После 1848 г. надежды большинства словенских национальных деятелей на Габсбургов были в значительной степени подорваны. Среди них широкое хождение получили идеи славянской взаимности, но уже не в форме иллиризма, а в форме всеславянских идей. В начале 50-х годов многие из словенских культурных деятелей были уверены, что необходимо создать общий для всех славян литературный язык. Два словенских издания – журнал "Словенска бчела" ("Словенская пчела"), выходившая в Каринтии, и альманах "Зора" ("Заря"), выходивший в Мариборе и Загребе, – активно пропагандировали это.

"Словенску бчелу" (1850–1853 гг.) издавали каринтийцы А. Янежич, А. Эйншпиллер, М. Маяр. Журнал, хотя и имел сторонников среди части словенской интеллигенции, не смог стать сколько-нибудь популярным, ибо его язык не был понятен простому народу. Из-за убыточности он был закрыт. После неудачи, постигшей "Словенску бчелу", Янежич, Эйншпиллер, Маяр направили свои усилия на создание издательства для выпуска словенских книг. Это делалось "по воле и совету" епископа Сломшека. В 1852 г. в Целовце возникло Общество св. Могора, названное так в честь святого, который по преданию являлся первым проповедником христианства среди словенцев. Общество, учрежденное по замыслу Сломшека, ставило перед собою цели издания и распространения среди народа дешевых словенских книг религиозного и практически хозяйственного содержания. Это общество сыграло большую положительную роль, сделав словенскую книгу доступной для народа, расширяя в его среде знание словенского языка, побуждая к изучению словенской литературы. Но для прогрессивного, отвечающего требованиям буржуазного развития Словении крыла словенского национального движения такое издательство было явно недостаточным, ибо оно оказалось не в состоянии обеспечить развитие словенской художественной и научной литературы.

Изменения в политической жизни империи в 60-е годы способствовали дальнейшему размежеванию словенских национальных деятелей. Они разделились на два направления: старословенцев и младословенцев. Старословенцы выражали взгляды и инте-

ресы консервативной части словенского общества, связанной с купеческо-ростовщическим капиталом, духовенством, средними слоями городского и сельского населения. Младословенцы представляли собою пеструю массу, включавшую всех, кто стремился к новому содержанию и формам словенского национального движения, соответствовавшим современным условиям. Среди младословенцев были представители молодой национальной буржуазии, светской интеллигенции, молодых рабочих и крестьян, часть либерально настроенных священников.

У многих словенских национальных деятелей вновь появилась мысль о создании Словенской матицы. О том, каких позиций придерживались по этому вопросу различные словенцы, свидетельствуют записки видного русского славянофила Ивана Сергеевича Аксакова, путешествовавшего в мае-июне 1860 г. по словенским землям. Аксаков посетил Штирию, Каринтию, Крайну. В Мариборе, являвшемся центром словенской Штирии, он встретился с Б. Раичем, Д. Трстеняком, О. Цафом, священниками, придерживавшимися либеральных взглядов, в каринтийском Целовце — с А. Эйншпиллером и А. Янежичем; в Любляне — с издателем единственной словенской газеты "Кметийске ин рокоделске новице" ("Сельскохозяйственные и ремесленные новости", далее — "Новице") умеренным консерватором Я. Блейвейсом. Аксаков ознакомился с деятельностью Общества св. Могора, которое в то время насчитывало 1 100 членов. "Оно издает книги духовные и нравоучительные для народа и для детей, — записал он в дневнике, — все, проникнутое католическим духом. Это полезно в том отношении, что есть что читать народу по-словенски". Вместе с тем Аксаков считал, что "высшая деятельность, ученая, словенцев, не имеет ни органа, ни центра, ни средств". Единственный выход из этого положения Аксаков видел в создании Словенской матицы. Об этом он беседовал со словенскими национальными деятелями. В дневнике Аксаков так описывал их реакцию на его предложение. "Я говорил им (Трстеняку и Цафу. — И. Ч.) в Марбурге* об устрой-

*Словен. — Марибор.

стве Словенской матицы наподобие чешской. Они все обрадовались этой мысли... Раич хотел написать статью. У них нет средств. Я обещал, не ручаясь за успех, что буду собирать средства в Москве, и обещал прислать книг. Нет возможности снабжать нам книгами каждого в отдельности. Другое дело, если у них будет Центральная библиотека. Но в Эйншпиллере я нашел сильного противника мысли о Матице. Он чувствует, что высшее словенское развитие ускользает из рук духовенства. Не нужно нам Матицы, довольно дружба (Общества св. Могора, — И.Ч.), сюда должны стекаться все капиталы и усилия. — Но ведь изданиями подобного рода вы не подвигаете высшую умственную деятельность. Народность сохраняется высшим сознанием самой сущности народа. Важно не внешнее народности, но самое содержание этого слова. Но Эйншпиллер католик и враг этой мысли. Для него в католицизме все. "Пусть присоединятся к хорватской Матице, — сказал он, — мы сами по себе слишком слабы, у нас не из кого и составить Матицы", "Отчего же не присоединяются?" — спросил я. "Хорваты не хотят". Этого он не объяснил мне ясно, почему не хотят. Я думаю, тут причина та, что словене не хотят жертвовать своей народностью, своим языком, хорватскому... Блейвейс вполне за самостоятельное развитие словенства и не хочет слияния с хорватами. Он рад был бы Матице... Время удобное, но едва ли дело состоится. Епископы и старые все почти словенцы этого не захотят"⁵.

Аксаков в своем дневнике дал расстановку сил среди словенских национальных деятелей по вопросу о создании Словенской матицы: воодушевление штирийских патриотов; положительное, но отчасти неуверенное отношение к этому Блейвейса; и резкая оппозиция со стороны каринтийцев. В 1865 г. Б. Раич сообщил в небольшой заметке в газете "Словенец", издававшейся Эйншпиллером, что, путешествуя по Словении в 1860 г., Аксаков много агитировал за создание Матицы и обещал ей присылать все книги, которые выходят в Москве. Автор выражал уверенность, что Аксаков выполнит свое обещание⁶.

В свете записей Аксакова не кажется странным, что инициаторами создания словенской Матицы выступили штирийцы. Учредительный комитет Матицы был основан в Мариборе и состоял из видных штирийских патриотов. Проект Устава, списки членов, собранные деньги Мариборский комитет послал Блейвейсу вместе с письмом, в котором заявлял, что центром деятельности Словенской матицы должна стать Любляна⁷. 8 марта 1863 г. на заседании читальни в Лкбляне, посвященном тысячелетию миссии Кирилла и Мефодия в Великой Моравии, Л. Томан, один из ближайших сподвижников Блейвейса, заявил, что около сорока мариборских патриотов объявили себя членами-основателями Словенской матицы. Письмо штирийцев вскоре было напечатано в газете "Новице"⁸.

Против инициативы штирийцев выступила газета А. Эйшпиллера "Словенски приятель" ("Словенский друг"). 15 июля 1863 г. в ней была помещена статья, в которой словенцам предлагалось не создавать Словенскую матицу в Лкбляне, но соединить свои силы с Иллирской матицей, чтобы цвела Матица кгославянская. "Поддерживайте Общество св. Могора всеми силами, деньгами и пером", — призывал автор статьи⁹.

Однако на сторону штирийских патриотов решительно встали младословенцы, и прежде всего лидер их левого крыла Фран Левстик (1831–1887). Он происходил из крестьянской семьи. Учился в люблянской гимназии, но из-за антиправительственных взглядов вынужден был ее оставить. В 1854 г. Левстик поступил на теологический факультет в Оломоуце. Но в это время вышел сборник его стихов "Песни", который показался его начальству в Оломоуце безнравственным. В результате Левстик вынужден был уйти и с теологического факультета. По словам словенского историка культуры И. Приятея, "Левстик был скорее одарен, чем обучен, имел больше способностей, чем образования"¹⁰. Вернувшись в Словеник, Левстик несколько лет был домашним учителем, затем в 1861–1862 гг. занимал должность секретаря славянской читальни в Триесте. В 1863 г. он являлся редактором словенской

газеты "Напрей" ("Вперед"). Левстик напечатал в ней статью, посвященную Матице. "Кто сколько-нибудь знает, — писал он, — как приходится сейчас нашей литературе, должен понимать, что Матица была бы для нас не только полезна, но и необходима, и истинные патриоты уже долгое время мечтают о ней". Необходимость Матицы для словенцев обосновывалась тем, что частные издательства публикуют только те книги, которые приносят прибыль, вследствие чего многие полезные труды не выходят в свет. Именно поэтому Матица так же нужна словенцам, как слепому поводырь. По мнению Левстика, она должна не только распространять просвещение, но и быть для народа "непробиваемым щитом основательных знаний и благодетельного прогресса"¹¹.

Итак, вопрос о Матице был поставлен штирийскими либералами и активно поддержан Левстиком. Но Устав Матицы был составлен лидерами старословенцев на основе проекта мариборцев и уставов других славянских матиц. Этот Устав вместе с просьбой разрешить основать Словенскую матицу Я. Блейвейс, Л. Томан, Э. Коста отправили властям. 4 февраля 1864 г. власти разрешили создание Словенской матицы и утвердили Устав. Правда, в проект Устава были внесены поправки, например добавление, что подданные других государств могут быть избраны почетными членами общества только с согласия провинциального правительства¹².

Встает вопрос, почему Матица возникла у словенцев позже, чем у других славянских народов? При этом не только тех из них, национальные движения которых были более развиты, чем у словенцев (например чехов, сербов, хорватов), но и тех, которые находились в менее благоприятных по сравнению со словенцами условиях (русины, словаки)?

Ответ на этот вопрос пытались дать словенские исследователи. Так, Ф. Берник считает, что причинами позднего учреждения Словенской матицы являются, во-первых, слабость национальной буржуазии, которая только начала формироваться как класс, и вследствие этого недостаток средств, а во-вторых, значительное распространение среди словенских деятелей иллирских настроений,

что способствовало ограничению их интересов сотрудничеством с хорватской Матицей¹³. Ни в коем случае не умаляя значения двух указанных причин, все-таки добавим к ним и третью: у словенцев уже существовало национальное издательство – Общество св. Могора, которое отчасти удовлетворяло потребности словенской культурной жизни.

После того как Словенская матица была разрешена властями Крайны, настало время ее организационного оформления. 11 апреля 1864 г. собрался Временный комитет Матицы, избравший своим главою барона Антона Цойса, а его заместителем – профессора богословия Л. Вончину, казначеем – Е. Зупанца. Все трое были близки старословенцам. Секретарем Матицы, по представлению Блейвейса, назначили Левстика, получавшего ежемесячно за исполнение своих обязанностей 30 гульд. Было решено отпечатать в виде отдельной листовки призыв на словенском и немецком языках вступать в Словенскую матицу. Его разослали по приходам, по национальным обществам, газетам, отдельным лицам. Члены комитета постановили первук среду каждого месяца печатать в газете "Новице" списки тех, кто вступил в члены Матицы, кто пожертвовал ей средства.

В первое время число членов нового общества росло довольно медленно – за полгода в Матицу вступило всего 157 человек. Но уже к 11 мая 1865 г., когда было проведено первое общее собрание Матицы, она объединила 717 членов, при этом подавляющее большинство их было из Крайны и Штирии. К этому времени Словенская матица получила ряд крупных пожертвований: от Люблянского сберегательного банка 3 тыс. гульд., от епископа Й.Ю. Штросмайера и декана из Конци Розмана – по 1 тыс. гульд., от А. Цойса и предпринимателя Ф. Терпинца – по 500 гульд. В первый год Матица разослала своим членам календарь, в котором помимо собственно календаря были напечатаны очерк по истории Матицы, ее Устав, перечень членов, а также карту Словении, составленную П. Козлером и подаренную им Матице¹⁴.

Матица возникла как просветительская организация, объединившая в своих рядах как старословенцев, так и младословенцев.

Однако согласие между ними вскоре было нарушено. Политическая борьба, происходившая между консерваторами и либералами в словенской общественной жизни, оказывала большое влияние на положение внутри Матицы. После того как газета "Напрей" была вынуждена прекратить свое существование, снова встал вопрос об издании словенской политической газеты. Блейвейс, видя в ней возможного конкурента "Новицам", уже в мае 1864 г. предложил создать словенскую политическую газету на немецком языке. Левстик и младословенцы решительно выступили против этого, утверждая, что она должна печататься на словенском языке, чтобы быть доступной любому грамотному словенцу¹⁵. Спор о газете возвестил начало борьбы между старословенцами и младословенцами. Из прессы она перекинулась в национальные общества: Матицу, читальни, юношескую гимнастическую организацию Сокол и т.д.

26 апреля 1865 г., накануне первого общего собрания членов Словенской матицы, Левстик опубликовал в газете "Словенец" статью, направленную против временного комитета Матицы. Левстик считал, что необходимо изменить Устав общества, в частности параграф 11, который обязывал Комитет созывать общее собрание Матицы один раз в год. Он подчеркивал, что оно должно собираться столько раз, сколько того потребуют ее дела, ибо этот орган является "главным фактором и душой Матицы"¹⁶. Всесторонне пропагандируя расширение прав общего собрания Матицы, Левстик тем самым стремился уменьшить права возглавлявшего ее комитета.

Следующая статья Левстика, напечатанная также в газете "Словенец", была посвящена общему собранию Матицы, которое произошло 11 мая 1865 г. в Лкбляне. В ней с пафосом описывался сам праздник: сбор членов Матицы, богослужение в главном соборе Любляны в честь открытия собрания, ход заседания в зале магистрата и речи, произнесенные на нем, обед в Люблянской читальне. В создании Матицы Левстик видел знак понимания словенцами того, что они являются "сыновьями одной и той же матери Словении", хотя и живут в разных провинциях. Автор четко различал сре-

ди собравшихся оппозицию (прежде всего штирийцев Прелога, Вошняка, Сернеца и др.) и сторонников комитета Матицы во главе с Л. Светецом. В целом Левстик остался недоволен результатами собрания. Прежде всего его не устраивала та власть, которую по Уставу получал Комитет. Права же общего собрания ограничивались выбором членов Комитета, но оно практически не имело возможности влиять на расходование средств общества, на его издательскую политику¹⁷.

24 июня Блейвейс и Коста пришли в Матицу к Левстику с целью найти пути к примирению. Но примирения не произошло, напротив, отношения обострились еще больше. Старословенцы для устранения Левстика из руководства Матицы воспользовались одним из решений общего собрания. Дело в том, что Й. Вошняк, штирийский либерал, предложил на нем сделать должность секретаря Матицы бесплатной. Собрание приняло это предложение.

11 июля 1865 г. Комитет на основании решения собрания вынудил Левстика оставить место секретаря¹⁸. Руководство Матицы оказалось в руках старословенцев. Такое положение сохранялось весь первый период деятельности Словенской матицы – в 1864–1881 гг. Все это время ее политику формировали старословенцы.

Как уже говорилось выше, первым председателем Словенской матицы был барон А. Цойс, затем, после ее первого собрания им стал Л. Томан (1865–1869 гг.), потом – Э. Коста (1869–1874 гг.) и, наконец, Я. Блейвейс (1875–1881 гг.). Все они принадлежали к старословенцам, их лидером и идеологом являлся Янез Блейвейс (1808–1881), врач и ветеринар. Человек умеренно консервативных взглядов, он много сделал для распространения просвещения среди словенцев. С 1843 г. он стал издавать первую после "Люблянских новиц" Водника словенскую газету "Кметийске ин рокоделске новице", которая долгое время занимала ведущее положение в словенской прессе.

Газета "Новице" была предназначена для крестьян, ремесленников, мелких торговцев, духовенства. В ней печатались статьи по сельскому хозяйству, метеорологии, торговле, медицине, истории, искусству. Блейвейс был убежден, что литература долж-

на быть понятной всему народу, а не только несколькими сотням интеллигентов. Она должна пробуждать у людей любовь к своему народу, родине, императору. Эстетические достоинства литературы не интересовали Блейвейса, он считал, что оценку любому произведению нужно давать, исходя из его практической, материальной или моральной пользы. Эти принципы и были положены Блейвейсом в основу деятельности Матицы, и их он неуклонно отстаивал до конца. "Пусть другие Матицы гордятся изданием множества развлекательных книг, романов и т.п., — заявил Блейвейс на общем собрании Матицы 16 апреля 1880 г., — пусть гордятся изданием театральных пьес... Мы радуемся, если при своих скромных финансовых возможностях предлагаем нашим членам кроме "Летописи" различные научные книги... Нам, словенцам, надо сегодня всегда ставить полезное перед сладким"¹⁹.

То, что во главе Матицы стояли старословенцы, вовсе не означало, что их политика не встречала отпора в рядах членов комитета Матицы, среди которых всегда имелось определенное количество либералов (Р.Разлаг, Б.Раич, Д.Трстеняк, Ф.Эрьявец, позднее Ф.Шуклье и некоторые др.). Основной ареной столкновений между старословенцами и младословенцами стали заседания Комитета и общие собрания Матицы. С начала 70-х годов после затухания таборского движения, в котором участвовали как младословенцы, так и старословенцы, отношения между ними резко обострились. Этому способствовал приход к власти в Вене в 1872 г. немецких либералов, начавших проводить централизаторскую политику. Для отпора им немецкие консерваторы-федералисты организовали свою партию, которая выступала за расширение автономии провинций и ослабление центральной власти. Словенские консерваторы во главе с Блейвейсом поддерживали австрийских федералистов. Против блока с последними выступили младословенцы.

Все это не могло не сказаться на взаимоотношениях между консерваторами и либералами внутри Словенской матицы. При этом поводы для столкновений были самыми разнообразными. Наи-

более значительный спор между старословенцами и младословенцами разгорелся по поводу покупки типографии. 9 июня 1872 г. с предложением купить типографию Блазника для нужд Матицы выступил ее секретарь А. Лесар. До сих пор Матица печатала свои труды именно в этой типографии, владелец которой являлся одним из ее членов-основателей. Однако Блазник умер, закономерно возросла тревога по поводу его наследников – на каких условиях согласятся они в дальнейшем сотрудничать с Матицей. Против предложения Лесара решительно выступили Р. Разлаг и Д. Трстеняк. В результате 15 членов Комитета проголосовало за покупку, 8 – против. Среди последних большинство составляли младословенцы. Для того, чтобы решение считалось принятым, необходимо было собрать 2/3 голосов²⁰. Не хватило всего одного голоса, вследствие чего вопрос о покупке типографии был отложен на продолжительное время.

Еще раньше, 30 ноября 1870 г., возник вопрос о характере постоянного печатного органа общества – "Летопис Матице словенске" ("Летопись Матицы словенской"). Разлаг посоветовал издавать ее четыре раза в год, превратив ее в журнал с чисто научным содержанием. Предложение Разлага было отвергнуто по финансовым соображениям: руководство Матицы заявило, что оно не обладает достаточным количеством средств, чтобы содержать подобное издание²¹.

Спустя шесть лет этот вопрос снова был поднят Б. Раичем. На заседании Комитета 16 февраля 1876 г. было прочитано письмо, в котором Раич предложил основать строго научный ежемесячный журнал. И снова комитет Матицы не принял этого предложения, объяснив свой отказ нехваткой денег²².

Однако на этот раз уклониться от решения вопроса о научном журнале, как это было в 1870 г., руководству Матицы не удалось. К середине 70-х годов членами общества стали многие представители молодого поколения словенских либералов, такие, как литератор Ф. Левец, политик Ф. Шуклье. Младословенцы 60-х годов получили сильную поддержку. Наметившуюся перемену в расстановке сил внутри Словенской матицы показало ее общее собрание

(двенадцатое по счету), состоявшееся 24 января 1877 г. Главной темой дискуссии на нем стал вопрос о научной состоятельности трудов, публикуемых Матицей, о необходимости учредить специальное научное издание. Й. Юрчич, известный словенский писатель, заявил, что многих не удовлетворяет деятельность Матицы: члены ее за прошедший год получили всего две книги и три атласа. Последние же гораздо менее нужны людям, чем книги. Юрчич упрекал руководство Матицы в том, что оно не привлекает к сотрудничеству молодежь, а ограничивается публикацией трудов авторов старшего поколения. М. Плетиершич, впоследствии известный словенский филолог, поддержал предложение Раича о создании научного журнала и предложил для этого избрать комитет из трех ученых: филолога, историка и естествоиспытателя.

Но наиболее яркой и впечатляющей была речь Ф. Шуклье. Он подверг резкой критике печатную продукцию Матицы, прежде всего "Летопис Матице словенске" за 1876 год и плохо исполненные и очень дорогие карты. Шуклье отрицательно отзывался об опубликованной биографии покойного председателя Матицы Л. Томана, которая, по его мнению, представляла собою не описание жизни современного поэта и политика, а примитивный рассказ о святом для детского чтения. Причиной того, что Матица издает столь малоценные труды, является то, что она привлекает к сотрудничеству только своих старых авторов, не давая простора для молодых, пишущих в современном духе, писателей. Среди членов Матицы, продолжал Шуклье, существует две партии. Одна из них считает, что "наука сама по себе является средством и целью; она не признает никаких границ, кроме тех, которые ставят возможности человеческого разума". Вторая же партия, меньшая по числу сторонников, убеждена, что "наука лишь покорная служанка религии". Руководство Матицы должно принимать во внимание только научную ценность статей, предназначенных для ее изданий, а не политические взгляды их авторов. Теперешнее руководство Матицы не внушает доверия молодому поколению, поэтому оно и не пишет для изданий Матицы. Шуклье горячо поддержал предложение Раича об учреждении научного журнала.

Речь Шуклье вызвала бурю среди консерваторов. Наиболее наступательной была речь Флиса. Отметив, что Матица не отвергла даже той статьи, которая так и дышит духом Дарвина (имеется в виду статья "Мозг" М. Самца, опубликованная в "Летописи Матице словенске" за 1876 г.), Флис подчеркнул: "Наш народ ничего не потеряет, если не будет знать Мошоттов, Шопенгауэров, Дарвинов и других подобных философов". Блейвейс, в то время занимавший пост председателя Матицы, не встал ни на ту, ни на другую сторону. Он сказал, что решение о журнале будет рассмотрено позднее.

Противоречия в Матице, которые так четко выявились на общем собрании 24 января 1877 г., имели свое развитие на заседаниях ее Комитета. В частности, вопрос о журнале был поднят снова на заседании Матицы 30 июля 1877 г. Был избран комитет по подготовке его издания, согласно предложению Плетишника, в который вошли Парапат, Раич, Трстеньяк. Однако издание журнала было решено отложить до следующего года, так как предварительно свое согласие подписаться на него выразил всего 71 человек²³.

Толчком к переустройству Словенской матицы стали "Письма из Загреба" Й. Старе, напечатанные в словенском литературном журнале "Люблянски звон" за 1881 г. В них рассказывалось о Хорватской матице, которая после реформирования переживала новый подъем.

Общее собрание Словенской матицы 17 апреля 1881 г. прошло достаточно бурно. Раич выступил с резкой критикой руководства Матицы. Указав, что число членов Матицы неуклонно снижается, он выразил убеждение, что дальнейший ее прогресс невозможен, если не будет изменен Устав, а в руководство не войдут современные образованные люди²⁴.

29 ноября 1881 г. умер председатель Матицы и вдохновитель ее политики Янез Блейвейс. Общее собрание 14 июня 1882 г. стало поворотным пунктом в истории Матицы. В ее руководство были избраны молодые, образованные литераторы Ф. Левец и Ф. Висталер, которые стали оказывать большое влияние на издательскую политику Словенской матицы. С этого времени началась новая эпоха в ее истории.

Что же представляла собою Словенская матица в рассматриваемый период? По количественному составу это была одна из наиболее многочисленных словенских национальных организаций: больше членов, чем она, имело только Общество св. Могора. К первому общему собранию (11 мая 1865 г.) Матица насчитывала 712 человек. Из них 379 были светскими лицами, а 333 — духовными²⁵. Ко второму общему собранию (27 сентября 1866 г.) уже имелось 1 008 членов Матицы²⁶, а к третьему (1 июля 1867 г.) — 1 200, из числа которых священников было 599, а светских — 601 человек²⁷. Как можно видеть, в первые годы существования Матицы число ее светских и духовных членов было приблизительно равным. В 1874 г. исполнилось 10 лет со дня основания Словенской матицы. К этому времени в ее состав входило более 2 300 человек²⁸. Однако далее медленный, но неуклонный количественный рост Матицы прекратился. В 1877 г. в ней насчитывалось всего 2 144 члена²⁹, а в 1880 г. — 1 584³⁰. Уменьшение числа членов Матицы к концу 70-х годов XIX в. указывало на нарастание в ней кризисных явлений.

Все члены Матицы делились на три категории: члены-основатели, годовичные члены и почетные члены. Члены-основатели вносили сразу 100 гульд. и после этого получали до конца своей жизни все издания Матицы. Годовичные члены платили взносы каждый год. Почетные члены избирались из числа наиболее выдающихся деятелей словенского и других славянских народов. Всего за указанный период их было семь: словенцы — известный славист Ф. Миклошич, поэт Й. Весел-Косески, сам Я. Блейвейс, чехи — политические лидеры Ф. Палацкий и Ф. Л. Ригер; хорват — президент Югославянской академии наук и искусств Ф. Рачки, русский — протоиерей русской посольской церкви в Вене М. Ф. Раевский. Если шесть первых членов являлись подданными габсбургской монархии, то Раевский был единственным, кто имел иностранное подданство (российское). Кстати, именно Раевского Словенская матица избрала первым своим почетным членом. Уже 18 ноября 1866 г. Раевскому было послано письмо за подписью ее председателя Л. Томана и секретаря А. Лесара. "С радостью Вам сообщаем, — говорилось в нем, — что: Комитет Словенской матицы на своем 5 заседании

15 ноября сего года согласно § 16 Устава Матицы по предложению председателя д-ра Ловро Томана единогласно избрал Вас первым почетным членом Матицы словенской в Любляне.

Основанием, которым он подкрепил это предложение, были Ваше великодушие и Ваше благое... старание, благодаря которому Вы благосклонно достали нашей библиотеке столько превосходнейших и очень дорогих книг, что она теперь насчитывает больше русских, чем всех других славянских книг.

Пусть это избрание станет для Вас доказательством того, как высоко чтим и признаем мы Ваши бесценные заслуги перед нашим благим, но до сих пор еще бедным обществом"³¹.

В тот же день, 18 ноября, руководство Словенской матицы послало провинциальным властям Крайны просьбу подтвердить избрание Раевского ее почетным членом. Правительство утвердило решение комитета Матицы. 29 ноября 1866 г. Раевский отправил благодарственное письмо Словенской матице. "Все, что я сделал для Матицы словенской, — писал он, — я сделал как всякий другой славянин должен был сделать. И все, что могу и впредь сделать для своих словенских братьев, сделаю с большим удовольствием, только прикажите"³².

Раевский и в дальнейшем до самой своей смерти в 1884 г. осуществлял посредническую деятельность между Словенской матицей и русскими общественными и научными организациями.

Что касается членов-основателей и годичных членов, то соотношение между ними было различным в разное время. В первые годы число их было почти одинаковым. Так, на 1 января 1865 г. в Матице насчитывалось 334 членов-основателей и 378 годичных членов, а на 1 июля 1866 г. — 370 членов-основателей и 371 годичный член. Но уже к 1 июля 1870 г. разрыв между этими категориями значительно увеличился. Членов-основателей было 394, зато количество годичных членов возросло более, чем в три раза — их уже было 1 209 человек³³. И в дальнейшем число годичных членов росло гораздо быстрее, чем число членов-основателей.

Членами—основателями и годичными членами могли быть как отдельные лица, так и целые общества. И количество обществ было достаточно весомым. Так, в 1869 г. членами Матицы были 52 общества. Это были главным образом словенские читальни, библиотеки, школы, городские и сельские общины. Наряду с ними членом Матицы были и Сберегательный банк Крайны, и францисканский монастырь в Новом Месте, и студенческое общество "Словения" в Граце³⁴. С 1871 г. членом—основателем Словенской матицы стало Славянское благотворительное общество в Петербурге, внесшее свой взнос в 100 гульд.³⁵

Общие собрания членов Словенской матицы созывались ежегодно. На них могли присутствовать все члены Матицы. Однако практически на собрание приходила их незначительная часть. Так, в 1866 г. в голосовании по выборам комитета Матицы участвовал 61 человек (общее число членов — 1 008)³⁶, а в 1877 г. — 80 человек (общее число членов 2 144)³⁷. Таким образом, мечта Левстика о том, чтобы все члены Матицы в лице ее общего собрания стали истинными хозяевами ее средств и направляли бы ее издательскую политику, все равно не могла осуществиться, так как их подавляющее большинство совершенно не проявляло интереса к борьбе в руководстве и довольствовалось вполне получением книг на словенском языке. Общее собрание избирало комитет Матицы.

Основной задачей Словенской матицы было издание литературы на словенском языке. При этом помимо распространения книг среди широких народных масс, Матица ставила перед собою и другие цели: развитие словенской культуры, создание средней словенской школы и др. Вопрос о национальной художественной литературе занимал Матицу в первый период ее существования значительно меньше.

Первым шагом Матицы было основание своего ежегодного сборника. В декабре 1864 г. вышел в свет словенский календарь на 1865 г. В нем помимо календаря содержались сведения по истории Матицы, были напечатаны списки ее членов. Затем (в 1865 и 1866 г.) были изданы два тома календаря и летописи. Каждый из этих двух томов делился на две части: собственно кален-

дарь и летопись Словенской матицы. В календаре излагались важнейшие исторические события по месяцам. Затем перечислялись праздники славянских католических святых, приводились астрономический календарь с указанием положения солнца, луны и планет в каждый месяц, хронология важнейших событий мировой истории от сотворения мира до вступления на престол императора Франца-Иосифа в 1848 г.; краткие сведения о частях света и важнейших государствах, данные об австрийской императорской семье и т.д. Любопытен был выбор исторических событий по месяцам. Так, в январе отмечались: провозглашение нового свода законов Иосифом II, утверждение Францем-Иосифом устава Югославянской академии наук и искусств в Загребе, начало издания первой словенской газеты "Лублански новице", посвящение Мефодия епископом Моравии, годовщина смерти знаменитого чешского слависта Й. Добровского, смерть словенского просветителя и поэта Валентина Водника, первый раздел Польши, захват Иваном IV Новгорода, раздел Римской империи в 395 г., принятие христианства чешским князем Боривоем, землетрясение 1348 г., одно из самых разрушительных в словенских землях³⁸. Автор календаря считал необходимым рассказать словенскому читателю об исторических событиях, происходивших в чешских, хорватских, русских, польских землях наряду с фактами из истории словенцев и Австрии.

Вторая часть календаря и летописи в свою очередь делилась на два раздела: в первом из них публиковались краткие протоколы годового общего собрания Матицы и заседаний ее Комитета, список ее членов, отчеты о финансовых делах, о связях с другими обществами; во втором же разделе — несколько статей на научные темы, стихи и проза.

С 1869 г. ежегодник Матицы стал называться "Летопись Матице словенске" (далее — "Летопись"). Из него полностью выпал календарь, зато вторая часть с двумя разделами сохранилась полностью. Помимо "Летописи" Матица издавала отдельные книги и атласы.

Следует подчеркнуть, что художественная литература не была в числе ее фаворитов. Из художественных произведений боль-

ше всего публиковалось переводов. Уже в первых номерах "Летописи" были представлены переводы с русского и немецкого языков стихотворений Гете, Бюргера, Шиллера, Лессинга, Уланда, а также Державина, Хомякова, Лермонтова. В 70-е годы на страницах "Летописи" появились переводы произведений Н.В. Гоголя ("Тарас Бульба", "Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем"), Кулеша ("Михаил Чернышенко или Малороссия восемьдесят лет тому назад"), И.С. Тургенева (фрагмент романа "Новь"), а также романа французского писателя Сент-Пьера "Павел и Виргиния"³⁹.

Преобладание переводов сочинений иностранных писателей в изданиях Матицы объяснялось не столько ее стремлением познакомить своих читателей с мировой литературой, сколько незначительным количеством имевшихся в то время оригинальных словенских произведений. Все же и в указанный период Матица имела некоторые заслуги в публикации сочинений словенских литераторов. Так, произведения писательницы Луизы Песьяковой неоднократно появлялись на страницах "Летописи". Там же печатались и стихи поэтов С. Грегорича и А. Фунтека. Среди прозаиков, которые сотрудничали с Матицей, следует отметить А. Еглича, И. Огрина, Ф. Детелу, Д. Трстеньяка. Кроме того, отдельными изданиями Матица выпустила в свет три стихотворных сборника: в 1869 г. — Валентина Водника, в 1870 г. — И. Весела-Косеского, в 1871 г. — Л. Томана⁴⁰. Подбор поэтов был полностью в духе старословенцев. Когда на первом собрании Словенской матицы 11 мая 1865 г. Х. Доленц предложил издать сочинения величайшего словенского поэта Ф. Прешерна, его предложение было отвергнуто. Спустя два года руководство Матицы отказалось взять на себя публикацию стихов поэтов-младословенцев Цегнара, Левстика, Вильхара, о чем хлопотал каринтийский просветитель А. Янежич.

Нужно отметить, что оригинальная словенская литература была представлена в изданиях Матицы значительно слабее, чем в изданиях А. Янежича "Словенски гласник" ("Словенский вестник"), "Цветье из домачих ин туих логов" ("Цветы с отечественных и чужеземных лугов"). За первое десятилетие своего сущест-

ования Матица издала 47 книг, из которых только вышеназванные сборники стихов относились к художественной литературе.

Создатели Словенской матицы видели в ней прежде всего организацию, которая должна способствовать развитию словенской науки. Старословенец Блейвейс считал Матицу "научным обществом", а младословенец Б. Раич даже называл ее "нашей Академией"⁴¹. Именно поэтому главное место в изданиях Матицы отводилось научным статьям. Но уровень словенских ученых в 60–70-е годы XIX в. был достаточно низок. Наиболее известные из них такие, как блестящий филолог Ф. Миклошич и профессор Г. Крек, работали в немецких университетах Вены и Граца и писали свои труды на немецком языке. Ученые, жившие постоянно в словенских землях, отличались дилетантизмом, всеславянской романтической ориентацией. Это касалось прежде всего тех, кто писал по языкознанию, истории, истории литературы. Среди них главное место в первые годы деятельности Матицы занимал Д. Трстеняк.

Даворин Трстеняк (1817–1890) был одним из выдающихся словенских просветителей в Штирии. Будучи священником, он вместе с тем принадлежал к либеральному крылу словенского национального движения. Еще до революции 1848 г. Трстеняк примкнул к иллирам. В 50–70-е годы он активно участвовал в словенском национальном движении, сочувствуя в нем младословенцам. При его активной поддержке были основаны национальная читальня в Целье (1862 г.), Словенская матица, Общество словенских писателей (1872 г.). Трстеняк писал в словенские газеты и журналы повести, юмористические рассказы, заметки о путешествиях. Но больше всего его увлекало занятие древней славянской историей, мифологией, этимологией. Почти в каждой книге ежегодного издания Матицы он помещал свои заметки по этой тематике. Там же были опубликованы две его крупные работы: "Исследования в области старославянской мифологии" ("Летопись" за 1869, 1870 и 1871 гг.) и "Славянские элементы в венецианском наречии" ("Летопись" за 1874, 1875, 1876, 1877 гг.). В предисловии к последней работе Трстеняк объяснял написание ее своим желанием

представить на съезд археологов в Киеве какое-нибудь ученое сочинение, поскольку он является членом-корреспондентом Московского археологического общества. "То, что мой преждевременно скончавшийся славный друг А. Гильфердинг, — продолжал Трстеньяк, — в своем замечательном труде "Древнейший период истории славян", глава вторая "Венеты" (см. "Вестник Европы", т. IV, с. 154—230) обосновал исторически, здесь дополняется и подтверждается филологическими доказательствами"⁴². Трстеньяк был знаком с рядом выдающихся российских славистов, с некоторыми из них вел переписку. Он встречался с И.С. Аксаковым, А.Ф. Гильфердингом, А.С. Будиловичем, И.А. Бодуэном де Куртенэ, А.А. Котляревским. Наиболее полное взаимопонимание у Трстеньяка возникло с Гильфердингом, который воспринял точку зрения словенского ученого об автохтонности славян на территории Словении. По-видимому, в упомянутом выше труде Гильфердинг использовал некоторые данные Трстеньяка.

Со времени своей первой поездки в Словению в 1872 г. с Трстеньяком был знаком и Бодуэн де Куртенэ. Последний, как и Гильфердинг, испытал на себе влияние некоторых взглядов словенского ученого, в частности, его теории о турано-славянском происхождении резьян (ветви словенцев, проживающих в долине Резьи в Северной Италии). Трстеньяк семь лет вел интенсивную переписку с Бодуэном. В 1879 г. он послал ему на рецензирование свой труд "Славянские элементы в романских языках". Бодуэн, при всей своей симпатии к словенскому ученому, дал беспристрастный отзыв на его книгу. Отметив, что представленный в ней материал заслуживает внимательного изучения со стороны лингвистов и историков, он тем не менее делал вывод, что книга не научна, а метод ее автора произволен. "Мы должны заявить, — писал Бодуэн, — что г. Трстеньяк не доказал окончательно славянского происхождения ни одного из разбираемых им романских слов"⁴³. Таков был научный уровень главного авторитета Словенской матицы по истории и филологии. Возможно, рецензия Бодуэна послужила причиной того, что после "Славянских элементов в венецианском наречии" в "Летописи" не было напечатано ни одного произведения Трстеньяка.

Близким к Трстеняку по методике был Матевж Равникар Поженчан, также писавший исторические сочинения для Матицы. К его труду "Следы славян у древних народов" Трстеняк написал небольшое предисловие. Сопоставляя санскрит со славянскими языками и по-своему интерпретируя свидетельства древних авторов, Поженчан делал вывод, что славяне и индусы произошли от одного народа, а скифы (он называл их "чудами") являлись славянами⁴⁴.

В том же духе была выдержана и одна из первых книг, изданных Матицей в 1866 г., – "История словенского народа" Янеза Трдины. Она была написана еще в 1850 г. Из патриотических побуждений автор вставил туда ряд придуманных им данных. Трдина противился напечатанию этой книги, но она была все-таки издана Матицей.

В "Летописи" публиковались компилятивные труды на исторические темы, как например, статьи Ф. Ярослава (Штрукель) "Черногория и Степан Малый", Ф. Черногорского "Об идолопоклонстве в древнем Риме" и т.д.

Наконец, группа историков писала о событиях словенской истории, опираясь на опубликованные источники и архивы. Именно их скромные исследования на частные темы стали этапом в создании словенской исторической науки. К их числу нужно отнести Янеза Парапата (1838–1879), который опубликовал в "Летописи" ряд своих статей: "О крестьянских бунтах вообще и о восстании 1573 г. в частности" (1869 г.), "Войны с турками в XV и XVI веках, особенно те, которые затрагивали словенцев" (1871 г.), некоторые документы по истории словенских городов Крања, Радовлицы, Камника, Кочевья, Велесова (1870, 1872/73, 1874, 1876 гг.). Петр Павел Радич (1836–1912) поместил в "Летописи" несколько любопытных работ: "Вальвасор в отношении к славянам" (1877 г.), "Словенский язык, письменный и устный, в школах и учреждениях" (1879 г.), "Искусство и художественные промыслы словенцев" (1880 г.). Особый интерес представляла единственная статья Ф. Брадашки (1829–1904) "О древней-

шей словенской истории", направленная против теории автохтонности словенцев, выдвинутой Трстеньяком. Ряд его высказываний по древнейшему периоду истории словенцев признает и современная словенская историография.

К концу рассматриваемого периода деятельности Словенской матицы на страницах "Летописи" выступила плеяда молодых словенских историков. Они не только писали свои труды на основе архивных материалов, но и внесли в них критику источников. Среди этих молодых историков следует отметить Ф. Шуклье (1849–1935), написавшего статью о чешском политическом деятеле и историке Ф. Палацком (1877 г.), И. Врховца (1852–1902), опубликовавшего работу "Германцы и их влияние на славян в средние века" (1879 г.), С. Рутора (1851–1903), напечатавшего труд "Значение "Иордана" для словенской историографии" (1880 г.)⁴⁵. Деятельность этих историков заложила основы словенской исторической школы.

Словенская матица печатала немало трудов по истории культуры и лингвистике. Они также различались своими достоинствами. Несколько заметок по этой тематике написал штирийский просветитель священник Божидар Раич (1827–1886). В молодости он увлекался идеями иллиризма, в 50-е годы являлся сторонником всеславянского языка и даже опубликовал сочинение "Введение во всеславянскую грамматику" в альманахе Р. Разлага "Зора" (Загреб, 1852 г.). В 60–70-е годы Раич активно участвовал в таборском движении, в создании национальных читален в Птуе и Лютомере. Он одним из первых словенских национальных деятелей стал проявлять интерес к прекмурским словенцам, жившим на территории Венгерского королевства. В "Летописи" Раич опубликовал о них статьи "Данные о прекмурцах и их говоре" (1868 г.) и "Прекурские писатели и книги" (1869 г.). В них содержались общие сведения о прекмурских диалекте и литературе. Но основной пафос этих сочинений Раича заключался в его гневном осуждении политики денационализации, которую проводили по отношению к прекмурцам венгер-

ские власти⁴⁶. В связи с созданием Югославянской академии наук и искусств он написал очерк по истории академий, начиная с древней Греции. Раич был уверен, что Югославянская академия наук и искусств "так же нас, словенцев, примет в свой круг"⁴⁷. Исторические и филологические экскурсы в его сочинениях являлись как бы иллюстрацией к политическим выводам автора. Наиболее политизированной была заметка Раича "Свобода". В ней он рассматривал свободу как порождение христианской цивилизации, солнце общественной жизни, которое угрожает насильникам и мракобесам. "Свобода ..., — писал Раич, — ... главный двигатель всемирной истории... ее тяжело добыть, еще тяжелее удержать". Венгры, по мнению писателя, не понимают истинной сути свободы. Они хотят быть свободными сами, оставляя при этом своих соседей в неволе. Без равенства нет свободы, ибо "свобода и равенство — необходимые принципы разумного правопорядка"⁴⁸.

Такую же политическую направленность имела и статья "Словенская литература" богослова Франца Марешича. Главная мысль ее заключалась в утверждении, что "образование, науки и искусства охраняют народ от телесной и духовной смерти", что от денационализации словенцев может спасти только развитие их культуры. Последняя, по мнению автора, должна развиваться в тесной связи с религией и в духе славянской взаимности. Р.Радич и А.Еглич, будущий ljubljanski епископ, писали о словенских писателях XVII в., появившихся на волне контрреформации. Несколько статей были посвящены литературам других славянских народов. Ф.Ярослав и Е.Волчич опубликовали статьи о знаменитых подделках В.Ганки — Краледворской и Зеленогорской рукописях, при этом оба отстаивали их подлинность. Труд И.Навратора касался взаимоотношений императора Александра II и его воспитателя русского поэта Жуковского. Все перечисленные сочинения были написаны в романтическом всеславянском духе⁴⁹.

К началу деятельности Словенской матицы филология как наука была развита более, чем история и история литературы.

Со второй половины XVIII в. в словенских землях вышло значительное количество словенских грамматик и словарей. Поэтому лингвистические статьи в "Летописи" были написаны сравнительно профессионально, если не считать трудов Д. Трстеньяка. Серьезную работу о говоре прекмурцев опубликовал штирийский филолог М. Вальявец (1874 г.), Ф. Эрьявец напечатал ряд заметок о словенских названиях растений и животных (1875, 1879, 1880, 1882/83 гг.). Записи Эрьявцем были сделаны настолько квалифицированно, что вошли без изменений в словенско-немецкий словарь М. Плетершника⁵⁰.

Одной из важных своих задач Словенская матица считала сбор фольклора, публикацию его образцов и различных этнографических материалов. В мае 1868 г. словенский публицист Ф. Кочевар, живший в Загребе, опубликовал небольшую заметку об архиве С. Враза. В ней он сообщал о наличии в бумагах Враза словенских источников, прежде всего текстов народных песен. Их Враз собирал в 30-е годы в словенских землях, часть их издал в 1839 г., а оставшиеся хранились в его архиве. После этой публикации начались переговоры между Словенской и Иллирской матицами, в результате которых последняя передала в Люблянскую словенские материалы архива. 15 октября 1869 г. на заседании Комитета было зачитано письмо Ф. Кочевара, в котором он предлагал Словенской матице издать народные песни, базируясь на коллекции Враза и дополнительно собранном материале. Члены Комитета приняли это предложение, а 4 ноября 1868 г. в газете "Новице" уже появился призыв к словенским патриотам собирать фольклор и посылать его Матице. Это обращение нашло горячий отклик. К 1876 г. было получено от 22 собирателей фольклорных записей объемом в 50 томов. Встал вопрос об издании сборников словенских народных песен. В 1871 г. это было поручено профессору Грацкого университета Г. Креку. Однако последний не сумел договориться с Блейвейсом и отказался от поручения. Был предпринят еще ряд попыток осуществить задуманное издание, но они

увенчались успехом только в 1887 г., когда за дело взялся молодой ученый Карел Штрекель.

В 1868 г. в кругах Матицы возникла идея издать шесть томов по истории и этнографии славянских народов. 15 октября это предложение рассматривалось на заседании комитета Матицы. Инициаторами его выступили штирийские профессора гимназии Я. Майцигер и Й. Шуман⁵¹. Число предполагаемых томов вскоре сократилось до трех. Вышла же в свет в 1874 г. всего одна книга из задуманного цикла "Югославяне". Введение было составлено Майцигером, который просто перевел статью о южных славянах из первой чешской энциклопедии "Научный словарь Ригера". Очерки о словенцах, хорватах, сербах подготовил М. Плетершник, о болгарях – Б. Раич. Очерки были написаны в романтически-всеславянском духе. После выхода первого тома предполагалось в скором времени издать и 2-й том "Северные славяне". Его брались написать Майцигер и Шуман, о чем говорилось на десятом общем собрании Матицы 19 мая 1875 г.⁵² Однако дальнейшие разговоры дело не пошло.

В "Летописи" публиковали произведения народного творчества Трстеняк, Мацун, Эрьявец и др.

Не меньше внимания, чем истории, филологии, этнографии, Матица уделяла географической тематике. Уже в первый год существования общества его члены получили карту П. Козлера, называвшуюся "Карта словенских земель и областей". Впервые она была издана в 1852 г. Правительство Баха усмотрело в ней напоминание о программе Объединенной Словении, возникшей в революционном 1848 году. Оно запретило распространение карты, а автора отдало под суд. Запрет был отменен только в 1861-м, а в 1864 г. вышло 2-е изд. карты Козлера. В 1866 г. Матица опубликовала перевод двух книг чешского географа и статистика И. Эрбена "Герцогство Крайна. Географический, статистический и исторический обзор" и "Герцогство Каринтия". Книги эти вызвали критику ряда словенских культурных деятелей. Поэтому написание подобного обзора Штирии решено было поручить не-

скольким ученым штирийцам. В 1868 г. была издана монография "Словенская Штирия. Страна и люди", которую написали Й.Шуман, И. Жужа и Я. Майцигер. Все они не являлись профессионалами, например Шуман был филологом, а Жужа – предпринимателем, поэтому книга не отличалась большими достоинствами. В 1870 г. увидела свет еще одна книга о словенской Штирии, посвященная экономике этой провинции.

Ряд статей по географии появился и в "Летописи": И. Мацуна "Землетрясения и вулканы" (1868 г.) и А. Крижича "Сава" (1869 г.). С 1869 по 1877 гг. Матица издала 6 томов "Атласа мира". Публикация оказалась дорогой и слабой в научном отношении. Во-первых, она включала только политические карты, во-вторых, все географические названия даже немецкие, были славянизированы: вместо Мюнхена был Мнихов, вместо Дрездена – Драждани и т.д.⁵³

Что касается естественных наук, то большинство книг по этой тематике являлись переводами чешских и немецких учебников. Переводчиками выступали Ф. Эрьявец и И. Тушек. В "Летописи" публиковались и оригинальные статьи. Известный интерес представляли статьи врача из Камника М. Самца, написанные в научно-популярном стиле: "О воздействии климата на человеческий организм и развитие его болезней" (1871 г.), "Мозг" (1874 г.), "Каннибализм" (1876 г.). На него оказали известное влияние новейшие теории, в частности Ч. Дарвина. Активно использовал Самец в своих работах русскую медицинскую терминологию⁵⁴.

Особенно большое значение имела деятельность Матицы для введения словенского языка в средние учебные заведения. В начальных классах словенский язык стал языком обучения еще задолго до 1848 г., в средние же школы он начал вводиться лишь в 50-е годы. Препятствовало этому не только известное противодействие властей, но и отсутствие словенских учебников для средних школ. В 50-е годы издаются первые национальные хрестоматии для гимназий. Общество св. Могора в 60-е годы публикует переводы чешских учебников: Покорны "Зоология" (перевел Эрьявец) и "Ботаника" (перевел Тушек). Но эти учебники не

могли полностью удовлетворить запросы словенской средней школы.

Уже на третьем заседании Комитета Словенской матицы 7 июня 1866 г. д-р Улага из Марибора предложил заняться изданием словенских учебников для средней школы. На этом же заседании было зачитано письмо декана Петра Хицингера, в котором он по примеру чехов советовал ввести одинаковые учебники во всех словенских землях. Кроме того, Хицингер предлагал создать национальную научную терминологию. Хотя предложения Улагы и Хицингера были встречены доброжелательно, но практических решений по ним не последовало.

На общем собрании Матицы 1 декабря 1870 г. выступил Д. Трстеньяк. Он заявил, что обязанностью Матицы является издание учебников для средней школы. Трстеньяк поддержал Разлаг. И хотя Блейвейс высказал мнение, что учебники являются делом правительства, общее собрание единогласно высказалось в пользу предложения Трстеньяка. В феврале 1871 г. в Комитете был создан специальный отдел по изданию словенских учебников. После этого развернулась широкая деятельность по их публикации. В 1874 г. вышли в свет "Физическая география" Я. Есенко, а также "История австро-венгерской монархии для средних школ и учительских семинарий" Я. Крсника, в 1872 г. были переизданы "Зоология" и "Ботаника" Покорного. В 1881 г. Матица опубликовала учебник Я. Волдржиха "Соматология или наука о человеческом теле" в переводе Эрьявца⁵⁵.

В 1880 г. была издана книга М. Цигале "Научная терминология", в которой автор, опираясь на понятия, введенные у других славянских народов, сделал попытку создать словенскую научную терминологию. Особенно широко Цигале использовал труд хорватского ученого Б. Шулека "Словарь научных названий" (Загреб, 1874 г.)⁵⁶. "Научная терминология" Цигале имела большое значение для развития словенской науки и создания гимназических учебников.

Общеславянская направленность деятельности Словенской матицы сказалась и на поддержании ею связей с другими обществами.

Первыми установили контакты со Словенской матицей Далматинская матица, Галицко-русская матица, Словацкая матица и Сербская матица. В 1866 г. Матица сотрудничала уже с десятью обществами (не считая словенского Общества св. Могора). Кроме перечисленных выше обществ, со Словенской матицей наладили связь Иллирская матица, Чешская матица, Умелецкая беседа (Прага), Общество юристов (Прага), Антропологическое общество (Москва), Академия наук (Петербург)⁵⁷. При этом Академия наук послала Словенской матице в качестве первого подарка 217 книг и 3 атласа⁵⁸. Именно за них Раевский, как посредник, был удостоин звания первого почетного члена Словенской матицы.

Спустя десять лет после основания Словенская матица установила связи с 32 научными и культурными обществами, в том числе с 29-ю славянскими: 6 чешскими, 4 хорватскими, 2 сербскими, 2 русинскими, 1 словацким, 1 болгарским, 1 словенским и 12 русскими. С научными учреждениями России Матица контактировала до конца 1881 г. Кроме вышеупомянутых, она поддерживала отношения с 1866 г. — с Антропологическим обществом (Москва) и Академией наук (Петербург); с 1869 г. — с Обществом издания народных памятников (Вильно), Румянцевским музеем (Москва), библиотекой Славянского комитета (Москва) и Русским географическим обществом (Петербург); с 1872 г. — с Варшавским и Московским университетами, Обществом любителей истории и древностей российских (Москва), Одесским университетом, Филологическим обществом (Воронеж) и Археологическим обществом (Москва).

Основной формой связи Словенской матицы с другими обществами был книгообмен. При этом наибольшая часть книг в ее библиотеку поступала из российских обществ. Так, в 1873 г. Матица получила из России 40 книг, в то время как от всех прочих 20 обществ — 60⁵⁹. За 1875–1876 гг. в Матицу было прислано из

России 66 книг и 16 годовых журнальных комплектов⁶⁰. В статье, посвященной десятилетию со дня основания Словенской матицы ее тогдашний председатель Э. Коста особо подчеркнул благодарность общества М.Ф. Раевскому, "который является посредником в связях с различными русскими литературными учреждениями и обществами"⁶¹.

Были и другие формы контактов. Когда в 1865 г. в Москве возникла идея провести Всероссийскую этнографическую выставку со Славянским отделом при ней, Раевскому было поручено обеспечить последний этнографическим материалом из славянских земель за пределами России. Он обратился к наиболее авторитетным деятелям славянских народов Австрийской империи. В Словении это были лидеры старословенцев Томан и Блейвейс. Раевский через них пригласил Словенскую матицу принять участие в этой выставке. Ответил ему Блейвейс. "Причиной, — писал он, — что Словенская матица не может участвовать в Московской выставке, является то, как мне сказал ее председатель д-р Томан, что это участие по ее Уставу для нее невозможно"⁶². Вместе с тем Блейвейс обещал прислать на выставку национальные костюмы словенцев из Крайны и фотографии к ним, приобретя их на личные средства. В начале 1867 г. обещанные костюмы, пожертвованные братьями Блейвейсами, Томаном и Костой, были доставлены Раевскому. В ответ на это они были приглашены на Этнографическую выставку в Москве. Однако осторожные старословенские лидеры отказались от приглашения. Блейвейс ссылаясь на неотложные дела и плохое здоровье. Так же мотивировал свой отказ и Томан. "Вск мою жизнь, — писал он 30 апреля 1867 г., — у меня было желание увидеть когда-нибудь прекрасный Петербург и Святую Москву. Несомненно, я бы однажды поехал туда, если бы время, дела и все обстоятельства мне это позволили"⁶³.

За костюм и фотографии Блейвейс был награжден организаторами этнографической выставки серебряной медалью.

Словенская матица сотрудничала с Раевским и по другим линиям. Так, в августе 1869 г. она направила ему сведения о

словенских национальных обществах, необходимые Славянским комитетам в России для посылки русских книг в Словению. В 1871 г. Матица вместе с другими словенскими обществами отправила письмо М.П. Погодину по поводу пятидесятилетия его общественной и научной деятельности⁶⁴.

Более активное участие принимала Словенская матица в национальных праздниках соседних славянских народов. В 1873 г. ее члены участвовали в праздновании юбилея чешского просветителя Й. Юнгмана в Праге⁶⁵. На открытии университета в Загребе 19 октября 1874 г. присутствовала целая делегация Матицы во главе с председателем Э. Костой. А в сентябре 1875 г. Комитет Матицы послал Ю.Й. Штросмайеру поздравительное письмо по поводу 25-летия со дня вступления его на епископский престол⁶⁶.

Подводя итоги развития Словенской матицы в первый период ее деятельности (1864–1881 гг.), нужно отметить следующее. *Во-первых*, это было время господства в ней консерваторов, которые не встречали сколько-нибудь серьезного отпора со стороны либералов после того, как из Матицы ушел Левстик, и вплоть до конца 70-х годов, когда в нее вошли представители нового поколения либеральной словенской интеллигенции. Это объяснялось не тем, что в руководстве Матицы не было либеральных деятелей: в ее комитете почти все время состояли Б. Раич, Р. Разлаг, Й. Вошняк, Д. Трстеняк. Но разногласия между ними и консерваторами имелись только по частным вопросам: о покупке дома и типографии для Матицы, о создании журнала и т.д. И это не было случайностью. Как консерваторы, так и либералы принадлежали к тому поколению словенской интеллигенции, которая в своем большинстве вышла из духовенства, и в профессиональном плане отличалась дилетантизмом. Труды Трстеняка, Раича, Поженчана и др. недаром доминировали в изданиях Матицы – они в равной степени соответствовали научному уровню и консерваторов, и либералов.

Только с конца 70-х годов, когда на арену созидания словенской культуры вышло новое поколение либеральной интелли-

генции, получившей профессиональное образование, в Матице началась ее решительная борьба с консерваторами.

Во-вторых, главную свою задачу Матица в рассматриваемые годы видела в развитии словенской науки. Содействие словенской литературе для нее имело второстепенное значение. И хотя в первое время среди научных трудов, изданных Матицей, преобладали дилетантские, к концу указанного периода все больше стало выходить работ, приближающихся к уровню современной европейской науки. Этому, несомненно, способствовало рецензирование опубликованных трудов в словенской и зарубежной печати. Тогда Матицей были заложены в известной степени основы развития словенской науки.

Наконец, *в-третьих*, несомненных успехов Матица добилась в деле создания национальной словенской средней школы. Подготовка учебников путем написания или переводов с других языков, их публикация на словенском языке стали ее большой заслугой в развитии просвещения в Словении.

Примечания

¹ *Čop M.* Izbrano delo. Celje, 1935. S. 33.

² *Medved A.* Anton Martin Slomšek. Celovec, 1900. S. 51–64, 137–138.

³ *Grafenauer I.* Stolica za slovenski jezik na ljubljanskem liceju in slomšekovi tečaji v celovskem semenišču // *Zgodovinski časopis*. 1958/59. S. 279–282.

⁴ Письма Маяра Вразу. 27.I. и 14.X. 1845 – Nacionalna i sveučilišna biblioteka Trezor. Zagreb.

⁵ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Приложение: Дневник И.С. Аксакова. М., 1892. Т. III. С. 116, 117.

⁶ *Slovenec*. Celovec, 1865. № 3. S. 10.

⁷ *Sernec J.* Spomini. Ljubljana, 1927. S. 9.

⁸ *Levstik F.* O delovanju začasnega odbora slovenske Matice za I. občni zbor // *Narodni koledar in letopis Matice slovenske*. Ljubljana, 1886. S. 1.

- ⁹ *Slodnjak A.* Opombe // *Levstik F.* Zbrano delo. zv. 8. Ljubljana, 1959. S. 377.
- ¹⁰ *Prijatelj I.* Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. (1848–1895). Zv. 3. Ljubljana, 1958. S. 433.
- ¹¹ *Levstik F.* Zbrano delo. Zv. 8. S. 130, 134.
- ¹² *Bernik F.* Sto let kulturnega poslanstva // *Slovenska Matica.* 1864–1964. Ljubljana, 1964. S. 12, 13.
- ¹³ *Ibid.* S. 11, 12.
- ¹⁴ *Levstik F.* O delovanju zacasnega odbora slovenske Matice... S. 2–8.
- ¹⁵ *Logar J.* Levstik v boju s prvaki // *Levstikov zbornik.* Ljubljana, 1933. S. 175.
- ¹⁶ *Levstik F.* Zbrano delo. Zv. 8. S. 260.
- ¹⁷ *Ibid.* S. 267–273.
- ¹⁸ *Logar J.* Levstik v boju s prvaki... S. 199, 200.
- ¹⁹ *Praprotnik A.* Poročilo 1880 // *Letopis Matice slovenske.* 1880. S. 343.
- ²⁰ *Letopis Matice slovenske.* 1872/1873. S. 23–27.
- ²¹ *Koblar F.* Slovstvena zgodovina // *Slovenska Matica.* 1864–1964. S. 79.
- ²² *Letopis Matice ...* 1876. S. 220.
- ²³ *Ibid.* 1877. S. 340–344, 350.
- ²⁴ *Koblar F.* Slovstvena zgodovina. S. 83.
- ²⁵ *Narodni koledar in letopis Matice slovenske.* 1867. S. 39.
- ²⁶ *Ibid.* 1868. S. 6.
- ²⁷ *Ibid.* S. 47.
- ²⁸ *Letopis Matice...* 1874. S. 5.
- ²⁹ *Ibid.* 1877. S. 339.
- ³⁰ *Ibid.* 1880. S. 395.
- ³¹ Зарубежные славяне и Россия. М., 1975. С. 433.
- ³² *Arhiv Matice slovenske.* 1866, št. 202.

- 33 Letopis Matice ... 1870. S. 54.
- 34 Ibid. 1869. S. 71.
- 35 Чуркина И.В. Матица словенская и русские славянофилы // Славяне и Россия. М., 1972. С. 118.
- 36 Narodni koledar ... 1868. S. 6, 8.
- 37 Letopis Matice ... 1877. S. 336, 339.
- 38 Narodni koledar ... 1867. S. IV.
- 39 Borko B. Prevodna književnost // Slovenska Matica. 1864–1964. S. 61–66.
- 40 Vodnik F. Izvirna poezija, proza in dramatika // Slovenska Matica. 1864–1964. S. 35–38.
- 41 Bernik F. Sto let kulturnega poslanstva. S. 16.
- 42 Letopis Matice ... 1874. S. 3.
- 43 Чуркина И.В. Русские и словенцы. М., 1986. С. 74, 103.
- 44 Narodni koledar ... 1868. S. 1–39.
- 45 Kos M. Splošna zgodovina // Slovenska Matica. 1864–1964. S. 167, 168.
- 46 Koblar F. Slovstvena zgodovina. S. 76.
- 47 Narodni koledar... 1867. S. 66–70.
- 48 Ibid. 1868. S. 78–85.
- 49 Koblar F. Slovstvena zgodovina. S. 77–79.
- 50 Logar T. Jezikoslovje // Slovenska Matica. 1864–1964. S. 109, 111.
- 51 Merhar B. Folklor in narodopisje // Slovenska Matica... S. 118, 119.
- 52 Letopis Matice... 1875. S. 12.
- 53 Kranjec S. Geografija // Slovenska Matica... S. 195–199, 213–214.
- 54 Smerdu F. Zdravstvo // Ibid. S. 282–285.
- 55 Ostanek F. Šolske knjige // Ibid. S. 408–412.

- 56 Čermelj L. Fizika, astronomija, meteorologija, matematika// Ibid. S. 291.
- 57 Narodni koledar ... 1867. S. 39.
- 58 Ibid. 1868. S. 10.
- 59 Чуркина И.В. Матица словенская и русские славянофилы. С. 119.
- 60 Центральный государственный исторический архив (СПб). Ф. 400. Д. 159. Л. 2 об.
- 61 Letopis Matice ... 1874. S. 8.
- 62 Архив внешней политики Российской империи. Ф. 360. Д. 175. Л. 4.
- 63 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 680. Письма Томана Раевского.
- 64 Чуркина И.В. Русские и словенцы. С. 81.
- 65 Letopis Matice... 1874. S. 14.
- 66 Ibid. 1875. S. 13, 19.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ ОССОЛИНСКИХ ВО ЛЬВОВЕ

*"Утрата независимости политической
и утрата независимости духовной –
это не одно и то же".*

Юзеф Максимилиан Оссолинский

В результате разделов Речи Посполитой между Австрией, Пруссией и Россией (1772, 1793, 1795 гг.) часть ее земель оказалась включенной в состав государства Габсбургов. Вошедшие в состав монархии земли бывшей Речи Посполитой "Королевство Галиции и Лодомерии" и "Западная Галиция" в 1803 г. были объединены в единую административную единицу "Галицию". По численности населения она занимала в монархии Габсбургов четвертое место. Подавляющее большинство ее жителей составляли поляки, на восток от Сана преобладали украинцы. Доля немецкого населения была невелика, значительный процент среди горожан приходился на евреев. В целом Галиции было присуще сложное переплетение социальных, национальных и религиозных моментов¹.

Большая группа польских магнатов и крупных землевладельцев была весьма лояльно настроена по отношению к новой власти, к сотрудничеству с ней стремилась также и часть небогатой шляхты. Помещики-магнаты получили высокие должности и титулы, причем стоило им это недешево. Однако в целом среднее дворянство болезненно переживало утрату государственной независимости, лишение шляхты ряда политических прав².

Земли, присоединенные в результате разделов к государству Габсбургов, оказались отрезанными от польского экономического организма, от традиционных торговых путей и вовлеченными в процессы, протекавшие в Австрийской монархии, это было время "йозефинистских" реформ.

Галиция представляла собой аграрный край с феодальным фольварочным помещичьим хозяйством. Крестьяне обязаны были отрабатывать барщину, иногда практиковалось также взимание "чинша" (т.е. денежной ренты) или сельскохозяйственных продуктов (натуральной).

Патентом Иосифа II (1782 г.) ликвидировалась личная зависимость крестьян, она заменялась "умеренным подданством". Проведенная в 1789 г. "урбариальная" реформа, заменившая барщину на чинш, вызвала сильнейшее недовольство в помещичьих кругах Галиции, так как вела к парцелляции крупных земельных владений. С вступлением на трон Леопольда II урбариум был отменен³. Но все же в 1796 г. был установлен предельный размер барщины.

Администрация провинции возглавлялась губернатором. Условия австрийского абсолютистского государства принципиально отличались от строя шляхетской демократии бывшей Речи Посполитой. Выборные должности, занимавшиеся дворянством, были упразднены, правда, юрисдикция шляхты по отношению к крестьянам была сохранена, так же как и право пропинации и ряд других феодальных привилегий. В результате реформ галицийская шляхта была освобождена от воинской повинности.

Сохранялись некоторые элементы сословной организации. В 1775 г. был учрежден галицийский сословный сейм, но его реальная политическая роль была чрезвычайно мала, что не могло удовлетворить польских магнатов и шляхту. Сейм созывался только два раза – в 1786 и 1788 гг., а затем в его работе наступил длительный перерыв – до 1817 г.

Административные должности, особенно высокие, в Галиции занимали немцы. Государство осуществляло контроль над наукой

и образованием, культурой в целом, во всем отдавая предпочтение германскому элементу. Преподавание в школах велось на немецком языке⁴. Открытый в 1784 г. во Львове университет в основном готовил кадры австрийских чиновников. В 1785 г. в администрации был введен немецкий язык⁵.

Ко времени разделов Речи Посполитой процесс складывания польской нации продвинулся достаточно далеко. Перед польским народом, оказавшимся в конце XVIII в. не только национально угнетенным, но и расчлененным, стояли иные задачи, чем перед другими славянскими народами. Вопрос о едином литературном языке был решен. Существовала, и при этом высокого уровня философская, религиозная, художественная литература. Наука и искусство также достигли значительных успехов. Все это способствовало укреплению национального самосознания.

Польский народ, имевший многовековую историю и лишь недавно утративший государственную самостоятельность, не мог смириться с постигшей его участью. Носители национального сознания должны были изыскивать формы и средства, обеспечивавшие национальное выживание, сохранение польского народа как единого целого, а в конечном счете – его национальное возрождение. Среди наиболее просвещенной части общества утверждалось понимание того, что для сохранения польского народа, развития национального сознания необходимо поддерживать память об общем для всех поляков пути исторического развития, о славном прошлом, служившем источником национальной гордости. От прошлого остались единый язык, достижения в области культуры, науки. Территориальные "переделы" земель бывшей Речи Посполитой продолжались до Венского конгресса. Возникновение временных польских государственных образований – Княжества Варшавского (1807–1815 гг.) и автономного в составе Российской империи Королевства Польского (1815–1831 гг.) – содействовало укреплению надежд на будущую самостоятельность и целостность возрожденной Польши.

Позиция галицийской шляхты по отношению к центральным австрийским властям во многом зависела от расстановки сил и

событий на международной арене. Эти же условия влияли и на внутригосударственную политику венского двора. При внешнеполитических осложнениях он шел на уступки галицийскому дворянству, при улучшении международной ситуации – требования польского дворянства игнорировались.

В условиях инонационального господства культура становится важнейшим фактором, помогающим народу сохранить свою самобытность. В ней усиливается патриотическое начало. Деятельность в области культуры теснейшим образом связывается с целями национальных движений. Одним из выдающихся деятелей польской культуры, много сделавшим для реализации национальной идеи, был Юзеф Максимилиан Оссолиньский. Именно ему обязан своим возникновением и названием польский национальный культурный фонд – Национальный институт имени Оссолиньских (Оссолинеум).

Ю. Оссолиньский родился в 1748 г. в Сандожежском воеводстве. Род Оссолиньских известен был в Польше издревне. Их имения располагались в разных частях страны, основная же часть находилась в Сандожежском воеводстве и на Подляшье. Знаменитым предком был краковский каштелян (правитель, представлявший королевскую власть) Юзеф Оссолиньский, XIII в.⁶ Родители Юзефа Максимилиана, давшие ему строгое, в религиозном духе, домашнее воспитание, надеялись, что сын пойдет по духовной линии. Оссолиньский окончил иезуитский конвент в Варшаве. Среди его учителей были видные деятели польской культуры – Адам Нарушевич, Кароль Вырвич. С раннего возраста Оссолиньского привлекали литературные и научные занятия, позднее он посвятил им себя полностью. Он получил доступ к королевскому книгохранилищу, познакомился с крупнейшим книжным собранием в Польше – библиотекой Залуских.

После первого раздела Польши Оссолиньский обосновался в своих владениях в Галиции уже как австрийский подданный⁷. Политический темперамент, склонность к публичным выступлениям в ответственные моменты жизни страны, широкие личные связи нередко выдвигали его на заметные роли в крупных политических

событиях того времени⁸. Так, Оссолиньский возглавлял галицийскую делегацию, направленную в Вену для приветствия вступившего на трон Леопольда II. При этом она вручила ему экспозе, содержащее жалобы польского дворянства на действия австрийской администрации. Леопольд, стремясь не раздражать польское дворянство в условиях назревавшей войны с Пруссией, предложил разработать проект конституции для Галиции. Он был подготовлен Оссолиньским и в августе 1790 г. представлен на рассмотрение монарху. В проекте нашли отражение идеи Четырехлетнего сейма (1788–1792 гг.), в целом же он свидетельствовал о стремлении верхушки галицийской шляхты сочетать сохранение феодальных устоев с лояльностью венскому двору. Однако международное положение изменилось, угроза войны с Пруссией отпала, и проект конституции остался на бумаге⁹.

С лета 1793 г. Оссолиньский вел переговоры с Тадеушем Костюшко в Галицийском Подгорье, под Краковом, о том, как обеспечить благожелательный нейтралитет Австрии по отношению к готовившемуся восстанию против России и Пруссии. В мемориале, направленном им австрийскому двору, отмечалось, что победа восстания привела бы к объединению польских земель под австрийским правлением¹⁰. После поражения восстания Костюшко около 4 тысяч бывших его участников нашли укрытие в Галиции.

Сильное влияние на политическую жизнь Галиции, как и всех польских земель, оказывали эмигрантские центры. Поскольку ситуация в Галиции для развертывания национального польского движения была более благоприятной, чем в других частях бывшей Речи Посполитой, ее территория рассматривалась и использовалась эмиграцией в качестве организационного центра общепольского конспиративного движения.

В январе 1796 г. деятели трех частей разделенной Польши подписали тайный акт о создании руководящего центрального органа по подготовке восстания в Галиции ("Конфедерация")¹¹. Вскоре на первое место выдвинулся Львовский комитет ("Централизация"), возглавивший конспиративное движение в Галиции, на Волыни, в Полесье и Литве. Отсюда обеспечивалась связь с эмиграцией. "Централизация", стоявшая на республиканских по-

зициях, приняла название "Общество соединенных поляков Восточной Галиции"¹². Своеобразие польского освободительного движения в Галиции состояло не только в тесной связи с общепольским движением и важной организационной роли галицийских центров, но и в сильном воздействии на него событий в остальных польских землях.

В целом же политическая и культурная жизнь польского общества в Галиции текла вяло, охватывая лишь его тонкий просвещенный слой. Уровень слабо развитой прессы был невысок. На страницах немногочисленных изданий помещались преимущественно перепечатки из французской и немецкой периодики. Первые издания начали выходить с середины 1770-х годов – на французском, немецком, польском языках. Среди польских наиболее заметной была "Дзенник патриотычных polityкув" ("Газета политиков-патриотов") (1792–1798 гг.). Позднее популярной стала издававшаяся с 1811 г. "Газета Львовская". Лишь в 1816 г. благодаря стараниям Дзерковского и Лелевеля появился первый научный журнал "Паментник Львовски" ("Львовский дневник"). Позднее вокруг него объединились литераторы и ученые, связанные с Оссолинеумом (Август Белевский, Люциан Семеньский, Адам и Валенты Хлендовские)¹³.

В период Венского конгресса (1815 г.) Оссолинский вновь встречался с Костюшко и вместе с ним редактировал проект польской конституции. В заключительном акте конгресса констатировалось, что польским провинциям гарантируется право на "национальные институты"¹⁴.

После Венского конгресса наступили благоприятные годы для культурной жизни поляков в Галиции. Меттерних демонстрировал готовность пойти им на уступки – в соответствии с общеевропейским духом того времени. Так, во Львовском университете вводилось преподавание польского языка и литературы, и Придворной канцелярией Оссолинскому было поручено отредактировать нужную инструкцию. Однако общая тенденция подавления польской национальной культуры в Галиции продолжала сохраняться¹⁵. Господствующим оставался немецкий язык. Средние слои города Львова были представлены преимущественно

немецким элементом – торговцы, врачи, учителя были немцами. Львов производил впечатление немецкого города, вывески и названия улиц писались по-немецки, сам город назывался Лемберг. Молодежь, в том числе и польская, получала образование на немецком языке¹⁶. В повседневной жизни галицийская шляхта преимущественно придерживалась французских нравов, в этой среде почти полностью отсутствовал интерес к родной истории, литературе, языку. Однако не вся шляхта была столь однозначно глуха к национальным потребностям, свидетельством чего явилось торжественное выражение благодарности Оссолиньскому на второй сессии галицийского сейма за основание первой в крае библиотеки. В 1824 г. сейм принял постановление выбить специальную медаль в его честь.

Предыстория Оссолинеума была сложной и длинной.хлопоты Оссолиньского продолжались более десяти лет. Еще в 1804 г. он обратился к монарху с просьбой о разрешении открыть библиотеку и представил проект ее основания. Оссолиньский писал, что собирал книги и рукописи всю свою жизнь "с целью создать публичную библиотеку – исключительно на пользу моему народу".

В 1804 г. Оссолиньский заключил договор с другим выдающимся деятелем польской культуры Станиславом Замоиским о создании единой библиотеки в Замостье. Но проекту этому не суждено было воплотиться в жизнь, так как военные действия привели к пересмотру границ и Замостье отошло к Княжеству Варшавскому. Тогда мысли Оссолиньского обратились ко Львову¹⁷.

4 июня 1817 г. Франц I утвердил статут будущего Национального института, состоявший из 60 параграфов. В соответствии с ним после смерти Оссолиньского, не имевшего наследников, назначался куратор, должность была наследственной и переходила от отца к сыну. Куратору передавались земельные владения Оссолиньского, часть получаемых с них доходов ежегодно следовало отчислять на нужды Института. Под надзором куратора в Институте должны были трудиться директор, хранитель (кустош) и писарь (скриптор). В обязанности директора входило, в частности, издание научного журнала "Вядомосци о дзелах науковых"

("Известия о делах ученых"). Оссолинский намеревался превратить Институт в центр, объединявший ученых, занимавшихся проблемами отечественной истории и литературы¹⁸. Росло признание научных заслуг самого Оссолинского: в 1808 г. он стал почетным членом научного общества в Геттингене, затем научных обществ в Праге, Варшаве, членом академии в Вене, университетов в Кракове, Вильно и Львове.

25 декабря 1823 г. Оссолинский заключил договор с князем Генриком Любомирским, согласно которому собрания и коллекции последнего включались в Институт под названием "Музей Любомирских". По соглашению с Г. Любомирским решено было разделить кураторство на литературное и экономическое. После смерти Оссолинского литературным куратором становился Г. Любомирский, причем наследование литературного кураторства связывалось с наследованием Пшеворского имения¹⁹.

Ю. Оссолинский, чувствуя приближающийся конец, всячески стремился оградить свое детище от возможных будущих невзгод. В январе 1824 г. он написал завещание, в котором пытался предусмотреть всевозможные обстоятельства ведения дел Оссолинеума. Назначался экономический куратор — Теодор Броневский, внук тетки Оссолинского. Был составлен дополнительный акт к Уставу о создании Института, в нем подробно оговаривались обязанности литературного куратора (забота о книгах и других собраниях и коллекциях, о здании, о внутреннем устройстве библиотеки, найм достойных сотрудников, поддержание в порядке всего имущества, дающего материальные средства для существования библиотеки, и т.д.).

Оссолинский ставил целью обеспечить высокий научный уровень Института. В этой связи интересны те требования, которые, по его мнению, следовало предъявлять к нанимаемым сотрудникам. Претендент на какую-либо должность должен был иметь рекомендацию, а также свидетельства об окончании учебных заведений (включая занятия философией), уметь писать на польском языке, знать латинский, французский и немецкий²⁰. При найме сотрудников, еще не проявивших себя в науке, предусматривалось

обязательное написание двух рефератов: по истории литературы и по библиографии, одного — на польском языке, другого — на латыни. Темы их указывал литературный куратор. Затем приглашались трое профессоров из Львовского университета и еще трое из числа известных ученых для вынесения суждения о представленных рефератах. Все мнения полагалось протоколировать. На их основании литературный куратор решал вопрос о приеме претендента. Оссолинский писал, что литературному куратору следовало самому подыскивать достойные кандидатуры²¹.

Возраст и здоровье Оссолиньского не позволяли ему действовать с прежней энергией, к тому же в 1823 г. он потерял зрение. Умер он в Вене в 1826 г. Польская молодежь в знак признания заслуг Ю. Оссолиньского перед польским народом несла гроб с его телом до кладбища на руках²².

Первым директором Оссолинеума был ксендз Францишек Сярчиньский, охотно согласившийся занять эту должность. Перед Институтом стояло множество проблем — научных, организационных, материальных. Оссолинский тратил на библиотеку больше средств, чем позволяли его материальные возможности. Здание требовало реставрации. В 1826 г. галицийский сейм предоставил Оссолинеуму займ специально для реконструкции здания, позднее эта ссуда превратилась в "подарок". Из предложенных планов перестройки принят был проект капитана Юзефа Бе-ма, ставшего позднее видным деятелем польского национально-освободительного движения²³.

Сярчиньский занялся приведением в порядок библиотеки и составлением каталогов. В соответствии с волей основателя в 1828 г. начал выходить "Часописмѣ наукове ксенгозберу публичного имени Оссолинских" ("Научный журнал публичного книжного собрания имени Оссолинских"), публиковавший много ценных материалов. Но журнал оказался слишком серьезным, чтобы привлечь широкий круг читателей, и не имел успеха²⁴.

Следует особо сказать о контактах Ю. Оссолиньского, а также его последователей с родственными институтами, возникавшими в Австрийской империи у других славянских народов,

взаимном обмене опытом. Будучи префектом (директором) Национальной библиотеки в Вене, Оссолинский в 1792 г. посетил Прагу, познакомился с ее библиотеками. Вероятно, при посредничестве Бартоломея Копитара установилась переписка с Добровским. В феврале 1819 г. Оссолинский отправил чешскому ученому письмо, в котором просил оказать содействие студенту Виленского университета Михаилу Бобровскому, совершавшему научное путешествие по славянским землям. Бобровский посещал центры, занимавшиеся славистическими исследованиями²⁵. В начальный период деятельность Оссолинеума имела много общего с деятельностью Общества Чешского национального музея, сходными были и роль меценатства в их создании, подогревавшегося патриотическими настроениями в аристократической среде²⁶. Признавая заслуги Оссолинского в области науки и культуры, Общество Чешского национального музея избрало его в 1825 г. своим почетным членом.

Существовали контакты и с югославянами. Приехавший в 1809 г. в Вену Копитар при содействии Оссолинского получил должность скриптора Национальной библиотеки и проработал в ней 34 года. После смерти Оссолинского Копитар был назначен членом комиссии по выполнению его завещания. Она подготовила переезд библиотеки Оссолинского из Вены во Львов²⁷. В библиотеке у Оссолинского работал и другой выдающийся ученый — Б.С.Линде. Используя ее богатые книжные собрания, он создал свой знаменитый словарь польского языка. Библиотека Оссолинского стала своего рода центром установления межславянских научных связей. По-видимому, именно здесь Копитар познакомил Вука Караджича с польскими учеными Б. Линде, Г. Бандтке. Через Караджича Оссолинский поддерживал контакты и с Россией. Так, в декабре 1824 г. секретарь Академии наук в Петербурге П. Соколов вручил Караджичу четыре экземпляра отчета Академии за очередной год для передачи одного из них императорской библиотеке, а другого — лично Оссолинскому²⁸.

В годы директорства Сярчиньского укреплялись и развивались польско-чешские контакты, чему немало содействовал на-

местник Галиции Август Лонгин Лобкович (1797–1842), чех по национальности. Ранее он был секретарем Общества Чешского национального музея. Лобкович посылал в Прагу издания Оссолинеума. В январе 1829 г. он обратился к деятелям Чешского национального музея с просьбой прислать копию статута и других официальных документов для ознакомления сотрудников Оссолинеума, намеревавшихся создать при нем литературное общество²⁹. Президиум Общества Чешского национального музея принял решение об обмене публикациями с Оссолинеумом и поручил его выполнение сотруднику библиотеки музея В. Ганке. В 1830 г. членом Общества Чешского национального музея был избран князь Любомирский. Выражая признательность, он отмечал, что будет поддерживать цель чешского общества – "расширение просвещения в народе нам братском, которую должен ставить себе каждый славянин"³⁰.

В конце 1829 г. умер Сярчинский. Смена руководства в Оссолинеуме по времени почти совпала с одним из крупнейших в истории Польши событий – восстанием 1830 г. в Королевстве Польском, оказавшим чрезвычайно большое влияние на рост национального самосознания во всех землях бывшей Речи Посполитой. Его поддерживали не только мелкая шляхта, но и мещанство, ремесленная молодежь. Происходит оживление национального самосознания, находившегося в заторможенном состоянии со времени восстания Костюшко и войны 1809 г.³¹ Усиливавшаяся активность средних слоев настораживала крупных землевладельцев, стремившихся сохранить свое доминирующее положение как в политической, так и в экономической сферах. Они опасались, что восстание может принять излишне радикальный характер, и это окажет нежелательное воздействие на настроение галицийского крестьянства. Поэтому представители польской магнатории считали необходимым взять в свои руки организацию действий по оказанию помощи восставшим³².

Период после восстания 1830–1831 гг. стал временем, когда история Оссолинеума оказалась наиболее тесно связана с польским национально-освободительным движением. Это выразилось как в его деятельности в целом (прежде всего издатель-

ской), так и в привлечении к сотрудничеству бывших участников восстания и деятелей конспиративного движения. Репрессии российских властей в отношении участников восстания, меры, принятые по ликвидации автономии Королевства Польского, ужесточение внутривнутриполитического режима с наглядностью продемонстрировали позицию царизма в отношении польского народа. Поражение восстания привело к теоретическому осмыслению всего круга проблем, связанных с восстановлением независимости и воссоединением польских земель. Особенно интенсивно этот процесс шел в эмиграции, ряды которой многократно увеличились после неудавшегося восстания.

В сентябре 1831 г. директором Оссолинеума стал Константин Слотвинский, человек яркий и неординарный. Безусловно, личность директора наложила отпечаток на деятельность Института.

К. Слотвинский (1793–1846) был известен в Галиции и за границей как историк, юрист, литератор, переводчик с немецкого (он перевел три тома "Истории Польши" Ф. Екеля, автором четвертого был сам)³³. Он неплохо разбирался в экономических вопросах, знал агрономию, сам был хорошим хозяином. Слотвинский пытался провести некоторые преобразования в своем имении, но они не нашли поддержки и понимания у крестьян. В письмах, написанных еще до восстания 1830 г. вице-маршалу галицийского сейма Тадеушу Василевскому, он жаловался на недоверие своих подданных, оказывавших упорное сопротивление каким-либо реформам. Особенно это касалось пропагандировавшейся Слотвинским замены барщины "обером" — натуральным оброком зерном. Социальная активность его проявилась и в создании в неурожайный 1830 г. вместе с Ксаверием Красицким гражданского комитета помощи голодающим. В 1832 г. Слотвинский опубликовал свой знаменитый "Катехизис галицийских подданных о правах и повинностях их в отношении правительства, двора и самих себя"³⁴. В современных исторических трудах "Катехизис" Слотвинского расценивается как серьезная попытка укрепления системы феодального подданства, реформированного в духе йозефинистского "справедливого общественного устройства". О его приверженности идеям "органического

труда", в частности, идее развития национальной экономики, свидетельствует опубликование им проекта Кредитного общества в Галиции³⁵.

Став директором, Слотвиньский энергично взялся за дело. Его старания об открытии публичной библиотеки, типографии и литографии при Оссолинеуме увенчались успехом: в 1833 г. была открыта читальня, что означало превращение частной библиотеки в публичный институт. Об этом мечтал еще сам ее основатель³⁶.

Организация собственной типографии существенно расширяла издательские возможности Оссолинеума. Слотвиньский считал его главной целью распространение польского национального духа, польского языка и литературы, пропаганду польской истории, полагая, что борьба с инациональным угнетением должна вестись всеми средствами как легальными, так и нелегальными. Он стремился, в соответствии с замыслом Оссолиньского, превратить Институт в "бастион польского духа", объединявший все начинания, направленные на восстановление независимости польского народа³⁷.

Слотвиньскому удалось привлечь к работе в Оссолинеуме и сотрудничеству с ним многих патриотически настроенных поляков. В Оссолинеум, его типографию и литографию он стал принимать на работу эмигрантов, участников недавнего восстания. Среди них были Александр Комарницкий, библиотечный практикант, Кароль Сенкевич, хранитель, начальник типографии Казимеж Томашевский, ученик Ян Вноровский и др.³⁸ Слотвиньский разрешал проводить в библиотеке тайные собрания Комитета помощи эмигрантам, созданного Кс. Красицким, вместе с А. Комарницким организовал Общество национальной свободы. После восстания 1830–1831 гг. в планах деятелей польского национально-освободительного движения Галиции отводилось значительное место. Отсюда, а также из Кракова должны были тянуться нити конспиративной сети по подготовке общепольского национального восстания. Оссолинеум наполняли эмигранты и эмиссары польской эмиграции, здесь проходили совещания не-

легальных организаций, проводились законспирированные празднования национальных юбилеев, дат, исторических событий. Без ведома властей Слотвинский готовил празднование второй годовщины восстания.

Для национальной пропаганды требовалось большое количество печатных материалов — брошюр, листовок, воззваний, сборников патриотических песен и т.д. Эмиграция доставляла литературу окольными путями, что было долго, трудно и рискованно. Необходимо было наладить ее издание на месте. Слотвинский решился на публикацию нелегальных материалов, в чем лично принял активное участие. Отдельные издания финансировали частные лица, в том числе А. Комарницкий, Ян Билиньский. Часть брошюр была издана по заказу и на деньги Комитета помощи эмигрантам. Руководивший им Кс. Красицкий распространял их через "своих" людей³⁹.

Публикация нелегальных изданий в типографии и литографии Оссолинеума началась, вероятно, не позднее ноября 1832 г. — к годовщине восстания 1830 г. был напечатан "билет" с изображением польского орла.

С начала 1833 г. Галицию наводнили издания патриотического содержания. Среди них были "Книги польского народа и польского пилигримства" Адама Мицкевича, "Могут ли поляки добиться независимости?" Юзефа Павликовского, "Патриотические песни времен польской революции 1830 года", "Три польские конституции" Иоахима Лелевеля, "Именной список мучеников польских" (речь шла об участниках восстания 1830–1831 гг.). Первая тетрадь "Списка" открывалась словами: "Каждый должен будить национальную мысль, должен увековечивать великий день 29 ноября, начавший великое дело освобождения народа"⁴⁰. Попадавшие в руки полиции экземпляры были изданы, как свидетельствовали их выходные данные, в Париже, Лейпциге, Авиньоне, Бурже, Женеве. Власти усилили таможенную охрану, но количество книг не убавлялось. Наконец, полицейским чиновникам стало заметно явное типографское сходство книг, издававшихся, якобы, в разных местах. Это наводило на мысль, что они печатаются в какой-то тайной типографии, находящейся на территории Галиции. Об Оссолинеуме как источнике нелегальных изда-

ний прямо заявил на следствии по делу об экспедиции эмиссара Заливского (1833 г.) один из ее участников Адольф Ролинский⁴¹.

В этой ситуации власти обратили на Оссолинеум особое внимание. 9 марта 1833 г. в Оссолинеум явился комиссар полиции, наложивший арест на весь тираж книги Слотвиньского "Набросок проекта Кредитного общества в Галиции". В ходе проведенной ревизии был обнаружен литографированный без разрешения властей портрет Т. Костюшко.

В октябре 1833 г. печатание нелегальных изданий прекратилось. Основные распространители печатных изданий — эмигранты — покинули Галицию и Краков. Партия нелегальных материалов осталась спрятанной на чердаке склада. За несколько дней до очередного досмотра она была сожжена⁴².

В 1834 г. на Оссолинеум обрушились карательные меры. Утром 17 апреля здание окружили войска, в результате тщательного обыска в руки полицейских агентов попало много компрометирующего материала. Типография и литография были опечатаны, многие сотрудники арестованы⁴³.

Галицийский сейм потребовал от куратора Оссолинеума сменить состав дирекции, поскольку действующая утратила доверие правительства. Губернатор Галиции барон Криг создал специальную комиссию для проведения ревизии каталогов, описей книг, поступивших в библиотеку начиная с 1830 г. Комиссия обнаружила 402 произведения небезопасного, по ее мнению, содержания. Они передавались на временное хранение в библиотеку Львовского университета, причем около половины из них были даром куратора князя Любомирского. По распоряжению Крига впредь запрещалось покупать или принимать в дар книги без предварительного разрешения властей⁴⁴.

При обыске, проводившемся самым дотошным образом, вплоть до осмотра личного жилища Любомирского и квартиры семьи Слотвиньского, было получено столько доказательств вины Слотвиньского, что 1 июня 1834 г. суд предъявил ему обвинение в государственной измене⁴⁵.

Процесс по делу Слотвиньского продолжался до конца 1837 г. По нему проходило более 10 человек, включая Любомирского

(сотрудники: Оссолинеума, его типографии и литографии, львовские книготорговцы). Суд приговорил Слотвиньского к 12 годам тюремного заключения, апелляционный суд сократил срок до 8 лет. Комарницкий был приговорен к 10 годам (после апелляции – к шести), оба были лишены прав дворянства. Слотвинский провел два года во львовской тюрьме, затем его перевели в крепость Куфштейн. Здесь его умонастроения претерпели существенные изменения. Пережитые тяготы и страдания, смерть жены привели к тому, что Слотвинский стал человеком очень религиозным. Вел он себя безукоризненно, и срок заключения был уменьшен еще на два года. Вернувшись в свое имение, он предался молитвам, свершению добрых дел и т.д. Жизнь его закончилась трагически – в ходе "галицийской резни" 1846 г. он погиб под ударами цепов, палок и кос разъяренных крестьян – "с крестом в руках и молитвой на устах"⁴⁶.

Период, связанный с процессом о государственной измене, был чрезвычайно тяжелым временем в истории Оссолинеума, когда само его существование оказалось под угрозой. Барон Круг еще в апреле 1834 г. заявил о своем намерении придать деятельности Института такое направление, при котором он был бы "достоин опеки и доверия правительства"⁴⁷.

В эти годы вновь вставал вопрос о названии Института. Если в 1828 г. в его названии слово "научный" было заменено на слово "национальный" – по образцу аналогичных институций, возникавших в других частях Австрийской империи, то в 1833 г. Лобкович предпринял попытку снять слово "национальный". Австрийские власти лелеяли мысль о закрытии Оссолинеума и передаче его собраний университетской библиотеке во Львове или же императорской – в Вене⁴⁸. Важной для спасения Института оказалась направленная властям записка губернского советника Галиции Вацлава Залеского, в которой он обосновывал невозможность упразднения Оссолинеума, поскольку создание его было утверждено императором Австрии⁴⁹.

В период директорства К. Слотвиньского связи Оссолинеума с другими культурными центрами славянских народов Австрий-

ской империи не прерывались, а с чехами еще более расширились. Предложение В. Ганки усилить обмен публикациями нашло поддержку в Институте.

Большое впечатление на сотрудников Оссолинеума произвело известие о возникновении Чешской матицы. Второй номер журнала "Часописмо наукове" ("Научный журнал") (1832 г.) перепечатал обращение Общества Чешского национального музея к своим соотечественникам в связи с основанием денежного фонда под названием "Чешская матица". Редактор журнала К.Слотвиньский в комментарии упрекал и польскую шляхту, и простой народ в пустом расточительстве, приводя в пример деятельность "мужа, достойного почитания", который все свое имущество отдал на пользу обществу — "это незабвенной памяти Юзеф Максимилиан Оссолиньский". Далее он называл тех, кто поддерживал его дело: Марцелла Ворцель, Винценцы Копыстыньский, Ксаверий Холоневский, Юзеф Бенедикт Павликовский, Адам Юноша Росцишевский. "Ради наших детей и нашего края нужно, если мы не можем или не хотим отдавать свои имения, отдавать каждый год хотя бы небольшую долю доходов, остающуюся у нас, не отрывать ее от необходимых трат, но от излишков", — призывал он. "Есть Матица чешская, пусть будет и Матка галицийская!" — так заканчивал он свое обращение к читателям⁵⁰.

Слотвиньский стремился создать при Оссолинеуме польское научное общество. Он обратился к Ганке с просьбой о помощи в налаживании научной переписки с Шафариком и Колларом. После ареста Слотвиньского контакты с чехами все же удалось сохранить, в частности, благодаря деятельности Белевского.

Август Белевский (1806–1876) родился в Восточной Галиции, участвовал в восстании 1830 г. в Королевстве Польском, затем вернулся в Галицию. Во Львове он помогал эмиссарам, принимал участие в издании нелегальных публикаций, в 1834–1835 гг. подвергался аресту в связи с процессом о государственной измене. В 1836 г. был освобожден и с большим трудом получил место в Оссолинеуме, где ему суждено было прослужить более 30 лет. Белевский перевел на польский язык "Слово

о полку Игореве", издал альманах "Зевония", "Чешские думы" Ганки. В 1837 г. он обратился к В. Ганке с просьбой помочь издать в Праге второй том альманаха "Зевония", получить там позволение цензуры. В конце 1837 г. в Прагу пришло извещение, что в Галиции эта книга запрещена. При сравнении экземпляров альманаха, одного – разрешенного пражской цензурой, и другого – представленного венской, выяснилось, что в издаваемый в Праге вариант было дополнительно включено "Повествование" Л. Семенского. Альманах был признан политически вредным. Власти решили конфисковать 48 экземпляров, оставшихся в Праге, однако основная часть тиража (450 экз.) была уже отослана Белевскому во Львов. Для политической оценки произведения Семенского провели специальную экспертизу. Экспертами были назначены И. Юнгман и П. Й. Шафарик. Рассматривался вопрос о времени описываемых Семенским событий: венский цензор считал, что речь идет о восстании 1830–1831 гг., а чешский – о событиях 1705–1709 гг., как говорилось во введении. В итоге львовская полиция арестовала издание полностью, было решено, что в дальнейшем все польские рукописи должны проходить цензуру в Вене. Распространение в Галиции изданного в 1839 г. в Страсбурге третьего тома "Зевонии" было запрещено⁵¹.

После процесса о государственной измене Оссолинеум медленно возвращался к нормальной жизни. Пост директора долго оставался незанятым. Читальный зал для публики не открывался. Обязанности куратора выполнял Гвалберт Павликовский. Видный библиограф Станислав Пшиленцкий принялся приводить в порядок библиотеку. Но как политически неблагонадежный, он мог занимать в ней только низшую должность "практиканта". Позднее он был уволен из Оссолинеума и выслан из страны⁵².

С конца 30-х годов положение Оссолинеума постепенно начало улучшаться. Во второй половине 1839 г. его директором стал Адам Клодзиньский (1795–1858). Он не был видным ученым, поэтому многие были недовольны его назначением, полагая это нарушением устоявшейся традиции, и хотели бы видеть во гла-

ве Оссолинеума крупного ученого. Но деятельность энергичного и предприимчивого директора принесла немалую пользу Институту⁵³. Главной его заслугой было осуществление перестройки здания Оссолинеума. Причем, когда материальное положение Института резко ухудшилось в связи с убийством во время "галицийской резни" экономического куратора фонда Т.Броневского, А.Клодзиньский продолжал строительные работы за счет собственных средств⁵⁴.

В результате перестройки здания появилась возможность открыть картинную галерею, нумизматический кабинет. Была готова принять посетителей и читальня, но власти не давали на это согласия. Однако собственно библиотечным делам внимания в эти годы уделялось сравнительно немного. Все же в 1844 г. инвентаризация была закончена, приступили к составлению систематического и алфавитного каталогов. Через два года алфавитный каталог был готов. Хранитель Шляхтовский работал над составлением каталога коллекции польских медалей и монет.

Энергичный директор предпринял шаги по возобновлению издательской деятельности Института, начав с "Библиотеки фонда имени Оссолиньских". И с 1842 г. "Библиотека" стала выходить ежеквартально. Еще по замыслу Оссолиньского этот журнал должен был объединять исследователей польской истории, стимулировать научные занятия. Журнал публиковал труды видных польских ученых и литераторов – А.Белевского, В.Поля, К.Шайнохи, А.Фредро и др. Правда, число его читателей было невелико. В 1847 г. Клодзиньский передал руководство изданием поэту Винцентию Полю, журнал стал выходить ежемесячно. Новому редактору удалось привлечь к сотрудничеству известных авторов, и популярность журнала возросла. Однако Польша недолго возглавлял это издание. Начавшийся революционный подъем отразился на судьбе редактора, а тем самым и на судьбе журнала: в марте 1848 г. австрийские власти сочли нежелательным пребывание Поля в Оссолинеуме⁵⁵.

В 40-е годы XIX в. в просвещенных кругах польского общества становятся модными литературные салоны, возникает

они и во Львове. В таких салонах обсуждались литературные и философские проблемы, политические новости, вопросы дальнейшей судьбы польского народа и т.д. В доме Клодзиньского проводились еженедельные "вторники", на которых собирались ученые, литераторы, группировавшиеся в основном вокруг "Библиотеки". Они читали собственные сочинения, нередко предназначенные для этого журнала, обсуждали другие издания. Ежегодно 12 октября (в день рождения Оссолиньского) в Оссолинеуме проводились заседания в память основателя. Тогда это были единственные публичные заседания во Львове, в которых принимали участие творческая интеллигенция, университетская молодежь, присутствовали архиепископы всех трех конфессий. Живейший интерес в кругах, близких к Оссолинеуму, вызывали приезды во Львов знаменитых ученых, музыкантов и др. В апреле 1847 г. в залах Оссолинеума принимали Ф. Листа⁵⁶. В середине 40-х годов Оссолинеум представлял собой культурный центр польского общества Галиции. Вокруг него сосредотачивались лучшие польские интеллектуальные и творческие силы Львова⁵⁷.

Краковское восстание 1846 г. и кровавые события в Галиции наглядно показали, какую силу представляют собой городские низы и крестьянство, насколько остро стоит вопрос не только о национальном освобождении, но и о необходимости коренного изменения существующих социально-экономических порядков. Левые шляхетские демократические круги как на польских землях, так и в эмиграции, напуганные социальной активностью крестьянства, проявили стремление к объединению всех общественных сил, выдвинув лозунг "классового солидаризма". Галицийская шляхта, непосредственно на себе испытывавшая весь ужас крестьянских выступлений, не без оснований считала, что они были подогреты как демократической пропагандой галицийских нелегальных организаций, деятельность которых направлялась эмиграцией, прежде всего Польским демократическим обществом, так и выжидательной, а по существу подстрекательской, в отношении галицийской шляхты позицией австрийских властей. И потому шляхта не могла единодушно принять лозунг

"классового солидаризма". Она все больше рассчитывала на помощь России в случае угрозы повторения подобной ситуации. Трагические события в Галиции оказали определяющее влияние на становление и укрепление польского консерватизма (прежде всего именно в Галиции), представлявшего интересы в основном крупных помещиков. Консерваторы пытались искать иные, не революционные, не насильственные пути социально-экономических и политических преобразований общества.

К кругу реформаторов консервативного направления принадлежал и Ежи Любомирский (1817–1872), ставший в середине 1847 г. заместителем литературного куратора Оссолинеума, своего престарелого отца, а практически куратором. При нем вновь усилилась политическая роль Института, почти угасшая после процесса Слотвиньского⁵⁸. Любомирский с молодых лет был ревностным сторонником всего, что являлось "польским и народным, национальным", боготворил родной язык. Его пристрастие ко всему польскому проявлялось и в обыденной жизни. Так, он почти всегда носил только национальную одежду⁵⁹.

Любомирский поддерживал традиционные для Оссолинеума контакты с деятелями чешской культуры и чешского национального движения. Его симпатии во многом объяснялись личной биографией: в 1834–1835 гг. он учился в Пражском университете, где приобрел своего лучшего друга – Вацлава Штульца, постоянно державшего его в курсе событий и чешского национального движения, и научной жизни. В 1847 г., намереваясь наладить в Галиции издание доступных дешевых книг для поляков, по примеру Чешской матицы или Иллирской матицы, Любомирский обратился за подробной информацией к Фр. Палацкому. Ему был прислан Устав Матицы. Любомирский уже собирался приступить к изданию массовой дешевой библиотеки, но наступил 1848 год.

В революционные годы на первый план выступило сотрудничество с чехами в политической области. В конце апреля–начале мая Любомирский участвовал во Вроцлавском общепольском политическом конгрессе, с 1 июня был вице-председателем Славянского съезда в Праге⁶⁰.

При получении во Львове известий о революции в Вене, поляки обратились к императору с требованиями отмены феодальных порядков, обеспечения условий для свободного развития польской народности, введения польского языка в школах и администрации, установления равенства граждан перед законом и т.д. 19 марта на улицы Львова вышла городская беднота. Ситуация обострялась. Губернатор Франц Стадион разрешил приступить к формированию национальной гвардии и освободить политических заключенных. Созданием национальной гвардии занялся новый бургомистр Львова Агенор Голуховский.

В эти дни Оссолинеум становится важным политическим центром. В его залах проходит обучение добровольцев национальной гвардии, во дворе проводится строевая подготовка войск⁶¹. 26 марта в Оссолинеуме собрались члены депутации в Вену во главе с Е.Любомирским, направлявшиеся туда для передачи польских политических требований⁶². Правительство поспешно отменило барщину, 22 апреля извещение об этом было опубликовано во Львове.

Сотрудники Оссолинеума не оставались в стороне от происходивших событий. На волне демократизации во Львове стало увеличиваться количество периодических изданий. Именно в этой области, наиболее близкой им профессионально и носившей остро политический характер, прежде всего заявили о себе деятели Оссолинеума. Директор Института А.Клодзиньский, вошедший в состав Центральной Рады Народовой (польского национального комитета), принимал участие в делегации, обратившейся к губернатору Ф.Стадиону с просьбой о разрешении издавать политическую газету "Дзенник народowy" ("Национальная газета"). Ее стал выпускать Леон Корецкий, бывший деятель Общества польского народа, находившегося под влиянием левого крыла польской эмиграции. С 1847 г. он занимал должность скриптора в Оссолинеуме. Заседания Рады Народовой, галицийского сейма проходили в залах Оссолинеума. В мае Клодзиньский участвовал в работе Славянского съезда в Праге⁶³.

Выходил журнал "Приятель люда" ("Друг народа"), предназначенный для "просвещения и развлечения сельских жителей".

Редактором его был скриптор и архивист Оссолинеума Ю.А. Каминьский. В журнале сообщались политические новости, публиковались правительственные постановления, хозяйственные советы по агрономии, а также нравоучительные рассказы или же просто развлекательные истории⁶⁴.

1 ноября 1848 г. в результате бомбардировки австрийскими войсками восставшего Львова начался пожар, в котором сгорели ратуша и библиотека университета. С протестом к командующему австрийскими войсками в Галиции генералу Хаммерштейну направились депутация из трех человек, среди них был и А.Клодзиньский. Как отметил в своих воспоминаниях В.Поль, "генерал Хаммерштейн заявил пару дней спустя после бомбардировки Львова, что он очень сожалеет о том, что забыл о библиотеке Оссолиньских, а то спалил бы и ее"⁶⁵.

Участвуя в работе Рады народной, Клодзиньский, Шляхтовский и Белевский поставили вопрос о введении польского языка в качестве языка преподавания в школах Галиции. Шляхтовский полагал, что самой важной задачей Оссолинеума является не ведение научных исследований, "не наука, а просвещение". Типография Оссолинеума должна издавать учебники и пособия, книги для чтения. Оссолинеум как бы поворачивался лицом к насущным практическим потребностям, вовлекался в русло "органического труда"⁶⁶. Неудачная попытка Е. Любомирского организовать Польскую матицу (на 1848 г. удалось найти только 22 подписчика), не остановила Шляхтовского. Он решил финансировать издания за собственный счет. В проспекте "дешевых изданий" (1849 г.) он обращался к будущим читателям: "Не надо терять время! Для полезного дела не бывает плохих времен. Ожидание хороших перемен ... уже принесло нам немало вреда, ибо во всякое время, при самом непоправимом положении всегда есть целое поколение, которое нуждается в учении — молодежь. При всяких политических изменениях и неопределенности возвращение умов должно идти своим путем"⁶⁷. Одновременно Шляхтовский принял меры для распространения печатавшихся книг: в октябре 1848 г. Школьный совет направил в школы Галиции циркуляр, информировавший о возможности приобретения

дешевых книг. За два года Шляхтовский издал 11 книг, в том числе "Историю Польши" И. Лелевеля, свои собственные сочинения, произведения К. Шайнохи и др.⁶⁸

Оссолинеум приобрел новое направление в своей деятельности, в дальнейшем ставшее неперменной его функцией, родившей его с уже существовавшими матрицами у других славянских народов. Однако при этом искажался основной замысел основателя Института, снижался его престиж как научного учреждения. Главная цель, поставленная Оссолиньским при создании Института, заключалась в сбережении культурных национальных ценностей, спасении их от безвестности и возможной гибели путем научного издания памятников. Отсюда проистекали и высокие требования научной элитарности и возложение на Оссолинеум своего рода культурно-научного "посланичества" (миссии) по сохранению и возрождению польского народа с помощью духовных средств.

Деятельность Оссолинеума всегда интересовала просвещенные польские галицийские круги. Нередко они занимали критическую позицию, что сразу же находило отражение в прессе⁶⁹, причем не только галицийской. В 1842 г. весьма резко выступили против Оссолинеума сотрудники "Пшонки" (сатирического журнала демократического направления, издававшегося в Париже). Они обвиняли Клодзиньского в отходе от научной деятельности, неэффективности издательской работы, сосредоточении лишь на хозяйственных проблемах. Клодзиньский оправдывался, заявляя, что его действия соответствуют воле Оссолиньского, а достройка здания необходима для его приспособления к нуждам научного учреждения, каковым является Оссолинеум⁷⁰.

Сильнейшая кампания против Оссолинеума открылась в 1849 г. выступлением краковской газеты "Час" ("Время"), обвинившей Институт в том, что он не издает обязательного научного журнала, прикрываясь отсутствием средств. В нескольких номерах "Газеты познаньской" была опубликована большая анонимная статья "О Национальном институте имени Оссолиньских".

В ней утверждалось, что Оссолинеумом руководят люди, не соответствующие занимаемым постам — такие как Клодзиньский и Шляхтовский. Единственным достойным кандидатом на пост директора являлся, по мнению газеты, А. Белёвский. В сентябре 1850 г. появилась также анонимная брошюра "Научный институт и ненаучные люди", собравшая всевозможные обвинения против Оссолинеума и его руководства. Были отмечены финансовый развал, использование денег в личных целях, необоснованное прекращение издания журнала "Часописмо наукове", бессмысленные покупки малоценных книжек, беспомощность в обработке собраний, малодоступность книг и коллекций, низкий уровень каталогов и т. д.

Одной из причин сложного положения с журналом "Часописмо наукове" было то, что Ю. Оссолиньский не предусмотрел выделения специальных средств на его финансирование. Журнал носил исключительно научный характер и в условиях резкого возрастания общественного интереса к политическим вопросам, возникновения множества актуальных изданий, снижения числа добровольных жертвователей оказался при существе без читателя, и после выхода четырех номеров в 1848 г. прекратил свое существование. Что же касается А. Белёвского, то он трудился в Оссолинеуме по приглашению Клодзиньского, понимавшего необходимость создания тематического каталога, являвшегося делом чрезвычайно трудоемким и требовавшим высокой квалификации составителя⁷¹.

А. Белёвский был видным польским поэтом, литератором, историком. В 1830 г. он вступил в войска Королевства Польского, участвовал в битвах под Гроховом и Остроленкой. После поражения восстания вернулся во Львов, в 1834 г. подвергся аресту за нелегальную деятельность, два года провел в тюрьме. С 1845 г. состоял на службе в Оссолинеуме, сначала в должности скриптора, затем хранителя.

Вызывавшая нарекания современников деятельность Клодзиньского по перестройке здания, огромный размах строительства при отсутствии необходимых средств, бесконечные задержки и отсрочки в открытии читального зала — все это меша-

ло налаживанию полнокровной научной деятельности Института. Казалось, что нет необходимости в столь грандиозной перестройке здания, затеянной Клодзиньским. Однако в будущем, с возрастанием количества книг, периодических изданий, выгоды такой реконструкции стали очевидны и оценка деятельности Клодзиньского изменилась в положительную сторону. Здание Оссолинеума без существенного ремонта простояло более ста лет⁷².

Итогом полемики о деятельности Оссолинеума явился уход из него в конце 1850 г. и Клодзиньского, и Шляхтовского. Последний, правда, до самой смерти продолжал поддерживать с Институтом тесные научные контакты⁷³.

С января 1851 г. заместителем директора Оссолинеума стал А. Белёвский, чьи научные заслуги сомнений не вызывали. Так закончился в истории Института период, связанный с эпохой революций 1848–1849 гг. Введенное в Галиции военное положение сохранялось до 1854 г. Наместником края был назначен польский аристократ Агенор Голуховский.

После смерти куратора Института Г. Любомирского в 1850 г. его место должен был занять сын Ежи. Но правительство отказало ему, потребовав предварительно юридически оформить право на владение Пшеворским имением, что затянулось на два десятка лет. Истинной причиной недовольства властей кандидатурой Е. Любомирского была его активная политическая позиция, в частности, поддержка чехов⁷⁴. Кроме того, Любомирскому было поставлено условие: при приеме сотрудников в Оссолинеум он обязан был получать согласие австрийских властей. Тогда он сам отказался от кураторства. И в Оссолинеум был назначен "комисарычный" (полицейский!) куратор – Маурицы Дзедушицкий (1813–1877)⁷⁵.

За время своего фактического литературного кураторства (до 1851 г.) Е. Любомирский несколько упорядочил финансовые дела Оссолинеума, занялся пополнением библиотеки, коллекций, что повысило научную значимость и престиж Института. Он прилагал также усилия к установлению широких научных контактов

в стране и за ее пределами, стремился привлечь к работе в самом Оссолинеуме видных ученых. Временным заместителем директора был назначен А. Белёвский. В 1853 г. должность "кустоса" занял Кароль Шайноха. Его имя было важно для Оссолинеума, а должность в Институте давала Шайнохе возможность спокойно заниматься научной работой. Однако в 1857 г. он ослеп и вынужден был оставить Оссолинеум. Его место занял прибывший из Парижа Ксаверий Гобебский, бывший участник восстания 1830–1831 гг. Он служил в Версальской королевской библиотеке, много сделал для создания эмигрантской библиотеки. Имея большой опыт, он продолжил работу по изданию словаря Линде, привел в порядок кабинеты резной деревянной скульптуры и нумизматики. Вопрос о сотрудниках был сложным, трудно было найти достойных ученых, которые согласились бы на трудоемкую кропотливую работу по описанию, систематизации и т.д. В повседневной практике некоторую помощь оказывали студенты-стипендиаты, но они менялись каждые два года, так что необходимая преемственность прерывалась⁷⁶.

Издание журнала было возобновлено только в 1862 г. – под названием "Библиотека Оссолинских. Письмо истории, литературе, умышленностям и жечам народным посвенцоне" ("Библиотека Оссолинских. Журнал, посвященный истории, литературе, искусству и национальным делам") (выходил до 1869 г.).

С 1862 г. стало осуществляться издание фундаментальной серии "Монуменга полониа хисторика" ("Памятники польской истории"), план которой многие годы разрабатывался А. Белёвским и Я. Шляхтовским. Для поиска древних польских памятников Шляхтовский еще в 1847 г. предпринял длительную поездку по славянским библиотекам. Он посетил Петербург, Кенигсберг, Гданьск, Эльблонг, Торунь, Познань, Курник, Берлин, Дрезден, Вроцлав, Краков. Ему удалось установить многочисленные научные контакты. Аналогичную поездку совершил позднее и А. Белёвский, посетивший в 1857 г. библиотеки Петербурга и Москвы. Первый том памятников вышел в 1864 г., второй – в 1872 г., в 1876 г. начал печататься третий том.

Впоследствии это издание было признано важнейшей польской публикацией в XIX столетии.

В 1861 г. с началом периода реформ в Австрийской империи был издан и особый статут для Галиции, воссоздавался галицийский сейм.

Выступивший на первой сессии сейма Е. Лкбомирский предложил принять срочные меры к тому, чтобы власти прекратили управление Оссолинеумом. Его предложение сейм принял. Однако борьба за устранение полицейского управления была нелегкой. М. Дзедушицкий оставался в Оссолинеуме до 1869 г. Он упорядочил административные дела Оссолинеума, а также финансовые, и — что было очень важным — разделил обязанности куратора как лица административного и директора как научного руководителя Института. При нем впервые в 1864 г. была принята специальная инструкция для служащих Оссолинеума⁷⁷.

В период восстания 1863 г. ряд сотрудников Оссолинеума принимали в нем участие: действовавший в отряде Лелевеля-Борелевского Мечислав Романовский, бывший стипендиат Бернард Калицкий, включившийся в кампанию помощи повстанцам. Во Львов прибыл Людвик Набеляк и поселился у Белёвского в здании Оссолинеума. Е. Любомирский, как и другие галицийские консерваторы, считал восстание "великой национальной и политической ошибкой", но это не помешало ему устроить в своем имении в Пшеворске госпиталь для больных и раненых повстанцев⁷⁸. С февраля 1864 г. по май 1865 г. Галиция вновь находилась на военном положении.

С середины 60-х годов в библиотеку Института имени Оссолиньских стали поступать различные издания, порожденные восстанием. В тяжелой атмосфере неопределенности, национальной катастрофы, политической неуверенности, наступившей после подавления восстания, Оссолинеум стал прибежищем для многих творческих умов⁷⁹.

С преобразованием абсолютистской Австрийской империи в конституционное дуалистическое государство Австро-Венгрии Галиция вошла в австрийскую часть монархии. Соглашение 1867 г. не предоставило Галиции прав на самоуправление. Созванный в

конце августа галицийский сейм принял резолюцию с требованием самоуправления путем усиления самостоятельности сейма. Было принято также постановление об употреблении польского языка в качестве официального в администрации, финансовых и судебных органах, о ведении преподавания на польском языке во Львовском и Краковском университетах, однако переписка с центральными органами продолжала вестись на немецком. При этом не учитывались национальные интересы украинского народа. Австро-венгерское соглашение 1867 г. и связанные с ним преобразования имели важное значение и непосредственно для Оссолинеума. Е. Любомирскому были возвращены кураторские права. В 1870 г. он, в соответствии с договором его отца с Оссолинским, перенес Пшеворский музей во Львов, и коллекции Оссолинеума существенно расширились.

Собрания Оссолинеума

Год	Уникальные издания	Рукописи	Автографы
1827	10 121	552	
1830	24 342	748	
1840	55 597	750	
1855	47 523	1 341	2 160
1860	49 654	1 329	2 189
1870	60 690	1 872	2 52580

Оссолинеум располагал также самым богатым во всей Польше собранием периодических изданий.

В 1869 г. директором Оссолинеума стал А. Белёвский⁸¹. В центре внимания руководства Института все больше оказываются чисто научные вопросы, налаживается контроль за сохранностью книг, ведется просмотр и исправление каталогов, осуществляется инвентаризация. Происходят структурные изменения: создается штат постоянных сотрудников, имеющих библиотечно-музейную специализацию⁸², из общего читального зала выделяется отдельный зал для ученых.

Научные силы Оссолинеума были заняты прежде всего публикацией уникальных рукописных материалов, хранящихся в его собраниях. Решено было предпринять какое-либо издание, которое осталось бы в веках — выбор пал на библию королевы Зофьи. Книга вышла из печати в роскошном переплете, с детальными комментариями. Вацлав Кентшинский и Станислав Смолька подготовили первый том "Дипломатических кодексов библиотеки имени Оссолиньских". В то же время издание "Библиотеки им. Оссолиньских" приостановилось.

После восстания 1863 г. в деятельности Оссолинеума усиливается влияние идей "молодых" консерваторов, считавших важной задачей развитие культуры и распространение просвещения⁸³.

Деятельность Оссолинеума входила в спокойное русло, в ней усиливалось научное направление. Институт утрачивает то место, которое он занимал ранее в общественной жизни Галиции, становясь профессиональным учреждением — из "национального" он все более превращается в "научный".

Руководивший им Е. Любомирский полагал, что Оссолинеум должен возглавить научную жизнь Галиции. Одной из главных задач он считал организацию работы по охране памятников старины. По всей Галиции были назначены специальные уполномоченные для проведения археологических раскопок, охраны памятников, обеспечения сохранности земельных и городских актов. Оживившаяся при Любомирском научная деятельность Оссолинеума способствовала поднятию его научного престижа, укреплению его значения как научно-организационного центра. Любомирскому удалось привлечь к сотрудничеству с Оссолинеумом видных ученых.

Оссолинеум прошел долгий и трудный путь развития. Он стал крупнейшим и важнейшим культурно-просветительным и научным учреждением Польши. Его история неотделима от истории общественно-политической жизни польских земель. Связь эта в какие-то периоды выступала ярко и непосредственно (прежде всего в годы после восстания 1830—1831 гг. в Королевстве Польском и во время революции 1848—1849 гг.), в иные — уга-

сала (после восстания 1863 г.), но на всем протяжении своего существования Оссолинеум неизменно продолжал сохранять значение общепольского национального культурного и научного центра, выполнял высокую патриотическую миссию, о которой мечтал его основатель — Юзеф Максимилиан Оссолинский.

Примечания

- ¹ *Grodziski St.* Historia ustroju społeczno-politycznego Galicji. 1772–1848. Wrocław etc., 1971. S. 29, 31.
- ² *Ibid.* S. 32–34.
- ³ *Tyrowicz M.* Prasa Galicji i Rzeczypospolitej Krakowskiej. 1772–1850. Kr., 1979. S. XXVI, XXVIII.
- ⁴ *Trzynadlowski J.* Zakład Narodowy imienia Ossolińskich. 1817–1967. Wrocław etc., 1967. S. 15, 16, 17.
- ⁵ *Tyrowicz M.* Prasa Galicji... S. XXVIII.
- ⁶ *Jabłońska Wl.* Józef Maksymilian Ossoliński. Szkic biograficzny. Wrocław etc., 1967. S. 11–13.
- ⁷ *Fischer A.* Zakład Narodowy imienia Ossolińskich (Ossolineum). 1817–1917. Lwów, 1917, S. 15, 16.
- ⁸ *Tyrowicz M.* Ossolineum a życie polityczne Galicji w dobie przedautonomicznej // Ossolineum. Księga pamiątkowa w 150-lecie Zakładu Narodowego im. Ossolińskich. Wr., 1967. S. 144.
- ⁹ *Grodziski St.* Historia... S. 34.
- ¹⁰ *Tyrowicz M.* Prasa Galicji ... S. XXX.
- ¹¹ *Ibid.* S. XLV.
- ¹² *Ibid.* S. XLVI.
- ¹³ *Grodziski St.* Historia... S. 17–18.
- ¹⁴ *Tyrowicz M.* Ossolineum... S. 146.
- ¹⁵ *Ibid.* S. 148, 149.
- ¹⁶ *Fischer A.* Zakład... S. 33.
- ¹⁷ *Ibid.* S. 26, 27.
- ¹⁸ *Ibid.* S. 28; Zbiór ustaw i dokumentów dotyczących się Zakładu imienia Ossolińskich. Lwów, 1851. S. 2–4.

- 19 Zbiór ustaw... S. 18.
- 20 Ibid. S. 29.
- 21 Ibid. S. 30, 31.
- 22 Fischer A. Zakład... S. 32.
- 23 Ibid. S. 34; Mańkowski T. Dzieje gmachu Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich. Lwów, 1927. S. 48.
- 24 Fischer A. Zakład... S. 35.
- 25 Žaček V. Kontakty kulturalno-naukowe Ossolineum z Czechami// Ossolineum. 150-lecie... S. 83–86; Modelski T. Ossolineum i Czeskie Muzeum Narodowe (pierwsze związki i zawiązki) //Rocznik ZNiO. Wr., 1953. T.IV.
- 26 Žaček V. Kontakty... S. 90.
- 27 Durkowić-Jakšić L. Jugosławianie i Ossolineum //Ossolineum. 150-lecie... S. 107, 108.
- 28 Ibid. S. 109, 110.
- 29 Žaček V. Kontakty... S. 91.
- 30 Ibid. S. 93.
- 31 Tyrowicz M. Galicja od pierwszego rozbioru do Wiosny Ludów. 1772–1849 //Galicja w latach 1772–1842. Kr.–Wr., 1956. S. LXI.
- 32 Ibid. S. LXI.
- 33 Wiśłocki Wł.T. Tajne druki Zakładu Ossolińskich. W stulecie procesu o zdradę stanu. Lwów, 1928. S. 9–10.
- 34 Czasopismo naukowe. Lwów, 1832. Z. 1.
- 35 Tyrowicz M. Ossolineum... S. 152, 153.
- 36 Fischer A. Zakład... S. 34.
- 37 Wiśłocki Wł.T. Tajne druki... S. 12, 13.
- 38 Ibid. S. 13.
- 39 Ibid. S.12, 13.
- 40 Ibid. S. 55.
- 41 Ibid. S. 8, 9.
- 42 Ibid. S. 18.
- 43 Ibid. S. 20.

- 44 Ibid. S. 20, 21.
- 45 Ibid. S. 22.
- 46 Ibid. S. 23, 24, 27.
- 47 Ibid. S. 24, 26.
- 48 Ibid.. S. 24.
- 49 Ibid. S. 26.
- 50 Czasopismo naukowe. 1832. Z. 2. S. 3, 7.
- 51 Žaček V. Kontakty... S. 95, 97, 99, 100.
- 52 Fischer A. Zakład ... S. 39.
- 53 Ibid. S. 39.
- 54 Ibid. S. 40, 41.
- 55 Ibid. S. 40.
- 56 Ibid. S. 58.
- 57 Lewandowska-Jaraczewska I. Zakład Narodowy im. Ossolińskich za dyrektury Adama Kłodzińskiego. 1839–1848. Wrocław etc., 1980. S. 115.
- 58 Tyrowicz M. Ossolineum... S. 160.
- 59 Wiśłocki Wł. T. Jerzy Lubomirski. 1817–1872. Lwów, 1928.
- S. 6.
- 60 Žaček V. Kontakty... S. 94; Tyrowicz M. Ossolineum... S. 161.
- 61 Fischer A. Zakład... S. 41, 42.
- 62 Tyrowicz M. Ossolineum... S. 161.
- 63 Ibidem.
- 64 Zawalska M. Czasopisma Wiosny Ludów drukowane w ZNiO// Ze skarbca kultury. Biuletyn informacyjny Zakładu Narodowego im. Ossolińskich Biblioteki PAN. Z. 19. Wrocław etc., 1967. S. 216–219.
- 65 Цит. по кн.: Fischer A. Zakład... S. 42.
- 66 Korzon Kr. Polemika o zadaniach Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich (Echa pierwszego dwudziestolecia)//Ze skarbca kultury, N 19. Wr., 1967. S. 30

- 67 *Korzon Kr.* Polemika ... S. 48, 49.
- 68 *Ibid.* S. 49.
- 69 *Ibid.* S. 9.
- 70 *Ibid.* S. 13–14.
- 71 *Ibid.* S. 24.
- 72 *Ibid.* S. 36.
- 73 *Ibid.* S. 54.
- 74 *Fischer A.* Zakład... S. 76.
- 75 *Ibid.* S. 77.
- 76 *Ibid.* S. 51.
- 77 *Tyrowicz M.* Ossolineum... S. 164, 165.
- 78 *Ibid.* S. 165.
- 79 *Ibid.* S. 166.
- 80 *Fischer A.* Zakład... S. 71.
- 81 *Ibid.* S. 57.
- 82 *Ibid.* S. 56.
- 83 *Ludwikowski Rett R.* Szkice na temat galicyjskich ruchów i myśli politycznej (1848–1892). Praca z nauk politycznych. Z. 15. Warszawa–Kraków, 1980. S. 84, 85.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Укрепление гражданского общества и нарастание освободительных стремлений у поработанных славянских народов в XIX в. обусловили появление и развитие у них одностипных общественных организаций — матиц, призванных свойственными им средствами содействовать решению актуальных задач, связанных со становлением рыночных отношений и общества Нового времени, — формированию культуры нового исторического типа, интеллектуальному обеспечению общественного прогресса, национальному самоутверждению каждого народа как равноправного творца и участника европейской цивилизации.

XIX столетие было золотым веком культуры славянских народов. Не говоря о России, в других славянских землях, раньше или позже, возникла целая сеть разного рода творческих кружков, обществ, объединений, развивавших литературу, науку, национальный литературный язык, а также институций, призванных хранить культурные ценности (библиотеки, музеи), наконец, учреждений, способных доводить интеллектуальные и художественные достижения до читательской, зрительской, просто грамотной, думающей аудитории (типографии, издательства).

Славянские матицы существенно отличались от них. Они соединили в себе разные сферы культурной жизни — создание интеллектуальных и художественных ценностей, их издание, тиражирование, наконец, распространение научных книг и литературных произведений в народе. Матицы в своей деятельности были ориентированы не только на профессиональную культуру, хотя обогащение и наращивание творческого процесса было важным направлением их занятий, но и на само общество, и не в последнюю очередь на простых людей с целью повышения общего культурного уровня населения. Матицы были организованы на своего рода акционерных принципах. На вложенный участником

общества в форме членских взносов капитал каждый получал дивиденд в виде бесплатного экземпляра каждой изданной книги. Акционерная организационная основа в сочетании с патристическим подъемом населения позволили некоторым матицам, в отличие от строго научных или литературных объединений, стать в отдельные периоды их истории, а наиболее очевидно к концу XIX в., массовыми организациями. Хотя путь матиц был тернист и труден, они подвергались давлению со стороны властей, слабели, вновь воскрешались, меняли содержание и формы своей деятельности в соответствии с динамичной действительностью, ряд матиц сохранились до наших дней. Они нужны были обществу, и общество питало и питает их жизнь.

Матицы возникли и функционировали у славянских народов под властью Австрии, Пруссии и Саксонии, т.е. там, где государство противостояло славянскому гражданскому обществу не только как бюрократическая сила, но и как инонациональная, чужеземная власть. На Балканах положение славян было еще более тяжелым. Там из-за произвола, анархии и деспотизма османов вообще исключалась какая-либо общественная деятельность подвластного Порте населения. В России, а также в автономном Княжестве Сербии отношение государства и общества в сфере культуры было противоречивым и сложным. При всех цензурных строгостях и давлении на демократическую культуру российский двор и правительство участвовали в развитии русской культуры, связывая с ее подъемом престиж страны, ее хозяйственные и политические интересы. В России государство избирательно воздействовало на культуру русского, а тем более других народов, в Австрийской империи оно до 60-х годов XIX в. противостояло духовному развитию славян. С установлением политических и гражданских свобод во второй половине века были ослаблены препятствия на пути культурного самоутверждения славянских народов в австрийской части двуединой монархии. Но государственная власть в Венгрии продолжала подавлять культуру славян. Матицы были формой духовного самосохранения гражданского общества у славян перед лицом инородного государства.

При всех особенностях развития каждой матицы в обстоятельствах их появления, содержании и формах деятельности были существенные общие черты.

Славянские матицы возникли в разное время, период их создания растянулся почти на 40 лет. Это было связано как со степенью готовности того или иного общества к функционированию подобной организации, так и с политикой властей. Но всюду, у всех народов матицы появились в обстановке национального подъема, на волне общественного воодушевления. Это были окрашенные романтическими настроенными 20–40-е годы, революция 1848–1849 гг., 60-е годы XIX в. Каждая матица вела отсчет своей жизни от крупных вех в истории народа.

Особое место в развитии славянских матиц в XIX в. заняли революционные годы. "Весна народов" сопровождалась в ряде регионов Центральной Европы кровавыми национально-освободительными войнами. Революция, отмеченная народными восстаниями с их неизбежными жертвами, но также и бескровными формами борьбы, несмотря на политическое поражение и неоднозначную роль славянских лидеров в ее исходе, тем не менее открыла новые перспективы перед славянскими народами. Уже в ходе ее славянские культуры получили мощный импульс для своего развития. Общественный подъем в условиях свободы печати нашел выход в расцвете публицистики, численном росте периодических изданий, появлении новых жанров в литературе и графике, широком распространении патриотической песни и т.д. Состояние духа сказалось в увеличении числа членов Чешской и Иллирской матиц и появлении подобного общества у украинцев в Восточной Галиции. Иное, разрушительное воздействие, особенно на духовную жизнь словаков и сербов, оказало славяно-венгерское военное столкновение, переросшее в австро-венгерскую широкомасштабную войну с вовлечением в военные действия царской России. Вооруженный конфликт задушил Сербскую матицу, ослабил энергию Иллирской матицы, лишил словаков всякой общественной жизни. Судьба, уготовившая воскрешение абсолютизма, уравнила участь победителей и побежденных.

Матицы были детищами национально-освободительных движений и развивались вместе с ними, имея близкую динамику и отражая их сильные и слабые стороны. Сам факт образования матицы являл собой значительную национальную акцию.

Эта связь получила выражение прежде всего в численном составе и социальном облике матиц. В эти организации входили представители тех слоев населения, которые составляли социальную основу движения. Чем шире был круг участников движения, тем многочисленнее была соответствующая матица. В свою очередь от числа членов зависела ее материальная мощьность. Матицы сербов, чехов, хорватов, начав свою жизнь как объединения представителей средних и верхних слоев общества, с демократизацией национально-освободительных движений получили широкую поддержку в обществе. В Чехии, Хорватии и Словакии матицы в годы наивысшей активности насчитывали по несколько тысяч членов. Наоборот, ослабление связей украинской матицы во Львове с национально-освободительным движением имело результатом сужение ее состава. Но сдвигала позиции старая матица, ей на смену набирали силу однотипные, схожие институты, в большей степени отражавшие национальные потребности украинского народа.

У руководства матиц стояли наиболее видные культурные и общественно-политические деятели – Ф.Палацкий, Ф.Ригер, Л.Гай, Й. Суботич и др.

Степень активности матиц колебалась в зависимости от общеполитической ситуации и состояния освободительной борьбы. Развитие и деятельность матиц в XIX в. протекали неравномерно. Периоды их активности чередовались с годами депрессии, совпадая с этапами национально-освободительного движения. Поражение революции 1848–1849 гг., явившейся кульминацией нараставшего общественного подъема первой половины XIX в., повлекло за собой тяжелые времена в жизни хорватской, чешской и украинской матиц, закрытие национальных газет и журналов, ослабление издательской деятельности. Реформы 60–70-х годов сопровождались подъемом уже существующих и образованием Далма-

тинской, Словацкой, Словенской матиц. Со стабилизацией дуализма, отступлением и временной капитуляцией оппозиционных славянских сил последовал застойный период в истории матиц. Словацкая матица была в это время вовсе запрещена, Хорватская находилась в поисках путей самостоятельного существования, Сербская и Далматинская ограничились изданием дешевых масовых библиотек. Нарастание к концу века освободительных стремлений среди славян в Дунайской монархии дало новый живительный импульс большей части матиц. Приближались бурные события начала XX в., открывшие новую страницу в истории славянских народов.

Матицы в своих изданиях, особенно в периодике, хотя в разное время с неодинаковой интенсивностью, пропагандировали основные программные позиции, идейные принципы, конкретные установки национально-освободительных движений. Даже, казалось бы, такие далекие от реальности издания матиц, как словари, учебные пособия, руководства, служили в конечном итоге решению задачи утверждения позиций национального литературного языка.

Матицы были органами национально-освободительных движений, представляя в числе других институций культурно-просветительное направление в нем. Поэтому жизнь матиц имела широкие общественные аспекты. Их роль была особенно значительной тогда, когда не было условий для политической деятельности.

Устройство матиц было схожим. Руководство избиралось общим собранием членов. Во главе организации стоял председатель обычно из наиболее видных авторитетных лиц — епископ (Мойзес, Платон Атанацкович), аристократ (Я. Нойберт, Я. Гаррах, К. Мартиниц), выполнявшие скорее почетную роль покровителя, или представитель интеллигенции, основатель и наиболее деятельный член (Й. Хаджич, Б. Петранович). Текущими делами занимались заместители, один или несколько. В руководство входили казначей и секретарь. Члены матицы в зависимости от вступительного взноса, порядка избрания, места нахождения, степени и характера участия в жизни организации подразделялись на почетных, действительных и корреспондентов. Первые выбирались

из числа лиц высокого общественного положения, известных писателей и ученых. Действительные члены подразделялись в свою очередь на основателей, вносивших единовременно или в рассрочку крупную сумму денег, и рядовых членов, плативших ежегодные взносы. Корреспондентами были национальные писатели, проживавшие в отдаленных от местонахождения матицы краях, или иностранные деятели науки и литературы. В круг действительных членов входила интеллектуальная элита славянских народов, писатели и ученые различных областей знаний, независимо от политических взглядов и ориентации. Объединяющим фактором был патриотический пафос служения своей нации, но конечная цель, пути, методы достижения ее процветания представлялись при этом по-разному.

Ежегодно проводилось общее собрание членов матицы, носившее обычно торжественный характер. Тем самым подчеркивалось ее важное место в жизни народа. Собрание заслушивало отчет руководства о работе общества за истекший период, разрабатывало и принимало планы на будущий год, выделяло денежные средства на издательскую деятельность, конкурсные премии, а также контролировало финансовые операции. На собраниях проводились выборы постоянного комитета, занимавшегося конкретными делами и состоявшего из литературного и хозяйственного отделов.

Сферой интересов матиц была культура, притом как на профессиональном творческом уровне – создание членами матиц писателями и деятелями науки оригинальных сочинений, финансовая поддержка творчества, так и на уровне рядового сознания – его обогащение научными знаниями и художественными произведениями путем целенаправленного их издания. С матицами были связаны самые крупные имена в науке, литературе, публицистике у славян. Это были П.Й.Шафарик, Ф.Палацкий, Ив. Мажуранич, Л. Гай, Ив. Кукулевич-Сакцинский, П. Прерадович, Ф. Левстик, Й. Йованович Змай, Я. Смолер и многие другие.

Благодаря матицам славянские культуры обогатились капитальными научными трудами, занявшими достойное место в мировой науке, художественными произведениями, периодическими изданиями, популярными общепользовательными книгами, учебной и справочной литературой. Матицы содействовали наращиванию общего объема интеллектуальной и художественной продукции и разнообразию ее видов. По инициативе и при финансовой поддержке матиц возник ряд других культурных учреждений, обучались студенты. Матицы были в центре культурной жизни славянских народов, и характер их деятельности был показателем интенсивности культурного процесса в целом.

Это было общее положение. Но конкретные дела отдельных матиц были зачастую несхожи. Все зависело от научной и художественной атмосферы в каждой земле, уровня грамотности населения, материальной мощности матиц. Развитые научные и художественные традиции, относительно высокий общий уровень культуры чешского общества, почти поголовная грамотность населения в Чехии к середине XIX в. позволили Чешской матице создать и издать фундаментальные научные труды и произведения высокой литературы. Наоборот, отсталость Далмации, ее периферийное положение в империи, бедность крестьянства, вынужденного постоянно бороться с голодом или его угрозой, обусловили направление деятельности Далматинской матицы в русло издания дешевой народной библиотеки.

Формирование культуры нового исторического типа являлось необходимой составной частью общественного развития на этапе перехода к свободной рыночной системе и ее утверждения. У славян в силу особенностей их положения и исторических обстоятельств национальная культура приобретала значение символа народа. Деятельность по защите и развитию национальной культуры имела тогда широкий общедемократический, освободительный смысл.

При отсутствии у одних народов на отдельных этапах, у других — и вовсе национальных политических форумов судьба нацио-

нального литературного языка, функционирование родной литературы обретали судьбоносное значение для самого существования народа как этнической индивидуальности. На материалах культуры решались жизненные вопросы дальнейшего развития этих народов. История была не просто наукой, но способом самоутверждения, аргументации, общественного самоосознания. Сам факт национальной литературной и научной практики выражал жизнеспособность народа, содержал в себе заявку на равноправие в кругу европейских народов. В этих условиях деятельность матиц неизбежно получала политическое звучание. Показательно, что Словацкая матица была венгерскими властями запрещена как ин-ституция "антипатриотического и опасного" направления.

Широкая общественная миссия матиц состояла и в том, что они играли национально-репрезентативную роль. У сербов это была первая общественная организация, независимая от православной церкви, у чехов – первое национальное объединение, у словаков – единственное официально признанное национальное учреждение. В годы неабсолютизма только матица представляла на общественной арене духовно подавленную Хорватию. Трудным и сложным был путь развития матиц в XIX в. Но они, хотя и с перебоями, стойко сохраняли роль очагов национальной культуры, центров собирания национально-патриотических сил, символа национального подвижничества.

Как культурные учреждения, нацеленные на общий подъем духовного развития своего народа и поддерживавшие широкие связи прежде всего внутри славянского мира, но также и с культурами других народов, матицы способствовали внедрению в национальную среду общечеловеческих культурных достижений, будь то переводы произведений европейской классики, признанного достояния европейской цивилизации, или компиляции иноязычных работ с полезными сельскохозяйственными, медицинскими и прочими наблюдениями, рекомендациями и советами. В действиях матиц, направленных на то, чтобы сделать доступными для крестьян с помощью дешевых изданий произведения "большой" литературы и просто популярные книги, была заложена гуманная тенденция,

хотя в просвещении крестьян присутствовала и определенная политическая ориентация.

Матицы объединяли лиц разной социальной принадлежности, неодинаковых взглядов, отличных общественных позиций и эстетических представлений. Это были общенациональные культурные институты. Организаторами и первыми руководителями Сербской, Чешской и Иллирской матиц были деятели умеренных убеждений. Серболужицкая и Словенская матицы оказались под влиянием консервативного духовенства. Но соотношение сил внутри матиц и их общественная ориентация не были устойчивыми, определяясь множеством факторов, прежде всего конкретной обстановкой в крае, характером и взаимоотношениями политических лагерей в более широких рамках национально-освободительного движения. В условиях сложной внутринациональной общественной борьбы, столкновения разных интересов, противоречий, проецировавшихся и на внутреннюю жизнь матиц, последние не всегда находили адекватные требованиям времени решения. Это отчетливо проявилось в позиции Сербской матицы в отношении реформы сербского литературного языка, проводимой В. Караджичем. И та же Матица в новых условиях конца 60-х годов под влиянием демократической интеллигенции на переломе эстетического сознания выступила в поддержку художественной теории и практики на принципах реализма, в то время в наибольшей мере соответствовавшего эстетическому освоению действительности, и новаторской просодики.

Матицы в своем развитии отражали коллизии общественной жизни в широком плане, противоречия самого культурного процесса. Но в конечном итоге в самих этих обществах преобладала умеренная, собирающая силы тенденция. И в национальной среде они выполняли социально-связующую функцию, содействуя консолидации национальной общности на основе общепризнанных, отечественных культурных ценностей. Деятельность матиц по поддержанию и укреплению национальной целостности народа имела особое значение в условиях его разделения государственными и административно-политическими границами.

Особенность общественной жизни большей части славянских народов в австрийском государстве состояла в том, что она прошла стадию усиленных действий по объединению в большей или меньшей степени на тех или иных основаниях близко родственных народов. Эта общественная тенденция получила наиболее отчетливое выражение в иллиризме, затем югославизме, а также чехословакизме. Соответствующие матицы участвовали в пропаганде подобных замыслов и в культурной практике. Несмотря на утопизм самого принципа одного народа, в действиях матиц по предотвращению и преодолению изоляционизма родственных народов было заложено позитивное общечеловеческое начало. Во второй половине XIX в. в Чехии с ее традиционным земским патриотизмом матица выступала стабилизирующим фактором в "богемском" обществе, примиряя непримиримых в конкретных делах, направленных на повышение интеллектуального уровня богемцев.

Характерными чертами жизни матиц были сложность структуры их деятельности, многоликость функций в обществе, многозначность связей внутри своего народа и с другими народами. Но главное, они были общественными организациями с отчетливой национально-утверждающей, гуманистической и освободительной направленностью.

Значительным был вклад матиц в сотрудничество и сближение всех славянских народов. Межславянские связи имели идеологическое обоснование в разного рода концепциях и проектах единения славян. При разности их социального содержания и наличии в них подчас негативных моментов, противоречивших потребностям исторического развития отдельных славянских народов, теории и программы межславянского сближения имели положительный выход на практическое учашение и расширение общественных межславянских контактов. Они в значительной мере осуществлялись посредством матиц, которые стали фактором их дальнейшего формирования.

Матицы поддерживали активные отношения с российскими культурными учреждениями. В свою очередь русская обществен-

ность была хорошо осведомлена и высоко оценивала деятельность матиц. Признанием со стороны России заслуг выдающихся представителей славянской культуры явилось награждение ряда ученых в 1862 г. по случаю тысячелетия российского государства орденами. Это были И. Кукулевич-Сакцинский, избранный до того членом-корреспондентом Российской академии наук, В. Караджич, Б. Петранович, Й. Суботич, Й. Хаджич, А. Мажуранич и др.

На протяжении XIX в. менялся удельный вес деятельности матиц в общем объеме культурной практики каждого народа. Возникали, особенно во второй половине столетия, независимые от матиц периодические издания, увеличивая массу печатной продукции, появились новые научные центры. В этих условиях вклад матиц в культурный процесс относительно снижался. Они стали представлять славянские культуры в числе других престижных и значимых институций. Это было проявлением поступательного движения общественной жизни, закономерным следствием нарастания объема культуры. Утрачивая полифункциональность, матицы обретали более четко очерченную сферу действий.

Результаты позитивной деятельности матиц в XIX в. вошли составной частью в культурный фонд славянства, наследованный последующими поколениями.

СОДЕРЖАНИЕ

Моравская матица	
<i>(З.С. Ненашева)</i>	3
К истории Болгарской матицы	
(Б.Н. Билунов)	34
Далматинская матица	
<i>(И.И. Лециловская)</i>	48
Словацкая матица	
<i>(Г.Ю. Харцьева)</i>	69
Словенская матица	
<i>(И.В. Чуркина)</i>	114
Национальный институт имени Оссолинских во Львове	
<i>(Г.В. Макарова)</i>	152
Заклсчение	
<i>(И.И. Лециловская)</i>	186

СЛАВЯНСКИЕ МАТИЦЫ XIX ВЕК

Коллективная монография

Часть вторая

Книга и оригинал-макет подготовлены к печати
в Редакционно-издательском отделе ИСБ РАН

Обложка - М.И.Леньшиной

Л.Р. № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 04.01.96. Печ.л. 10,0. Тираж 300 экз.
Заказ № 120. Цена договорная

Типография ИПТК "Логос" ВОС
129164 Москва, ул. Маломосковская, 8.

